

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

N.Y.P.L. RESEARCH LIBRARIES

Slav.
Reserv
92-506

Slav. 11.7
9.2 - 5067

R. 11.7

СКАЗКИ ДУХОВЪ,

ИЛИ

ЗАБАВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ ГОРАМА,
СЫНА АСМАРОВА.

Сочиненіе на Персидскомъ язы-
кѣ, съ котораго переведено
на Аглинской Карломъ Морел-
ломъ, бывшимъ прежде по-
сланникомъ Аглинскихъ се-
леній въ Индіи, при Дворѣ
Великаго Могола.

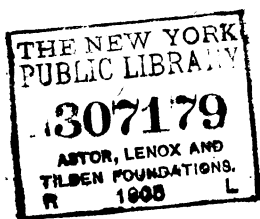
Часть III.

Изданіемъ Типографической Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

въ вольной Типографіи И. Лопухина,
Указнаго дозволенія, 1785 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ
третьей части.

Страницы

Волшебники, или Миснарѣ,
Султанѣ Индійскій. - 1.

Повѣсть о Магудѣ. - 81.

Продолженіе сказки о вол-
шебникахѣ, или о Мисна-
рѣ, Султанѣ Индійскомѣ. 164.

СКАЗКИ ДУХОВЪ. ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

Волшебники, или Миснаръ, Султанъ Индійскій.

Сказка шестая.

По смерти сильнаго Дабулкомбара, восточнаго повелителя, Миснаръ, мудрой Миснаръ, младшій сынъ Сулпановъ, возшелъ на престолъ Индійскій. Едва денница времени покрыла мягкими власами его подбородокъ, сердце его познавало уже мудрость. Онъ наипаче всего прилжалъ къ познанію самаго себя. Ни блескъ окружавшаго его великодушія, ни предель за-
Часть III. А бавъ,

бавѣ , возмущавшая раждающіяся въ немъ спраспи , ни ласкательства подлыхъ невольниковъ , его обожавшихъ , не могли отвлечь его отъ сего превосходнѣйшаго ученія.

Царствованіе свое началъ онъ собраніемъ мудрыхъ своего пространнаго владѣнія отъ Кабула и Апшока , копорые видятъ скрывающее въ водахъ морскихъ лучи свои солнце , даже до Тоаноа , въ копоромъ блестящіе верьхи мечешей первыіе первыми лучами онаго освѣщающся.

Тогда Факиръ , Кіумсо Банзакскій , Балигю Кедскій , пущынникъ вѣрныхъ , мудрый Буша Биснагарскій и Кандюза , Иманъ Лагорскій , повинулись повелѣніямъ Свѣплѣйшаго Султана . Прибыли также въ сіе славное собраніе Салласальсоръ Нек-
баль-

Бальскій, Карнашанъ, вѣрѣй-
 нѣйшій поклонникъ съ береговъ рѣ-
 ки Авы, пророкъ Мангело, ко-
 шораго мудросши удивляюща
 каменнѣя горы Каксольскія,
 и Гарагъ, старѣйшій и славнѣй-
 шій изъ мудрецовъ, обитающихъ
 на горахъ Кагарэи. Азо послалъ
 славнаго исполковапеля словъ,
 и Нарвана философа, пріобык-
 шаго чишати въ великой книгѣ
 тѣлѣ, плавающихъ въ шверди
 небесной, судьбы людей и го-
 сударствъ. Эйрамондъ, отецъ
 пророковъ Наукракюшскихъ,
 оставилъ горы, въ копорыхъ
 онъ и мудрые, съ нимъ оби-
 тавшіе, надъ копорыми онъ
 былъ начальникомъ, родились.
 Лакпорскіе Брамини, искуснѣй-
 шіе въ знаніяхъ, были также
 присланы повѣренными.

Судшанъ Миснаръ повелѣлъ
 всѣмъ симъ славнымъ мудрецамъ

4

собрагься въ Диванъ. Онъ при-
былъ въ оной и самъ, сопровож-
даемый Дворомъ своимъ ; сѣлъ
на престолъ предковъ своихъ,
и открылъ имъ сердце свое
сѣдующими словами :

» О вы , испочники просвѣ-
щенія и знаній ! сказалъ Ми-
снарь : совѣты ваши мнѣ нынѣ
нужнѣе и драгоцѣннѣе сущь
рудъ Раалкондскихъ и изумру-
довъ Канійскихъ. Мудрость
есть истинная и надежная под-
пора славы. Могущество Индій-
скаго Султана ушверждается на
совѣсахъ мудрецовъ своихъ. Вы,
кошорыхъ благоразуміе есть
плодъ долговременныхъ опы-
товъ ! научите Миснара тому ,
что онъ долженъ дѣлать, чтобы
досшойно прославить престолъ
сильнаго Дабулкомбара ; чтобы
доставить благоденствіе сво-
имъ народамъ , и самому жишъ
ща-

щастливо и спокойно посреди смущеній, трудовъ, попеченій и опасностей, нераздѣлимыхъ съ царствованіемъ? Тотъ, кто научилъ меня право и хорошо царствовать, будетъ почтенъ мной опцемъ и благодѣтелемъ.»

Собранные мудрецы удивились благосклонному снисхожденію своего молодого Султана. Одинъ изъ нихъ палъ предъ трономъ, прочіе послѣдовали его примѣру, и всѣ единогласно его привѣщивали :

„Премудрость да предходитъ во всѣхъ путяхъ Свѣтлѣйшаго Миснара! Умъ нашего славнаго Султана да сіяетъ какъ дневное свѣтило!„

Послѣ сего желанія пророкъ Зейрамондъ возсталъ и говорилъ Султану :

„Я вижу мрачныя облака несчастій, собирающіяся для смуще-

щенія будущихъ дней. Великій Султанъ Индіи! души злыхъ ненавистниковъ впайны умышляюще на твою гибель и буйственно возстающе противъ тебя. Возстающая туча уже гошова излишь ядоносный дождь на главу твою; но книга непоспимыхъ судебъ открыва предъ мною, и я въ ней читаю щасливое и славное окончаніе сихъ смущеній. „

Такъ говорилъ Зейрамондъ. Духъ Аллы говорилъ устами его; онъ имѣлъ вдохновеніе. Всѣ мудрецы взирали на него съ удивленіемъ, когда онъ произносилъ сіе предсказаніе; а какъ престалъ онъ отъ пророчества, пали они лицомъ на землю въ присушствіи Божества, ему вдохнувшего даръ предвидѣнія.

Миснаръ не смутился отъ предвѣщаемыхъ ему несчастій; — душа

душа его уже приготовлена была къ коловратностямъ. Приключеніе, каково бы оно ни было, не могло поколебать его.

„Друзья мои! сказалъ онъ имъ спокойнымъ духомъ: роза не цвѣтѣтъ безъ колючихъ иголокъ, жизнь не проходитъ безъ нѣкошорыхъ опасностей и бѣдъ. Воздушное облако разливается дождемъ на поля наши прежде, нежели пшено распустило свои вѣщочки; жена слышитъ плачъ рождаемаго ею на свѣтъ младенца и болѣзнуешь, видя его плачущаго, въ самое то время, когда чувствуетъ удовольствіе быть матерію. Не печальтесь и вы, друзья мои, о несчастіяхъ, угрожающихъ вашего Султана; я взираю на оныя неустрашимымъ окомъ въ той надеждѣ, что ваша мудрость и ваши совѣты помогутъ мнѣ снести

спли онѣя, и поправить дѣй-
ствіе и нападеніе рока такъ,
чтобъ онъ зависѣлъ отъ меня
самаго. Добродѣтель учинитъ
насъ вышшими надъ щастіемъ. „

При сихъ словахъ мудрецы
возстали, взирая со изумле-
ніемъ на веселой и спокойной
видъ своего Сулпана. Они уди-
влялись толикому благоразумію
и крѣпости въ шоль юномъ
сердцѣ.

Глубокое молчаніе царство-
вало между ими на долгое вре-
мя. Потомъ старѣйшій изъ со-
бранія приблизился къ неустра-
шимому Князю, и предложилъ
ему сей совѣтъ:

„Живѣйшій свѣтъ земли! ска-
залъ онъ почтительнымъ голо-
сомъ; ты, котораго добродѣтель
и невинность не были еще пред-
метомъ коварственныхъ хитро-
стей

стей злыхъ и ухищреній обма-
на; ты, кощораго чистая и
праведная душа не знаетъ му-
чителныхъ коловратностей и
скрышныхъ предпріятій сердца
человѣческаго! не полагайся на
случай, когда собственныя твои
рамена могутъ утвердить те-
бя на престолѣ отца твоего.
Благоразуміе требуетъ не оп-
аживаться дерзко на то, въ
чемъ онъ можетъ надѣяться на
самого себя. Султанъ! ты имѣ-
ешь брата; кровь Царская те-
чень въ его жилахъ; сердце его
синонь же велико, сколько и его
рожденіе. И такъ Агюбалъ дол-
женъ пожаль быть въ самомъ
цвѣтѣ его, возраста, пока не
пришелъ онъ въ мужа совершен-
на и въ состояніе возстать про-
тивъ тебя; ты долженъ его
испребить, какъ испребляетъ
и исторгаетъ изъ полей сво-
ихъ

ихъ земледѣлецъ вредоносную ла-
кару (*).

Какія недостойныя подо-
зрѣнія смѣешь ты вдыхать мнѣ!
опившисывовалъ молодой Сул-
танъ. Какой подлой и гнусной
совѣтъ опваживаешься ты пред-
лагать мнѣ. Развѣ нѣтъ дру-
гаго средства утвердиться на
престолѣ правосудія и благо-
творенія, кромѣ кровопролитія
и брашоубивства? Благоразуміе и
предосторожность, омывающія-
ся кровію, переспаютъ бытъ
добродѣтелию: они перерожда-
ются въ злость и слабость.
Нѣтъ! рожденный для творенія
правосудія, никогда не утвер-
дитъ своего могущества на кро-
ви,

(*) Лакара есть родъ ядовитой травы,
растущей въ изобиліи въ нѣкоторыхъ
островахъ Индіи; но въ Евро-
пѣ совсѣмъ почти неизвѣстна.

ви, мучительствѣ и притѣсненіи. Праведный и святой Алла не послалъ меня въ міръ для разширенія смерти и тѣни на пошомствѣ пророка его Магомета. Ежели страхъ и покореніе есть добродѣтель подданнаго, то благошвореніе есть совершенство Аллы, и держащіе его мѣсто на земли должны слѣдовать всеобщей любви; какую онѣ имѣють ко всему шворенію. Но на тебя, которой дерзнулъ совѣщавать мнѣ испребить ошпащокъ поколѣнія великаго Дабулкомбара, ошмщеніе крови брата моего да падетъ! Смерть швоя загладитъ швое беззаконіе.,

Спражи Дивана, услыша произнесенное сіе мнѣніе, бросились исполнить сіе опредѣленіе. Они схватили ложнаго мудреца, и поднявъ свои сабли на главу виновата.

ваго, умертвили бы его на томъ самомъ мѣстѣ, ежели бы Миснаръ не остановилъ ихъ слѣдующими словами:

„Никто изъ моихъ подданныхъ да не дерзаетъ нарушить святость сего убѣжища утѣсенной невинности! Храмъ правосудія не долженъ никто осквернять кровію; однако изведите сіе чудовище отъ лица моего, и безчеловѣчныя его желанія да погасятся въ собственнѣйшей крови его.“

Едва онъ окончалъ повелѣнія свои, спражи хопѣли тотчасъ схватили мудреца; но какъ скоро они къ нему приблизились, вдругъ огненная спруа изшекла изъ горящихъ челюстей его: онъ престалъ болѣе быть человекомъ, и превратился въ бѣснующагося яросію дракона.

Все

Все собраніе , пораженное страхомъ , успремилося бѣжать предъ симъ ужаснымъ чудовищемъ ; одинъ Миснаръ остался неуспрашиваемымъ на своемъ престолѣ. Онъ вынулъ свой мечъ, приговорясь защищаться противъ нападающаго на него дракона. Сквозь опрыгаемаго имъ пламени увидѣвъ онъ на хребтѣ чудовища прешарѣлаго волшебника, которой говорилъ ему слѣдующее :

„Тщешно , шщешно , слабый младенецъ Магомешовъ ! шщешно рука твоя вооружается противъ силы и дѣйствія моего искусства. Ты конечно былъ бы жертвою моего мщенія, ежели бы не защищала тебя невидимая иѣкопояная сила, вышшая моего могущества ; но шщешни подъ Царскимъ вѣнцемъ. Слыши твое опредѣленіе ! Восемь моихъ братьевъ соединились противъ

шивъ себя. Корона Дабулкомбарова трясется на главѣ твоей, престолъ его колеблется подъ ногами твоими. Спрахъ, подозрѣніе, сомнѣніе и слабость, копорыя легковѣрные поклонники Магомешовы называющъ благоразуміемъ, мудростію, кротостію, предохранили тебя въ сей часъ отъ сѣшей, мною тебѣ разставленныхъ; но духи тѣмъ изпущены, сила чародѣйска скоро преодолѣетъ. „

Такъ окончилъ престарѣлой волшебникъ. Гордой его драконъ заревѣвъ поднялся, и. пройдъ сводъ залы, исчезъ.

Миснаръ, сохранивши навсегда первую свою неуспрашимость, вложилъ свой мечъ въ ножны, еказавъ съ тѣмъ же спокойнымъ духомъ оставшимся мудрецамъ, естоящимъ около его: „Такъ-то неуспрашимость вѣры прину-
ждаетъ

ждаешѣ исчезать ложнымъ чарованіа привидѣніямъ непріятелей пророка Магомета. Сіи слабые обаятели исчезають предъ лицомъ добродѣтели. Но скажите мнѣ, други мудроси! какимъ образомъ сей обаятель могъ введенъ бытъ сюда между вами подъ видомъ единого изъ братьи вашей? „

Балигю, пусшынникъ вѣрныхъ въ Кедѣ, отвѣтствовалъ Султану: „ Государь всей Индіи и всѣхъ моихъ желаній да поржествуетъ надъ своими непріятелями! Я проходилъ горы Кедскія, гдѣ я не видалъ ни полета пшицѣ, ни слѣдовъ какого нибудь животнаго; шелъ по случаю мимо одной пещеры, весьма глубоко вдавшейся въ камениспую гору, увидѣлъ при входѣ сего ложнаго мудреца, обольстившаго меня своею на-
руж-

ружностію. Не провидя никакого въ немъ обмана, пригласилъ я его предпринять путешествіе со мною и повинувшись повелѣніямъ славнаго Мисна-ра. Мы щастливо прибыли ко вратамъ Дивана. Какъ я вошелъ въ оныя, то онъ, меня оспано-вя, сказалъ мнѣ: простри руку твою, и поведи меня насильно предъ собою во храмъ правосудія, призывая въ помощь имя Магомешово; ибо злые духи одержавъ душу мою, окружающіе и мучающіе меня.,,

Какъ пустынникъ Балигю окончилъ, возспалъ Мангело:

„Могущество Султана всего востока да прострется до конецъ всея земли! сказалъ онъ; но знай, Свѣтлѣйшій Князь, что нѣтъ ни чародѣя, ни злаго духа, который бы могъ войти въ сей храмъ

храмъ правосудія, ежели не о имени Магомеша. „

„Ежели это такъ, перервалъ Миснаръ, то они не могутъ и скрывать долгое время злобу свою въ очахъ правосудія. Ибо ты только одинъ, великій Алла, вѣчный источникъ всякія правды! ты, который сѣдишь на престолѣ истинны, возсѣвленномъ побою самимъ на земли! обращаешь въ бѣгство неправду и ложь предъ лицомъ ищущаго ревностно правды! „

„Почему, продолжалъ Султанъ, въ предосторожность, чѣмъ сіе собраніе мудрыхъ не заразилось нечистою злобы и вѣроломства, какъ ядовитыя травы повреждаютъ травы спасительныя, дающія здравіе и хранящія жизнь, повелѣваю я злымъ духамъ исповѣдаться предо мною злобу ихъ. „

Часть III. Б

Вдругъ

Вдругъ горящія сѣры запахъ наполнилъ залъ, и изъ густаго облака чернаго дыма вышли семь спрашилищъ ужаснаго вида.

Первой, волшебникъ Таснаръ, взлетѣвъ на крылахъ врана и поднялся до пошолока. Онъ подобенъ былъ Индѣйцу, посаженному на колъ; черная и обожженная его кожа оппадала кусками отъ окровавленнаго его плѣла.

Другой пащился на ужасномъ драконѣ, котораго хвостъ покрывалъ своимъ смертоноснымъ ядомъ пущь, по которому онъ ползъ. Этотъ былъ Агабагъ; горящіе глаза его кидали бѣснующіеся взоры свои на младаго Сулшана.

Гаппюкъ, превосходнѣйшій изъ волшебниковъ, за нимъ слѣдовалъ; онъ сидѣлъ на шигрѣ, ко-

хотораго грива была изъ змѣй,
а хвостъ изъ віющихся ехиднѣ.

Гюпакюзана, сія пресшарѣ-
лая и дряхлая волшебница, по-
слѣдовавшая шопамъ мудреца
Балласалсора Некбальскаго, видя
обманъ свой опкрышымъ, пред-
спала въ смущеніи предъ лице
собранія сподъ гнусною, накова
она всегда была. Всякой, уви-
дѣвъ ее, препеналъ отъ ужаса.
Косши ея, копорыя видны бы-
ли сквозь багровожелтую и смор-
щенную ея кожу, представляли
въ самомъ естественномъ видѣ
древнія Египетскія муміи (*).
Она сидѣла на скелешъ (**)
смерти; видъ ея былъ видъ водяна-

Б 2

го

(*) Трупы изсохшихъ человѣческихъ тѣлъ
въ Египтѣ, или въ Ливійскихъ, чинѣ
въ Африкѣ, пескахъ. (**) Скелешъ, или
собранныя на проволоку сухія чело-
вѣческія косши.

го паука, но шло ея споль было велико, какъ величайшаго слона; ободранныя ея долгія ноги были покрыты шерстью на подобіе паушины, а изъ хребта ея шла шель нѣкопорой бѣловатой сокъ, которой, будучи заразителнѣйшимъ ядомъ, разливалъ смертоносной свой запахъ повсюду.

Юдина, злобная сестра Гюпакюзаны, попомъ показала всѣмъ спрашную жабоу, которой ужасной зѣвъ изрыгалъ ядъ, ядъ, сполько же вредоносной, сколько топъ, отъ котораго погибли несчастные жители Деллы.

Послѣ сей выползъ въ средину собранія долгой и толстой змѣй, подобный великимъ кедрамъ, распушимъ на горахъ, дѣлая изъ себя многокрасныя извившія и наполняя залъ ужасны-

енными своими свистами. Онъ несъ на себѣ волшебницу Десеру, кошорой ужасной величины уши покрывали гнусную ея голову, и кошорой долгіе изсохшіе и морщиливые сосцы висѣли на вершинѣ горѣ.

Наконецъ послѣдній изъ волшебниковъ, великанъ Кифри, шелъ какъ движущаяся гора; видъ его наполнилъ собраніе ужасомъ, голова его казалась носить на себѣ пощолокъ зала; онъ сидѣлъ на превеликомъ крокодилѣ, спенящемъ подъ сею ужасною тяжестью; каждая изъ его чешуи казалась ужаснымъ зѣвомъ, изрыгающимъ согнившую кровь. Великанъ держалъ въ своей рукѣ горящій пламенникъ, кошорой онъ обращалъ на всѣ стороны; онъ устремилъ его на неустрашимаго Миснара, произнося, какъ громомъ, слѣдующія угрозы:

Б 3

„Тре-

„Трепещи, слабое пресмыкающееся! трепещи предъ исполиномъ, бойся его гнѣва, спрашисъ волшебной силы моихъ собратій, естли всегда сіе имя прилично нашему поклѣнію, не признающему и не члущему никакого дружества въ природѣ. Трепещи, слабое пресмыкающееся! часть твоя рѣшена, гибель твоя опредѣлена.„

При сихъ словахъ адскаго воинства пронзительные крики раздавались по своду, и всѣ единогласно повѣворяли съ Кифріемъ сіи гордые угрозы. „Трепещи, трепещи, слабое пресмыкающееся! часть твоя рѣшена, гибель твоя опредѣлена.„

Волшебники покрылись густымъ облакомъ дыма, изъ котораго исходили свѣклы, подобныя молніинымъ. Облакъ поднялся посреди Дивана и исчезъ.

Какъ

Какъ чародѣйство разсыпалось, то Миснаръ палъ лицомъ на землю, произнося сіи слова : „Нѣтъ ни премудрости, ни разума, ни силы, какъ премудрость, разумъ и сила, исходящая отъ Аллы и низпосылаемая пророкомъ вѣрныхъ. О защитникъ Мусульмановъ! естли ты удостоиваешь утвердить стопы моя на пущи, предписанномъ твоимъ закономъ, страхъ зла не придетъ на меня, никто никогда не увидитъ твоего смиреннаго поклонника, пренебущаго подъ злыми, ни устрашающагося отъ ихъ суешныхъ предсказаній. „

„Щасливый, вскричалъ Кандуза, Иманъ Лагорскій, падши также на землю; щасливый Государь, положившій упованіе свое на Аллу, и кошораго мудрость

Б 4

дрость исходитъ отъ претіяго
неба ! „

Все собраніе мудрыхъ по-
клонилось съ глубочайшимъ по-
чтеніемъ предъ Миснаромъ, по-
впоря многократно сіи воскли-
занія : „Щасливый и шыяче-
красно щасливый нашъ Свѣш-
лѣйшій Султанъ, любимецъ Ал-
лы ! „

„Мудрецы ! вскричалъ Ми-
снарь, сего для меня много ;
Султанъ востока не можетъ
слышать тѣхъ чрезвычайныхъ
похвалъ, копорыхъ онъ никакъ
не заслуживаетъ, по крайней
мѣрѣ во всемъ ихъ величествѣ.
Но Алла, испочникъ всякія свя-
тоспи, да возеритъ на мои мы-
сли и дѣянія ; нечеспивые по-
гибнутъ тѣми самими адскими
силами, копорыя они изводятъ
на вредъ добрымъ, и ядови-
тыя стрѣлы обращающа и прон-
заятъ

зятѣ ихѣ испущающихѣ (*). Мудрецы ! хотя бы сіе собраніе и малочисленнѣе еще было, однако оно по своей мудрости и благо-разсмотрѣнію весьма способно научитѣ Миснара, своего Султана, пребывающаго вашихѣ совѣтовѣ, твердо желая имѣ слѣдовать. Скажите мнѣ, что я долженѣ сдѣлать съ братомѣ моимѣ Агубаломѣ, происшедшимѣ, какѣ и я, отѣ славнаго Дабулкомбара? Чего пребываю отѣ меня въ нынѣшнихѣ обстоятельствахѣ мирѣ и безопасности моего престола ? „

Мудрецѣ Карнаканѣ отвѣщивовалѣ первый сими словами : „ Алла да сохранишѣ меня дашѣ

Б 5

гла-

(*) Во многихѣ частяхѣ Азіи жители имѣютѣ ядомѣ напоенныя малыя стрѣлы, которыя они испускаютѣ на неприятелей сквозь сухой прорѣзникѣ.

глаголы мои Государю моему
 вмѣсто пророческаго отвѣща!
 Но неразумно бы было имѣть
 Князю, брату своему, равную
 власть Султана, Государя моего
 и его, швоя по примѣру его
 все то, что ему за благо рассу-
 дился. Младшій долженъ быть
 рабъ перворожденному. Право
 рожденія своего посадило тебя
 на престолъ востока, онъ дол-
 женъ быть своимъ подножіемъ.
 Не всѣ ли Князи суть поддан-
 ные Султана Индійскаго? Да
 живешь онъ и пользуешься всѣ-
 ми веселостями жизни! но на-
 добно оглянься у него всѣ сред-
 ства къ смущенію и колеба-
 нію царства Султана Миснара.
 На утесистыхъ горахъ Абул-
 факемъ, гдѣ Ава беретъ свое
 начало, есть прекрасной и
 великолѣпной замокъ, создан-
 ный по повелѣнію мудраго Ил-
 фа-

факирки, давшего и чертежъ на оной; нѣтъ другаго къ нему прохода, кромѣ узкой долины, коюпорой можно запереть и хранишь спражею вооруженныхъ невольниковъ: Принца ввести въ оной, дать ему многочисленной сераль, чѣмъ онъ наслаждался всѣми пріятностями жизни, не могли однако ничего предпріять противъ славнаго покоисвія царства своего. „

Совѣтъ Карнакана похваленъ былъ Султаномъ и собраніемъ мудрецовъ. Миснаръ отдалъ повелѣніе нѣмымъ невольникамъ отвести Принца, своего брата, со всемъ его Дворомъ, съ женами и невольниками, въ Царской замокъ Абулфакемъ. Потомъ, распустивъ мудрецовъ, приказалъ имъ собираться одинъ разъ въ недѣлю въ Диванъ.

Слу-

Спустя нѣсколько дней, нѣ-
мые спражи, посланные Мисна-
ромъ для взятія Принца Агуба-
ла, предстали во Дворъ Суд-
шанскій, и будучи допущены
предъ лице его, пали лицомъ къ
земли и кричали :

„Гнѣвъ Сулпана Индійска-
го да не возгорится на рабовъ
его ! рабы твои исполнили свя-
щенное слово твое : они пере-
шли уже пустыни, ведя Прин-
ца, твоего брата, въ замокъ
Абулфакемъ, какъ встрѣпилась
съ ними толпа конницы, состо-
ящая изъ пяти тысячъ всадни-
ковъ, копорая приказывала имъ
освободить Принца, или защи-
щать его съ опасностію жизни.“

„Вопще рабы твои избра-
ли послѣднее предложеніе. Они
того хотѣли, но, увы ! что мо-
гли сдѣлать чепыре сна спражей
и двашцать нѣмыхъ невольни-
ковъ

ковъ прошивъ цѣлаго войска? Однако рабы твои, рѣшившись жернововати жизнію своею для исполненія твоихъ повелѣній, разсуждали о средствахъ прошившся полъ многочисленному войску, какъ Принцъ, извлекши свою саблю, убилъ близъ его бывшихъ, и поражая въ неукротимомъ бѣшенствѣ попадающихся ему по обѣимъ сторонамъ, пробился сквозь спражу, и очистишь себѣ путь къ друзьямъ своимъ, которые, принявъ его съ радостію, похитили отъ насъ. „

„ Они бы насъ изѣкли въ куски, ежели бы начальникъ не воспрепятствовалъ имъ, сказавъ: „Оставьте жить сихъ невольниковъ, чѣобы они пошли и возвѣсмили Султану Миснару о похищеніи Принца! „, Пошомъ, обратившись къ намъ, присоединилъ: „Подите, слабые невольники, не-
ди-

дите , скажите вашему Государю, что Агубалъ имѣетъ друзей, умѣющихъ и могущихъ наказашъ Миснара за его поступки прошивъ своего брата. „

При сихъ словахъ тяжко вздохнувъ Миснаръ, сказалъ :

„Мудрость человѣческая одна сама собою не сильна уничтожитъ коварство нечестивыхъ ; но Алла сильнѣе человѣка. Пошлю къ пророкамъ, и вопрошу ихъ о томъ, что я долженъ сдѣлать для полученія помощи отъ Магомеша прошивъ моихъ непріятелей. „

Не теряя времени, Миснаръ приказалъ припши Эюрамонду съ своими друзьями. Пророкъ Мангело получилъ также повелѣніе оставивъ горы Каксоль. Онъ рассказалъ имъ о случившемся, и вопрошалъ ихъ, что ему надлежитъ сдѣлать для испрошенія

нія

нія помощи отъ пророка и покровительсва отъ Аллы противъ враговъ, ищущихъ опровергнуть престолъ его.

Тогда Зюрамондъ ошвѣстивовалъ на вопросъ его такимъ образомъ :

„Надъ гробомъ пророка Мекки есть печать Магомешова, никто доселѣ не могъ оную взять, никакая сила человѣческая не можетъ снять ее съ своего мѣста; но ежели пророкъ вѣрныхъ благоволилъ услышать молитву Сулшана, позволилъ ему взять сей знакъ своего покровительсва. „

„Да, перервалъ Мангело, пророкъ горъ Каксольскихъ, печать Магомешова сильна защититъ Государя, ее имѣющаго, пропивъ всякаго волхвованія, но этого не довольно, надобно наипаче спараться достать поясъ Опака,

ка, которой носилъ на себѣ
исполинъ Кифри, заклывшійся
непріятель восточнаго престоло-
ла. Ибо печать Магомедова мо-
жетъ предохранить Султана
отъ всякаго зла, а поясъ Опа-
ка можетъ предостеречь отъ
обмана. Онъ-то покажетъ ему,
какъ распознавать коварство и
обманъ. „

Султанъ Миснаръ, удивлен-
ный сими разговорами, препро-
водилъ всю ночь въ беспокой-
ствѣ и сомнѣніи, причиненномъ
ему различными разсужденіями,
которыя пророки ему предло-
жили. Онъ совсѣмъ не надѣялся,
чтобъ ему возможно было взять
печать Магомедову, копорая
чрезъ столько вѣковъ лежала
надъ гробомъ пророка неподвиж-
на. Съ другой стороны казалось
ему невозможнымъ снять поясъ
Опакка съ волшебника, копо-
рой

рой силою своего искусства могъ испребишь въ одно мгновеніе ока столь многочисленное войско.

Однако, исполнившись надежды и ревности, рѣшился онъ, положась на вѣрность своего совета, отправиться поутру съ своимъ Дворомъ для путешествія на поклоненіе въ Мекку.

Султанъ вышелъ весьма рано изъ своего серала, и отдавъ повелѣніе все нужное приготовить для сего торжественнаго путешествія. Онъ хотѣлъ скоро выступить изъ города.

Между тѣмъ, какъ Миснаръ объявлялъ свои намѣренія, вдругъ съ шорохливостію вбѣжалъ въ палаты вѣстникъ, отправленной отъ правителя провинцій Мидскихъ, и просилъ аудіенціи. Онъ объявилъ Султану, что царство Мидское взбунтовалось;

Часть III. В что

что буншовщики имѣють пред-
водителемъ какую-то героиню,
которая всенародно объявила,
что она хочетъ возвестъ Агу-
бала, брата Сулпанскаго, на пре-
столю Индійскій.

Миснаръ не сомнѣвался, что
сей бунтъ возмущенъ волшебни-
ками; онъ опчаявался усмирить
оной явною силою. Но опасаясь,
чтобъ и другія царства, не ви-
дя сопротивленія буншовщи-
камъ, не ободрились ея сла-
бостию и не предприняли слѣ-
довать ихъ примѣру, въ надеж-
дѣ немщенія и упущенія про-
дерзости, собралъ Делійское
войско, и дополнивъ его ново-
набранными, поручилъ команду
великому Визирю Гораму. Онъ
приказалъ ему прийти къ себѣ,
и далъ наставленія, касающіяся
до порученнаго ему управле-
нія; а наипаче приказалъ ему
по-

посылаѣтъ всякой день вѣспниковѣ съ увѣдомленіемѣ о его успѣхахѣ.

Визирѣ Горамѣ приняѣтъ съ благодарностію честь, ему Султаномѣ сдѣланную; но просилѣ позволенія представилѣ слѣдующія въ разсужденіи послѣдняго повелѣнія предложенія:

„Султанѣ, мой Государь, да не прогнѣвается на раба своего! Ежели Государь мнѣ шо повелѣваетѣ, шо я буду присылаѣтъ тысящу вѣспниковѣ всякой день, но трудѣ сей напрасной и излишной. Ежели Султанѣ, мой Государь, удостоитѣ приняѣтъ отѣ меня сіи книжки, шо онѣ увѣдомляѣтъ будущѣ его о нашихѣ успѣхахѣ всякой разѣ, когда мой Государь захочетѣ знать о произшествіяхѣ. Мы побѣдимѣ и приведемѣ въ подданство швоему славному престолу непрі-

В а яше-

япелей, сколь бы многочисленны они ни были. „

Миснаръ взявъ отъ Визиря книжки, и сказалъ ему съ удивленіемъ: „Какою силою могутъ сіи книжки увѣдомлять меня въ ту самую минушу о томъ, что будетъ происходить въ шолской опдаленности отъ меня? „

„Свѣтлѣйшій Султанъ! опѣшпвовалъ Горамъ: когда мой отецъ, жертва злобы его непріятелей, былъ изгнанъ отъ лица великаго Дабулкомбара, которой нынѣ наслаждается сожитіемъ Магомета и любимецъ небесныхъ Гурій, сей премудрый изгнанникъ призывалъ меня и сказалъ мнѣ: Горамъ! злодѣи превозмогли; отецъ твой потерпѣлъ непріятелемъ истинны. Нѣтъ, мой сынъ, я не увижу дѣшей моего поколѣнія, я не увижу славы и великолѣпія Двора

ра Султанскаго. Я не знаю, куда меня посылають въ заповѣненіе. Но возьми сіи книжки, любезный сынъ мой, и въ какой бы части свѣща я ни былъ, ты будешь чинать на сихъ лиспочкахъ все то, чего я зналъ тебѣ пожелаю. По смерти моей Горамъ можетъ поднести сей самой подарокъ своему другу, который также будетъ въ ономъ видѣть все то, о чемъ тебѣ уведомить его за благо разсудится. — Отецъ мой скончалъ свое теченіе жизни, а я сохранилъ драгоцѣнныя сіи книжки для важнаго какого нибудь случая.,,

„Вѣрной Визирь! отвѣщивовалъ Султанъ: подарокъ, шобою мнѣ поднесенной, есть цѣны весьма высокой. Въ награжденіе за оной даю тебѣ первое мѣсто въ моемъ почитаніи. Знай же, вѣрной Горамъ, что

волшебники заклѣлись пропитьъ
 меня и моего вѣнца. Я совѣ-
 щивался съ пророками и мудре-
 цами; я не могу ничего пред-
 принять пропитьъ ихъ, пока не
 буду имѣть печати Магомешо-
 вой и пояса Опака; я не
 имѣю другаго средства получитьъ
 сей даръ, какъ идти въ Мек-
 ку, молить пророка, чтобы
 онъ попустилъ мнѣ взять его
 печать; и я намѣренъ сего са-
 маго часа отправиться туда со
 всемъ моимъ дворомъ. Однако чи-
 сло бунтовщиковъ умножается,
 сторона ихъ усиливается. По-
 ходъ чрезъ нѣсколько дней пред-
 принять будешь. Мои непріа-
 тели будутъ имѣть время преж-
 де свергнуть меня съ престола,
 нежели я могу достигнуть гро-
 ба пророкова, ежели буду до-
 жидаться моего двора. Нѣтъ,
 Горамъ! я поспѣшу въ Мекку
 одинъ,

одинъ , тайно и безъ всякихъ провожающихъ и великолѣпія ; а въ народъ прикажу разгласить , что Миснаръ идетъ противъ бунтовщиковъ предводителемъ воинства , оставя великолѣпной мой обозъ сѣдывать за мною конюху : ибо Магомедъ для выслушанія меня не имѣетъ нужды въ сей пышности. Ала призираетъ только на усердіе , чистоту и вѣру сердца. Мой шахеръ поставитъ намѣренъ въ срединѣ моихъ солдатъ , и никому въ оной входить позволено не будетъ , кромѣ Горама. Рабы мои подумаютъ , что Султанъ ихъ съ ними , и сердца ихъ исполняющія бодрости и мужества. „

„ Соизволеніе Султана да исполнится ! сказалъ Горамъ ; но мой Государь не повелитъ ли сѣдывать ему спржѣ для безопасности путешествія ? Не-

обходимо многія должно переходить горы и пустыни, и пропекать пространство морей: всѣ сии пути какъ землю, такъ моремъ весьма опасны. „

„Нѣтъ! сказалъ Султанъ, я не хочу ни провожатыхъ, ни спражи. Тѣ самые невольники, копорые теперь со мною, въ пустынь сдѣлаются моими повелителями. Я имѣю спражу: внутри моихъ областей посреди вѣрныхъ моихъ подданныхъ, и ввѣрю ли я жизнь мою невольнику въ мѣстахъ необитаемыхъ, гдѣ я не хочу быть ни знакомымъ, ни почитаемымъ? Алмазъ, находясь во внутренности горы, лежитъ безъ движенья и въ свободѣ; но выкопанный и вынуженный изъ гнѣзда своего попадаетъ въ руки художниковъ и обдѣлывается сильными шреними. „

Го-

Горамъ не смѣлъ болѣе противорѣчить ему; онъ вышелъ въ молчаніи, удивляясь мудрости младаго своего Султана.

Между тѣмъ собрались многочисленные Индійскія войска; шапры ихъ покрыли всѣ поля, и знамя Царское развѣваясь возвышалось выше прочихъ. Горамъ былъ объявленъ главнымъ предводителемъ войскъ Султанскихъ. Миснаръ вшелъ въ свой шаперъ среди великолѣпія и славы. Горамъ одинъ за нимъ послѣдовалъ; онъ запрешилъ всякому другому входить и приближаться къ нему.

Визирь тотчасъ переодѣлъ Султана въ прищворное платье по приказанію самаго его. Въ самую полночь проводилъ Государя своего, одѣшаго въ пашушеское платье, въ стана, и шелъ за нимъ до густаго лѣса,
В ; куда

куда придетъ, палъ къ его ногамъ : и просилъ его розобранъ опасности, какимъ онъ подвергается.

„Горамъ !“ сказалъ ему Султанъ : я позналъ, и хвалю доброе твое сердце. Спирхъ твой есть дочь любви твоей. Я чувствую и предвижу всѣ опасности моего путешествія. Для великихъ болѣзней надобны сильныя лѣкарства. Ежели бы одни только люди возсали противъ меня, я и имъ прошивупоспавилъ бы людей, но силы, вышнія человѣческихъ, клялись на погибель мою : то я и долженъ искать помощи, вышней человеческой, или рѣшившись погибнуть. Къ кому я прибѣгну, ежели не къ пророку вѣрныхъ ? Я увѣренъ, что волшебства не возмогутъ прошивъ невинности моего сердца, пока буду путеше-

не

преслѣвовашъ въ Мекку: такая-то сила въры! Истинно вѣрные могутъ быть мучимы и преслѣвуемы въ благочесливыхъ ихъ предпріятіяхъ, но сіи волненія скоропреходящи, и вѣрные наконецъ торжествуютъ Горамъ! нѣтъ инаго способа. „

„Правда, отвѣтствовалъ Вивиръ: безъ Аллы всякая мудрость человѣческая есть суетна; но, о Султанъ! Алла не есть ли вездѣ и всегда готовъ помогать дѣшамъ въры? „

„Такъ, сказалъ Миснаръ, Алла всемогущъ; однако непристойно истиннымъ поклонникамъ желать сводить всевышняго Промыслителя о всѣхъ вещахъ. Есть ли мы хотимъ заслужить его покровительсва, надобно повиноваться его повелѣніямъ. Слово пророка увѣряетъ насъ, что молитвы вѣрныхъ услышаны
бу-

будутъ въ Меккѣ. И такъ,
 Горамъ, мой другъ, и болѣе
 уже не рабъ! поведи мои воин-
 ства съ вѣрою и упованіемъ;
 не сомнѣвайся, чтобъ шопъ,
 который возжигаетъ всякой
 день солнце и даетъ ему но-
 вое сіяніе, не возвратилъ скоро
 Миснара и не ушвердилъ его на
 престолахъ предковъ его. „

Султанъ пошелъ отъ Визи-
 ря, который взиралъ съ сожа-
 лѣніемъ и прискорбною на-
 удаляющагося отъ него Мисна-
 ра безъ спражи и предающаго-
 ся волѣ и свирѣпству разбойни-
 ковъ, населяющихъ лѣса сіи.

Глубокое молчаніе царство-
 вало во всей природѣ, покрыв-
 шейся мрачнымъ покрываломъ
 ночи; одна Царица ночи бли-
 стала слабымъ лучемъ сквозь
 густыя облака, мимо его про-
 ходящія. Блѣдной свѣтъ ея, ва-
 шмѣ-

шмѣвующійся повременно, служилъ только къ показанію дешнаго вида печальнѣйшимъ и ужаснѣйшимъ.

Неуспрашимоу Миснарѣ шелъ въ молчаніи, погрузясь въ сіи глубочайшія размышленія:

„Я позналъ себя гораздо лучше теперь, заблуждая одинъ въ сей мрачной и безмолвной пущынѣ, нежели когда нибудь въ другомъ мѣстѣ. Во дворѣ моихъ предковъ называли меня свѣшомъ свѣша, славою восшока, окомъ дня; въ лѣсу Тарапажанъ я не что иное кажусь, какъ подлое пресмыкающееся, ползущее во мракѣ при корнѣ кедровъ, оное покрывающихъ и зашмѣвающихъ ему свѣшъ луны. Слава человѣческая есть одна только суеша, величешва земли сушь призракъ и обманчивое привидѣніе. Я больше долженъ

женъ былъ спрашивъся волшебствъ, сидя на престола Дабуккомбарскомъ, нежели въ ужасной пустынѣ сего мрачнаго лѣса. Здѣсь свирѣпыя звѣри не будутъ миѣ ласкашельствовати, гордой левъ не признаетъ меня владѣтелемъ дикаго его обиталища. „

„И такъ въ чемъ слабой и безсильной человѣкъ долженъ полагать свое упованіе? На какомъ камнѣ поставилъ ногу свою, не опасаясь паденія? На какой твердой горѣ сынъ земли воздвигнетъ себѣ жилище для безопаснаго пребыванія? Благодареніе вѣрѣ, какую я имѣю въ Магомеша, святаго пророка Араповъ! я теперь спокоенъ, ничего не спрашусь: я положилъ упованіе мое на Аллу. Рука его правитъ путемъ сыновъ своихъ; онъ есть Господь какъ обит-

обиталищъ дѣкихъ эвѣрей, такъ и жилищъ сыновъ челоѡче-скихъ.,,

Султанъ путешествовалъ чрезъ многіе пошомъ дни, углубляясь самъ въ себѣ сими мудрыми разсужденіями. Въ одну ночь увидѣлъ преломляющійся свѣтъ на шверди, а пошомъ и многіе огни. Тысячи смѣшанныхъ криковъ поражали слухъ его. Это были Индѣйцы, веселящіеся въ густомъ лѣса.

Миснаръ поворошилъ съ дороги, чшобъ миновать ихъ; но одинъ Индѣецъ, увидя его при свѣтѣ огней ихъ, называлъ его своимъ братомъ и приглашалъ именемъ всѣхъ раздѣлить съ ними ихъ веселіе и быть участникомъ празднованія ихъ.

Переодѣтый Султанъ хотѣлъ бы отъ того отказаться, но они настояли, что и при-
нуж-

мужденъ былъ на приглашеніе ихъ согласишься.

Онъ нашелъ отъ десяти до двенадцати огней съ безчисленнымъ множествомъ мужчинъ и женщинъ: одни изъ нихъ сидѣли, а другія плясали около ихъ. Сельская музыка оживляла ихъ пляски, радость сіяла на лицахъ ихъ.

Миснаръ спрашивалъ, какая бы была причина сего ихъ необычайнаго празднованія?

„Какъ! отвѣшпшвовала одна старая женщина: уже ли ты, пришедъ въ Тарапажанъ, не знаешь, что здѣсь опсправляють праздникъ пигра сими новыми огнями? Знай же, что всякой путешественникъ, проходящій сей лѣсъ во время опсправленія сего праздника, долженъ въ ономъ брать участіе,“

и не можешъ опсюда вышши ,
пока не погаснушъ сіи огни. „

„Какъ долго продолжается
праздникъ? спросилъ Миснаръ. „

„Три ночи тому , сказала
старуха , какъ огни сіи воз-
жглись , и они должны еще го-
рѣть чрезъ одиннаццать ночей
и одиннаццать дней. Во все сіе
время никпо не видитъ попо-
ра въ рукахъ древодѣлателя ,
ниже охотникъ пускаетъ стрѣ-
лы свои въ лѣсахъ Тарапаян-
скихъ ; и шотъ , кпо допущенъ
видѣть празднованіе сихъ ог-
ней , не можешъ опойши опъ
насъ прежде окончанія оныхъ. „

Миснаръ , будучи равно и
удивленъ и огорченъ симъ оп-
вѣтомъ , не могъ еще сказать
ей на оной , ни одного слова ,
какъ толпа Индѣйцовъ окружи-
ла его , такъ что ему не воз-
мож-

Часть III. Г

можно было отъ нихъ вырваться.

„Пойдемъ, сказалъ ихъ начальникъ, посвящимъ сего чужестранца въ наше общество и откроемъ ему тайнства нашего празднованія. Принесите сюда шигрову кожу и гриву львову, съ стрѣлами и лукомъ, копорыхъ вооруженіе и звукъ не слышны бывающъ во время сихъ ночныхъ празднованій въ лѣсахъ Тарапаянскихъ. „

Тотчасъ одинъ изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ принесъ шигрову кожу, и накинулъ на плеча Миснару; а другой пришелъ, имѣя въ рукахъ львиныя ноги съ выпущенными когтями, и обвилъ ихъ около шеи чужестранца, такъ что лапы висѣли на груди его; третій принесъ копье, и далъ въ правую руку Миснару; четвертый наконецъ подалъ

далъ ему лукъ. Тогда всѣ произнесли ужасные крики, и начали плясать около удивленнаго Сулпана. По окончаніи пляски сказалъ начальникъ: „Да возшумишь шеперь музыка на мѣдныхъ орудіяхъ, чѣмъ слышали луна и звѣзды, и узнали, что чужестранецъ хочетъ клясться никогда не открывать нашихъ тайнствъ.„ Потомъ, обращаясь къ Миснару, сказалъ ему: „Положи руку твою на главу твою, и вложи палецъ твой въ уста твои, и произноси сіи слова:

„Какъ ночь безъ звѣздъ темна, какъ жилище смерти мрачно: такъ мысли мои и слова, въ разсужденіи празднества пигровъ да будутъ въ непроницаемой тайности.„

„Но для чего сія клятва? спросилъ Миснаръ. Для чего

опѣ меня пребуютъ такой тайности? Чшо приключится тому, кто не сохранитъ оной? Развѣ духъ человѣческой не свободенъ? Кто можетъ нанести вредъ тому, кто симъ не ищетъ вредитъ другихъ? „

„Кто въ какую страну ни поутешествуетъ, ошвѣчалъ начальникъ, долженъ слѣдовать оной обычаемъ и принаровляться къ нравамъ того народа, въ кошоромъ живетъ. „

„Хорошо, продолжалъ Миснаръ, я сдѣлаю все то, чего вы опѣ меня пребуете, подѣ двумя условіями: первое, клянись мнѣ и вы всѣ, что послѣ одинадцати дней я буду свободенъ продолжатъ мое путешествие; второе, что вы опѣ меня не попребуете ничего противнаго закону Магомета. „

„Чуже-

„Чужестранецъ! перервалъ предводишель: ты можешь насъ оспавишь, когда захочешь, по окончаніи сего празднованія; но во время сего нашего торжества, которое мы отправляемъ въ честь нашихъ славныхъ предковъ, упоребившихъ чепырнащцашь дней на испребленіе шигровъ, сей лѣсъ опустошавшихъ, кто бы ни пришелъ сюда, всякой долженъ пребыть съ нами до шѣхъ поръ, пока сіи огни не погаснутъ. Ибо предки наши огнемъ испребили сихъ свирѣлыхъ живопныхъ, то и мы огнями чествуемъ память славныхъ дѣлъ ихъ. И сей праздникъ есть праздникъ общественный, не имѣющій въ себѣ ничего прошивнаго закону пророка Магомеша, и наши таинства не открываются никому, развѣ по подобному вамъ теперь

случаю, такъ какъ въ сіе время къ намъ пришьду. Вонѣ наши въ разсужденіи васъ обстоятельствъ, по которымъ мы и васъ допустить къ празднованію и открытію нашихъ тайнствъ принуждены были. Но мы съ клятвою требуемъ молчанія о нашихъ тайнствахъ отъ всѣхъ шѣхъ, которымъ ихъ открываемъ. „

„Если ваше такое обыкновеніе, сказалъ Миснаръ, я съ охотою клянусь вамъ, что какъ ночь безъ звѣздъ есть темна, какъ царство смерти есть мрачно: такъ мои мысли и слова мои да пребудутъ въ непроницаемой неизвѣстности въ разсужденіи празднованія шигровъ. „

Едва Миснаръ успѣлъ окончить сіи клятвы, потчасъ начались пляски и восклицанія;
по-

попомъ возгремѣли трубы и свирѣли, и жишелямъ лѣсовъ повелѣно было принять чужестранца въ число ихъ собратій съ обыкновенными ихъ обрядами.

Тогда мужи начали приходивъ по одному предъ Мисна-ра, полагая каждой руку на грудь его; попомъ женщины подходили къ нему, цѣлуя всякая сего новаго своего брата. Миснаръ смотрѣлъ на подходящихъ къ нему безъ всякаго вниманія и чувствія, пока не подошла къ нему одна изъ самыхъ младшихъ; онъ увидѣлъ въ ней такую дѣвушку, которая по видимому спыдилась той вольности, какой онъ нее требовало сіе дикихъ обыкновеніе. Она имѣла видъ дѣвицы цѣломудренной и непорочной.

Переодѣтый Султанъ не могъ возрѣшь на сію любви достойную дѣвушку, не плѣняясь ею. Онъ забылъ въ сію минушу свое путешествованіе и свою корону; онъ неперпѣливо желалъ скорѣе получить отъ сей молодой Индіянки нѣжной знакъ браштва, предписанной обыкновеніемъ. Какъ скоро она предалась въ его объятія, онъ уже пожелалъ, чтобы она въ оныхъ осталась вѣчно. Все собраніе примѣшило стремительную влюбчивость чужестранца. Предводителъ, подошедъ къ Норадинѣ, такъ называлась прекрасная Индіанка, обожаемая Миснаромъ: „Изрядно! сказалъ ей, ты еще не имѣешь никакого любовника: на кого же клонился твоя выборъ? — На немъ? продолжалъ онъ, указывая на Миснара; здѣсь никого не принуждають. Чуже-

Чужестранецъ! всякой полъ здѣсь пользуется совершенною вольностію; одна любовь сама собою налагаепъ оковы, и оковы ея суть цвѣты, всегда пріятностію своею носящихъ ихъ оживляющіе. Уже при дни тому, какъ Норадина видитъ у ногъ своихъ все наше вольностію наслаждающееся общество, шающее непреоборимою къ ней любовью; но сія нечувствительная дѣвица презираетъ всѣ ихъ нѣжнѣйшія изъясненія. Еслии она васъ полюбила, мы не завидуемъ, но радость наша дѣлается совершенною. Здѣсь никто безъ подруги по нашей вольности не останется. „

Миснарѣ ожидалъ съ непер-
пѣливостію прекрасной Норади-
ны. Сердце его, колеблющееся
между страхомъ и надеждою,
шѣмъ болѣе воспламенилось, что
Г 3 онѣ

онъ никогда не былъ въ очарованіяхъ своихъ непріятелей.

Наконецъ цѣломудренная дѣвушка ошѣпсшвовала, какъ бы стыдясь и припворнымъ образомъ: „Радость моихъ собратій да исполнися!“

Миснаръ, восхищенный предпочтеніемъ, сдѣланнымъ Ему Норадиною, взялъ ее за руку и плясалъ съ нею подъ голосъ сельскихъ инструменшовъ, которые при Миснарѣ въ прешій разъ раздавались по лѣсамъ, возвѣщая и одобряя выборъ Норадины, прекрасной и любви достойной Норадины.

На разсвѣтѣ дня потчасъ поставили изъ зеленѣющихъ деревъ шалаши для Миснара и Норадины, верхъ коего покрыли разными цвѣтами. Предводителъ дикихъ, введши въ оной двухъ любовниковъ, удалился. Индѣйцы
всѣ-

всякой разошелся по своимъ ша-
дамъ.

Норадина, видя себя наоди-
ябъ съ Миснаромъ, спросила его,
съ любовною нѣжностію, пріятно
ли ему ея избраніе, и можетъ ли
она надѣяться съ его стороны
взаимной и вѣчно непремѣняемой
любви?

Миснаръ, оказавши больше
своими взорами, нежели бы она
могла претребовать своимъ вопро-
сомъ, и болѣе показавъ, нежели
Норадинины уста изъяснили,
спросилъ ее съ ея стороны, ка-
кіе бы были законы любви ея
народа?

„Я пребуду съ тобою де-
сять дней, сказала прекрасная
Норадина, а въ одиннадцатой
если мы согласны будемъ
жить вѣчно въ непремѣнномъ
согласіи и любви, то пред-
водишель² дикихъ поведетъ насъ
предъ

предѣ толковашеля алкорана ,
 копорой приметѣ опѣ насѣ обѣ-
 ты въ любви нашей , благо-
 словитѣ наши клятвы , произ-
 носимыя нами пророку предѣ
 лицемѣ его. Въ продолженіе сихѣ
 дней други опца моего неоп-
 спупно будутѣ при насѣ, спро-
 го наблюдая всѣ наши дѣянїя ,
 чѣобѣ мнѣ, есѣли я тебѣ по-
 слѣ не буду угодна, возврашїть-
 ся въ нѣдра моего семейства
 непорочною. Для того - то они
 и поставили себѣ около насѣ
 свои шалаши , чѣобѣ назиратѣ
 нашу чистоту.»,

Миснарѣ весьма опечалился
 симѣ опвѣшомѣ ; онѣ ду-
 малѣ, чѣо въ тоже самое вре-
 мя можетѣ насладитѣся прїят-
 ностями прекрасной своей лю-
 бовницы. Сїи препятствїя испол-
 ненїю его желанїя представили
 мыслямѣ его всѣ трудности и
 му-

мученія, какія онѣ сноситъ будетъ долженъ. „Но, сказалъ онѣ самѣ въ себѣ, сколько я долженъ сожалѣть теперь и всегда о моемъ путешествіи и государствѣ! Я здѣсь посреди дикаго народа, который иныхъ законовъ не знаетъ, кромѣ собственнѣйшей своей воли и прихотей. Сколько потребно благоразумія и твердости въ пренесеніи терпѣливо несчастій сей жизни! Сколько великодушія, чтобъ умѣть утѣшать себя наслажденіемъ ея пріятностей, съ которыми непрестанныя соединены мученія и горести! Я препровожду остатокъ дней моихъ въ объятіяхъ прекрасной моей Индіанки, пока дни пришельства моего на земли не исполнятся. „Потомъ, вдругъ обращаюсь къ прекрасной Норадинѣ въ видѣ человека, какъ
ошѣ

отъ глубокаго сна размышлений
возбуждѣвшагося, сказалъ ей: „Ра-
доспѣ и услажденіе жизни мо-
ей! сколь долги кажутся мнѣ
сіи десять дней! О есѣли бы
мнѣ сократили ихъ возможно
было! Однако я принужденъ
ожидать окончанія оныхъ. Но
увы! я желалъ бы, чѣобъ звѣ-
зда щасія моего возсіяла въ
сію минушу. „

„Скажи же мнѣ, перервала
Норадина, скажи же мнѣ, о пы,
исполнившій собою всѣ мои мы-
сли и похитившій нѣжное серд-
це мое! любовь твоей подруги
можетъ ли навсегда удержатъ
въ своихъ объятіяхъ моего лю-
безнаго пришлеца? „

Сей нечаянной вопросъ воз-
мутилъ и такъ уже колеблю-
щійся духъ Сулпановъ. Угрызѣ-
ніе начало возникать въ его
сердцѣ. Въмѣсто отвѣта молча-
ніе

ніе печатіло уста его , и
шумѣ-то разсудокѣ углубилѣ
его въ сіи размышленія ;

„Какѣ! безразсудная страсть
къ незнакомой Индіанкѣ прину-
дитѣ меня отказатьсѣ отѣ
славы царствованія на престолѣ
отца моего , гдѣ бы я долженѣ
занимать мѣсто пророка Маго-
мета ? Сдѣлаюсь ли я столь по-
длымѣ ? Стану ли обманывать
сію любезную красавицу для
того только , чтобѣ послѣ оста-
вить ее , насладясь еѣ пріятно-
стями , и тѣмѣ исполнить дни
еѣ несчастій , горестей и бѣдѣ ?
Нѣтъ , прекрасная и любезная
моя Норадина ! нѣтъ , справед-
ливой человѣкѣ не долженѣ во-
зло употреблять легковѣріе про-
стаго и непорочнаго сердца ,
которое щастливѣйшей участи
достойно . Книга судебѣ отвер-
гается предо мною . Пророкѣ не
попу-

попускаешъ и не позволяешъ мнѣ предаться швоимъ преле-
ссямъ. Чего бы то ни стоило мнѣ, невольнику швоему, но на-
добно ему, какъ скоро пога-
снутъ огни сіи и кончатся
праздники ваши, оставишь те-
бя и все ваше брашнво. Жа-
луйся на мою невѣрность, но не
поноси и не ругай меня.»

При сихъ словахъ очарованіе
изчезло: Миснаръ увидѣлъ вмѣ-
сто Норадины волшебницу Ули-
ну. — „Подлое пресмыкающее-
ся, слабой и нечувствственной
человѣкъ! сказала ему Улина:
не призывай добродѣтели; это
есть дѣйствіе только швоей
слабости и неискусившейся юно-
сти. Красота всегда выше есть
благоразумія. Могущество лю-
бви всегда будетъ торжество-
вать надъ силою разума; но
ты еще неспособенъ къ любви,
ты

ты еще не можешь чувствовати предсней красоты. Не мудрость твоя и благоразуміе изхищаютъ тебя изъ сѣней, мною разставленныхъ для твоей погубели. Это одно только испытаніе, и я должна была узнать, можешь ли оно получитьъ власшь надъ неискусившимся и слабымъ сердцемъ, какимъ я нашла твое. Однако я получила все то, чего отъ несовершенства твоего естества надѣялась. Хотя ты и выдешь изъ сихъ лѣсовъ, но вездѣ ощутишь волшебное мое могущество; я подвигну прошивъ тебя все царство юга. Поди, ищи средства къ избавленію отъ зодъ, мною тебѣ приготавливаемыхъ. Продолжай, гордое пресмыкающееся, продолжай твое путешествованіе въ Мекку; а между тѣмъ любезной твоей Горамъ возчувствуетъ мое мщеніе.

Часть III. Д нѣ

ніе въ необитаемыхъ пустыняхъ Агаянскихъ., По окончаніи сихъ угрозительныхъ словъ махнула своею палочкою, и все исчезло, огни, народъ и сама волшебница Улина.

Султанъ палъ на землю и поклонился Аллу и пророку его Магомешу, что они избавили его шоль чудесно отъ сѣшей его непріятелей. Потомъ вставши продолжалъ свое путешествіе по неизмѣримымъ лѣсамъ Тарапаянскимъ. Два мѣсяца уже оканчивались, какъ онъ оставилъ Сулпанской свой лагерь.

Онъ открывалъ всякой день книжку Горамову; онъ находилъ въ ней всегда пріятныя извѣстія; и они при всѣхъ своихъ радостныхъ увѣдомленіяхъ раждали въ немъ задумчивость и родъ подозрѣнія.

„ Увы !

„Увы! вскричалъ опягчен-
ный печалію Миснаръ; можешъ
бышь ввѣрихъ я себя и мое во-
инство челоѣку невѣрному,
которой, пользуясь моею легко-
вѣрностію, мнѣ измѣняетъ и
ищетъ вѣнецъ мой возложить
на главу брата моего. Для свер-
женія меня съ престола не нуж-
но сверхъестественное могу-
щество; ибо самое мое неблаго-
разуміе меня погубляетъ и пре-
даетъ царство мое въ руки мо-
ихъ непріятелей. „

И такъ Миснаръ рѣшился
скрышно возвратиться въ Дел-
ли, и тамъ узнать между на-
родомъ, какъ Герамъ предводи-
тельствуетъ ввѣреннымъ ему
Султанскимъ воинствомъ; а ме-
жду тѣмъ всякой день совѣщо-
вался съ Визирскою книжкою.
Усталость и беспокойство,
прешерпяемые въ пути, при-

Д 2

ну-

нудили его опдохнуть подъ
пѣнію одного пальмоваго дере-
ва. Сѣдши открыль онъ книж-
ку, и нашелъ въ ней слѣдую-
щее письмо:

*Горамъ, вѣрнѣйшій невольникъ
Индѣйскаго Султана, Мис-
нару, повелителю всѣхъ Гора-
мовыхъ склонностей и мыс-
лей.*

„Скоро послѣ того, какъ я
разстался съ Свѣтлѣйшимъ Сул-
таномъ, моимъ Государемъ, ког-
да сердце мое еще опягчалось и
было спѣсняемо печалію, для
чего нечувствительной я могъ
его одного, введши въ мрачные
и непроходимые лѣса Тарапаян-
скіе, оставить безъ спутника;
когда еще очи мои орошались
ліющими слезами, что я при-
нужденъ былъ повелѣніемъ имѣ-
ющаго власть надъ жизнію и
смертію моего Владыки разлу-
чаться

чипсья сѣ нимѣ: печальной вѣ-
стникѣ возвѣстилѣ мнѣ скорое
приближеніе непріятелей; мя-
шежники завладѣли всѣми обла-
стями, чрезѣ копорыя имѣ иш-
ти надлежало, и опустошили
ихѣ. Сторона ихѣ ипѣмѣ наро-
чипо возрасла и укрѣпилась. А
какѣ шже самое подшверждали
рабу швоему единогласно и всѣ
приходящіе вѣ лагерь, ш я при-
казаѣ ополчипсья и новому
воинспву, присоединенному
мною кѣ Индѣйскому войску;
я повелѣѣ наблюдать наисо-
вершеннѣйшее воинское ученіе и
искусство во всемѣ воинспвѣ. Я
не сомнѣвался, что непріятель
не такѣ скоро можетѣ кѣ намѣ
приблнжипсья и не опважип-
ся вдругѣ вступишѣ вѣ сраже-
ніе; и пошому имѣю время со-
держашѣ все войско вѣ обученіи
и добромѣ порядкѣ. Но я не

спѣшу въ походъ, чтобъ не
привести въ усталость и без-
силіе воиновъ моего Государя,
и берегу силы ихъ и крѣпость
для сильнѣйшаго и надежнѣй-
шаго сопротивленія; ибо часто
безразсудное въ пущи понужде-
ніе къ скорости по безводнымъ
степямъ погубляетъ болѣе на-
рода, нежели самое кровопро-
литнѣйшее сраженіе. Я воин-
ство веду по плодоноснымъ по-
лямъ, дабы оно могло удобнѣ
доставать все нужное и без-
печнѣ въ разсужденіи пищи и
питія отдыхать въ своихъ па-
лашкахъ во время ночи. Но увѣ!
народъ твой лишенъ присут-
ствія твоего. Онъ просилъ ви-
дѣть своего Свѣтлѣйшаго Сул-
тана. Онъ явно началъ уже роп-
тать, что очи Государя не
освѣщаютъ его лучемъ воззрѣнія
своего. Всѣ раздражены и озло-
би-

бились на Горама раба твоего. Нижшіе начальники съ усиліемъ шребують допущены бышь въ палашку моего Государя. Они осмѣливаются также обвинять твоего Визиря въ ужасномъ злоумышленіи на твою священнѣйшую особу. „

Едва могъ прочитать Султанъ сіе печальнѣйшее извѣстіе, книжка упала изъ рукъ его, сердце его предалось жесточайшему мученію, нѣжное чело его покрылось блѣдностію, какъ знакомъ мрачнѣйшаго опечаленія, глаза наполнились слезами. „ О Миснаръ, Миснаръ! вскричалъ онъ, духи тьмы и злобы возспали противъ тебя. Могущество очарованій воспоржеспвуетъ надъ твоимъ чедовѣчествомъ! Погибель твоя неизбѣжна! „

„Такъ, погибель твоя неизбѣжна, сказала явившаяся въ сіе мгновеніе ока волшебница Улина. Сила волшебства превозможетъ слабость челоѣчества. Миснаръ, вѣрный служитель Магометовъ, преданъ моей власти и силѣ. Алла оставилъ его моему мщенію; пошому что сей безразсудной нещасливецъ ввѣрилъ себя его покровительству, и усомнился о истиннѣ его обѣщаній. И вотъ тебѣ первое и легчайшее наказаніе: пресмыкайся, подлое пресмыкающееся, пресмыкайся по землѣ. Преврапйся въ жабу, соси изъ земли ядовитую влажностъ, и поглощай теплоу зловонную солнца. „

При семъ могущественномъ гласѣ волшебницы Свѣплѣйшій Султанъ Миснаръ, лишась своего естествонаго вида, получилъ гну-

гнусной видѣ пресмыкающагося. Онѣ поподѣ желшопеспрывашымъ своимъ чревомъ по песку земли, и разверстый зѣвъ его опрыгалъ зловонное и ядовитое дыханіе.

Однако Миснарѣ не потерялъ съ первымъ своимъ видомъ воспоминанія того, чѣмъ онѣ былъ прежде. Онѣ чувствовалъ странное свое превращеніе; онѣ признавалъ справедливость своего наказанія; и хотя гнушался самъ собою, но не могъ не видѣть самого себя, то и скрылся въ одну подобныхъ ему пресмыкающихся подземельную нору; для того что не могъ сморѣть на гнусной видѣ свой, и терпѣть по шолікомъ нещастіи лучей солнечныхъ и дневнаго свѣта.

Однако необходимость удовольстворитъ требованіямъ и нуждамъ

ждамъ естества скоро прину-
дила его выпши изъ подземель-
наго убѣжища. Онъ пресмыкался
и шуда и сюда въ пущынѣ,
ища приспойной превращенію
своему пищи. Наконецъ, нашедъ
пропину, поползъ по ней съ
радостію. Нѣкоторой запахъ
льстилъ его обонянію, и нѣж-
ное его чрево влекомо было по
мягкимъ и мшистымъ растѣ-
ніямъ.

„Безъ сомнѣнія, сказалъ
онъ во глубинѣ своего прискорб-
наго сердца, благость милосер-
даго Амы не оставляетъ и ма-
лѣйшаго своего созданія безъ
пищи, удовольствія и утѣше-
нія. Въ самомъ семъ моемъ пре-
зришельнѣйшемъ состояніи жа-
бы я обоняю запахъ розъ и
фіалокъ, меня привлекающихъ
и услаждающихъ; я наслажда-
юсь совершеннымъ здравіемъ и
крѣ-

крѣпостію , наипріятнѣйшими дарами жизни. ,

Углубившись въ сіи мысли , поползъ онъ къ одному кусту , къ которому по видимому влекло его непреодолимое побужденіе естества. Но онъ скоро обѣявъ спавъ страхомъ , увидя полусогнившій и червями наполненной шруи подъ онымъ кустомъ , столько его обольщавшимъ. Съ другой стороны куста ползло къ шрупу другое такого вида пресмыкающееся , которое , такъ какъ и онъ , желало насытиться отъ сего мерзскаго и ядовитого шрупа , и вмѣстѣ казалось отвращаться сей ужасной пищи.

Миснаръ , забывъ въ сію минуту свое превращеніе , утраченный подобнаго себѣ пресмыкающагося , а болѣе лежащаго предъ глазами шрупа. Онъ хотѣлъ

пѣлъ бѣжалъ, но другая жаба
остановила его, сказавъ ему на-
рѣчіемъ жителей Делли: „Оста-
новись, остановись, кто бы ты
ни былъ, очарованіе ли тебя
привело, какъ и меня, въ сіе
подлое соспояніе пресмыкающа-
гося, или ты природою произ-
веденъ дѣйствительно такимъ,
какъ настоящій видъ твой по-
казываетъ. „

Миснаръ удивился сему че-
ловѣческому въ пресмыкающемся
голосу, и шутъ-то позналъ,
что не одинъ онъ въ своемъ ро-
дѣ несчастливъ. Онъ спросилъ
несчастливаго своего сопроварища,
какимъ образомъ и случаемъ пре-
вращенъ онъ въ подобное ему
животное.

Пресмыкающееся отвѣти-
ствовало: „Вижу я по твоему
голосу, что мы оба жертвою
сдѣланы очарованія; и потому
не

не могу опѣ тебя ушамъ при-
чины моего превращенія, надѣ-
ясь, что моя шебѣ довѣрен-
ность оплачена будетъ спра-
ведливомъ опкрытіемъ швоего,
и что по разсказаніи моихъ
приключеній ты разскажешь и
свой. „

„Мы теперѣ братья, пре-
рвалъ Миснарѣ, и одинаковы и
по подобію нашего жребія, и по
образу нашего вида. Теперь я
не могу въ разсужденіи швоего
собрашскаго изъясненія бытъ не
шакowymъ, каковымъ меня обя-
зываетъ бытъ швоя опкровен-
ность. „

„О небо! сказалъ другой,
удалимся же опѣ ужаснаго ви-
да сего гнуснаго для насъ обо-
ихъ шрупа. Пойдемъ, скроемся
подъ другой кустъ, гдѣ мо-
жемъ мы безопасно и свободно
опкрышь другѣ другу свой
спран-

спранные приключенія; ибо хотѣя волшебница Улина имѣла силу перемѣнить первобытной нашъ видъ, и чтобъ живѣе возчувствовать наше безобразіе, нашу гнусность и наше дѣйствительное въ подлѣйшее яварей превращеніе, непреодолимою силою своего волшебства повелѣваетъ намъ всякой день приходить къ сему ядоносному шрупу для насыщенія нашего, требующаго по естеству пищи чрева; однако плоды земли, какъ собственная наша пища, не отняты отъ насъ. Сіе очарованіе сколько для насъ ни злобно, сколько въ себѣ самомъ ни сильно, не можетъ однако принудить насъ ни къ чему противному природѣ и сложенію человѣческому; хоня бы мы и въ превращеннѣйшемъ видѣ были пресмыкающихся, какой бы ей

ей только по силѣ ея волшебства дать намъ возможно было. „

При сихъ словахъ претія жаба приползла къ нимъ:

„Вотъ еще одинъ изъ нашихъ несчастныхъ собратій! сказалъ потъ же самой, и мы скоро увидимъ еще четвертого. Намъ было трое, какъ ты къ намъ приползъ. — „ Княжна! примолвилъ онъ, обращаясь къ новопришедшей жабѣ, гдѣ потъ несчастной, послѣдняя жертва безчеловѣчной Улины? „

„Онъ потчасъ приползетъ, отвѣтствовала Княжна; онъ лежитъ на песку, жегомый солнцемъ полуспящій. Я его разбудила, и вотъ онъ ползетъ! „

И въ самомъ дѣлѣ послѣдняя четвертая жаба приползла, спуская нѣсколько минутъ. Тогда они оставили куспъ, подъ
ко-

кошорымъ смрадный шрупъ поверженъ былъ, и начали искать другаго.

„Пополземъ подъ сей кустъ, сказалъ первой Миснару; подъ онымъ будемъ мы въ безопасности: мы не будемъ тамъ спрашиваться зубовъ свирѣпыхъ змѣевъ, часто насъ пожирающихъ; ибо мы будемъ подѣлѣны благовонныхъ и имъ смертоносныхъ деревъ коричныхъ. „

„Ваша предосторожность спасительна, сказалъ Миснаръ; и мы вамъ нашею теперь безопасностію обязаны. Но мнѣ нетерпѣливо хочется услышать повѣствованіе вашего подобнаго мнѣ превращенія. „

ПОВѢСТЬ О МАГУДѢ .

Сказка седьмая.

Я сынъ одного алмазчика изъ города Делли, сказала жаба; имя мнѣ Магудъ. Отецъ мой, оканчивая дни трудолюбивой и воздержной своей жизни, приказалъ мнѣ подойти къ своей уже смертной постелѣ. „Сынъ мой! сказалъ онъ мнѣ: дни мои были дни труда и попеченій. Щастливые успѣхи увѣнчивали всѣ мои предпріятія. Я посвящалъ, тебѣ остаешься только пожать; я собралъ, а тебѣ оставаю пользоваться; я прудился, а ты теперь можешь наслаждаться плодами трудовъ моихъ. Для себя я столько поднималъ тяжести и скупъ въ собираніи богатствъ; я жертвовалъ мо-

Часть III. Е имѣ

имѢ спокойствіемѢ и здоровьемѢ
 всему, чѣмъ только себя оста-
 вилъ въ довольствіи и изобиліи.
 Я умираю спокойно въ сладкой
 надеждѢ, что мой любезной
 МагудѢ въ жизни не испытаешь
 на себѢ ударовъ бѣдности и ни-
 щеты. Щастливы мудрые и
 прозорливые родители, кошо-
 рые встрѣчаютъ неумолимую
 смерть въ веселіи духа, какъ
 я, для того только, что оста-
 вляютъ по себѢ сыновъ своихъ
 столько богатыми, что они
 никогда и ни въ комъ нужды
 имѢть не будутъ!.,

Сии были послѣднія слова
 издыхающаго отца моего; они
 печатаемы были слезами. Онъ
 благословилъ меня, и испустилъ
 духъ. Едва закрылъ онъ глаза
 свои, едва прервалось дыханіе
 его, я, я, жаждущій богашства,
 поджигаемый любопытствомъ,
 бро-

бросился узнать о множествах оставленных мнѣ имъ имѣній.

Восхищаясь слѣпою радостію, спѣшилъ я открыть сундуки и шкафы. Я нашелъ въ оныхъ безчисленное множество маленькихъ коробочекъ, и въ нихъ болѣе богатствъ, нежели потребно къ удовольствію желаній молодого человѣка, жаждущаго утопать въ роскошахъ и забавахъ. Въ нихъ было немалое число такихъ алмазовъ, которые величиною превосходили мѣру Царскихъ (*), и множество другихъ цѣны невоображаемой; а болѣе всего восхищился я, уви-

Е 2

дя

(*) Всѣ алмазы назначенной величины принадлежали по праву великому Моголу. Находящіе изъ его подданныхъ шаковые алмазы въ рудокопныхъ ямахъ обязаны отдавать ихъ въ Моголовы сокровищницы.

дя превеликіе куски золота и серебра. Тогда я почелъ сіи богатства неисчислимыми.

Сдѣлавшись вдругъ обладателемъ шолікихъ имѣній, вдался я въ роскошь и веселости. Домъ мой былъ отперстъ для всѣхъ молодыхъ людей моего возраста. Мы провождали цѣлые дни и ночи въ празднованіи и пиршествахъ. Строгой законъ Магомешовъ не только не былъ сохраняемъ, но и совсѣмъ забытъ. Опягощали себя пиніемъ наилучшихъ винъ даже до опьяненія и безпамятства. Гурій у насъ не не доставало; и хотя онѣ были не столько цѣломудренны и честны, какъ Магомешовы, однако въ красотахъ и прелестяхъ онымъ ни мало не уступали. Когда спаканы наши были полны вкуснѣйшихъ винъ, тогда не желали мы иссоч-

ни-

никовъ млека и меда, обѣщанныхъ пророкомъ вѣрнымъ Мусульманамъ.

Такимъ образомъ жилъ я въ содружествѣ съ такими людьми, для которыхъ вѣра и законъ были шуткою и посмѣшищемъ, и которые гнушались честностію и презирали правила благоразумія и презвостии. Но скоро постигло меня время, въ которое безразсудное мое веселіе превратилось въ печаль, и смѣхи превѣнились въ слезы; шутъ - то я принужденно узналъ, что мудрость трудолюбиваго отца не была способна и сильна предохранять злосклоннаго сына отъ мученія и горести!

Богатства мои сколько неизчислимы ни были, скоро истощились. Я продавалъ по одному всѣ мои дорогіе каменья;

и какъ я не зналъ въ нихъ силы, то отдавалъ ихъ за самую малѣйшую цѣну. Всякой меня обманывалъ. Глупость моя дѣлала меня посмѣяніемъ всего свѣта. Злато мое и серебро осталось въ рукахъ у моихъ пріятелей. Распотчивши все мое богатство, вздумалъ я прибѣгнуть къ тѣмъ, копорые были ко мнѣ привязаннѣе, и для копорыхъ я не жалѣлъ ничего; но они столько ко мнѣ сдѣлались жестокосерды и столько въ подаіи мнѣ помощи скупы, сколько для нихъ я былъ щедръ и распотчивеленъ.

Купцы, копорые отъ меня споль много получили прибыли, по видимому ко мнѣ жалостнѣе были и поступили со мною гораздо милосердѣе, давъ мнѣ нѣкопорую, хопя малѣйшую, сумму денегъ, съ тѣмъ однако, чтобъ

чтобъ я имъ возвратилъ какъ наискорѣе. А когда увидѣли, что я заплашишь имъ не въ состояніи, то и они сдѣлались жестокосерды и безчеловѣчны: разпахали мои домовые уборы, опняли плащѣе и продали все съ публичнаго шорга.

И такъ выгнали меня изъ моего дома тѣ, которыхъ я тысячу разъ принималъ въ ономъ съ разпростертыми объятіями, какъ истинныхъ друзей моихъ. Тѣ, которыхъ я обильно угощалъ въ нѣдрахъ моего дома, опвергали меня, какъ гнуснѣйшаго пса.

Мучимый угрызѣніями своей совѣсти, оспавленный опъ всего свѣта, не зная, къ кому прибѣгнушь, одѣлся я въ рубище, которое мнѣ мои заимодавцы оставили, или лучше сказать дали изъ челоуѣколюбія.

Бродя въ ономъ по улицамъ, и спыдаясь самъ себя, нашелъ я домъ одного богатаго юноши, копорой распочалъ свое имѣніе также, какъ и я распочилъ мое, и еѣлъ у ворошъ дома, дожидаясь выхода господина онаго.

Беннаскаръ, такъ назывался юноша, богатый и щасливый Беннаскаръ, исходилъ изъ дома своего въ провожаніи множества другихъ юношей, играющихъ и пляшущихъ. Увидѣвъ несчастнаго бѣдняка, сидящаго у ворошъ его и оплакивающаго состояніе свое, спросилъ меня, кто бы я былъ таковъ?

Я также, какъ и вы, опивѣтствовалъ я ему, упопалъ въ роскошахъ и забавахъ, веселился всякой часъ съ моими друзьями, забавлялся пляскою, играніемъ и всякими излиществами

пи-

пищи и питія ; но скоро недостатковъ моей неосторожности и мрачная ума непреодолимость сдѣлались причиною моего паденія , а еще болѣе безразсудная довѣренность , какую я имѣлъ къ ложнымъ друзьямъ моимъ , ни мало оной не заслуживавшимъ .

Многіе изъ окружающихъ его друзей , слыша , что я говорю съ такою вольною откровенностію , хотѣли меня опогнать опѣвъ него , сказавъ ему , что такой бѣднякъ , каковъ былъ я , не заслуживаетъ и питаться симъ воздухомъ , и недоспоишь взирашь на свѣтъ согрѣвающего насъ солнца ; но Беннаскаръ вопрошившись сему ихъ мнѣнію , и спросилъ меня : уже ли нынѣ невѣрность друзей моихъ научила меня быть вѣрнымъ и искреннимъ прошивъ другихъ .
 „ Я всегда былъ откровененъ ,
 Е ; чистпо-

чистосердеченъ и справедливъ, отвѣтствовалъ я ему, даже и проливъ самыхъ тѣхъ, копорые меня обманывали, и я лучше соглашусь умереть, нежели обмануть друзей моихъ.,

„Я знаю, сказалъ мнѣ Бен-наскаръ, что вы говорите правду; будьте же моимъ другомъ. Прикажи же слугамъ моимъ, чтобъ вамъ показали всѣ мои драгоценныя одежды; выбери же себѣ плаще, какое вамъ только полюбишься, и живи со мною. Я отъ васъ только одного пребуду молчанія: не открывай же никому ничего, что будетъ происходить въ моемъ домѣ, и что въ немъ увидишь, или услышишь.“

„Ваше благосклонное предложеніе показываетъ благородство и великость вашего сердца, отвѣтствовалъ я ему; но
я

я не хочу жить ни на чьемъ иждивеніи, не бывъ ему полезнымъ. Предпишите мнѣ способъ заслужить ваши милости, есѣли вы хопите, чѣобъ я ими пользовался. „

„Вы ихъ совершенно заслужите, ежели будете со мною чистосердечны. Я давно ищу истиннаго друга, друга, копо-рому бы могъ самого себя вѣ-ришь и мои тайности. Нынѣ его нахожу вѣ васъ; сіе сокровище болѣе для меня стоить, нежели всѣ мои богатства. Я всегда буду почитать себя вамъ обязаннымъ, и все то, что я вамъ ни окажу, должно болѣе почти быть долгомъ благодарности, нежели дѣйстви-тельно великодушія. „

Друзья Беннаскарковы, поджигаемые завистію, окружили своего благодѣтеля, и показыва-
вая

вая видѣ въ себѣ къ нему при-
вязанности, предлагали ему, что
онъ можетъ почитать всѣхъ
предстоящихъ ему истинными
друзьями.

„Нѣтъ, сказалъ имъ юно-
ша Беннаскаръ: хотя я вамъ и
кажусь сколько же непроница-
тельнымъ и безразборчивымъ,
какъ и вы; но вѣрите, что
мои мысли и выборъ основа-
тельны и справедливы. Вы не
что иное предо мною, какъ под-
лые ласкатели, привлеченные
къ богатству и роскошамъ,
нежели къ дѣлающему вамъ
всякое добро и удовольствіе.
Я васъ всѣхъ испыталъ,
и нашелъ вѣроломными и не-
благодарными. Одинъ Магудъ,
презираемый вами и оприца-
вшійся моей дружбы изъ одно-
го того, что не въ состояніи
со-

сообщивъ спсывать оной свою преданность и услугами; одинъ онъ заслуживаетъ мое къ себѣ вниманіе и почтеніе. „

Друзья Беннаскареры, проронувъ сими словами, хотѣли возобновить свои клятвы о ихъ къ нему привязанности и усердіи; но онъ уже извѣдавъ, что не лзя положиться на ихъ ложныя увѣренія, приказалъ ихъ выгнать изъ дома, а меня, взявъ за руку, ввелъ въ великолѣпнѣйшіе покои, какихъ я никогда воображалъ не могъ.

Увидѣвши себя одного съ нимъ, бросился я къ ногамъ его, сказавъ: „Да не прогнѣвается Государь противъ меня раба своего; рабъ его еще не знаетъ, какой онъ отъ него ожидаетъ услуги. „

„Я вамъ сказывалъ, перерывалъ Беннаскаръ; я отъ васъ
од-

одного только требую, чтобъ никому не открывать ничего, что будетъ происходить въ моемъ домѣ, и что вы въ немъ ни увидите и ни услышите.»,

„Государь мой! сказавъ я ему: что мнѣ пользы въ такой вашей благосклонной добренности, которая мнѣ дорого будетъ стоить? Ежели я чего не открою, откроемъ то ваши невольники, и я сдѣлаюсь виновнымъ опвѣщикомъ за ихъ вѣроломство. Возвратите мнѣ мое рубище; я лучше люблю мою бѣдность, нежели такое мѣсто, какъ вашъ домъ, въ которомъ всѣ возстанутъ противъ меня, ища лишить вашего почитанія и милостей.»,

„Вашъ опвѣпѣ, сказалъ Беннаскаръ, есть опвѣпѣ благоразумнаго человѣка. Не опасайтесь ничего. Я не могу жить безъ
па-

такого друга, какъ вы; и я васъ увѣряю, что никто шого не увидишь, что вы увидите, и слѣдовательно никто другой, кромѣ васъ, опкровеннѣе быть не долженъ. „

По таковомъ обнадеженіи и увѣреніи не могъ я опказатьсь опъ милостей Беннаскар-выхъ. Невольники его повели меня въ баню, омыли благовонными водами и одѣли въ богатѣйшее платье.

Беннаскаръ не терпѣливо ожидалъ моего возвращенія. Лишь только я вошелъ въ его спальню, Беннаскаръ спѣшилъ ко мнѣ въ объятія, и обнявъ меня прежде самъ, сказалъ: „Нынѣ наконецъ нашелъ я себѣ друга, истиннаго друга, давно мною искомаго! „ — Я опвѣщивовавъ ему симъ искреннимъ желаніемъ :

емъ : „Магудъ будетъ вѣчно другомъ вашего сердца ! „

Беннаскаръ ввелъ меня пощомъ въ великодѣпнѣйшій залъ, въ которомъ пригошвленъ былъ изобильнѣйшій всякими пищами обѣдъ ; онъ приказалъ позвать музыкантовъ и плясавицъ для увеселенія насъ во время спола .

„Женщины, сказалъ онъ, суть прелестная пріятность человѣческой жизни ; а я болѣе всего люблю слушать ихъ привлекательной и нѣжной голосъ во время игоръ праздничныхъ. „ ----

„Скажите лучше, перервалъ я, что женщины суть язва жизни. Но да будетъ благодареніе Аллу и его пророку ! Магудъ доселѣ избѣгалъ сѣшей ихъ, и шѣмъ исполнилъ послѣднія увѣщанія и приказанія умирающаго отца своего. „

„Какъ !

„Какъ ! сказалъ Беннаскаръ, приведенный въ изумленіе сими словами : друга моего Магуда сердце можетъ быть непоколебимо прошивъ прелесной красоты ? Или онъ рожденъ съ крѣпостію выше слабостей человеческихъ ? Теперь я его еще болѣе почишаю ; ибо шопъ, кшо умѣетъ управляшь любовію, достоинъ править цѣлымъ міромъ. „

„Нѣтъ, отвѣщивалъ я ему : я не почувствовалъ, напрошивъ испыталъ уже я прелести любви. Ураненный человѣкъ боится копія и мечей. „

„Но, сказалъ Беннаскаръ, вы видите здѣсь обыкновенной, или, такъ сказать, посредственной красоты женщинъ, копорыми не прельщались очень возможно. Я вамъ шопчасъ покажу другихъ, копорыхъ прелести
 Часть III. Ж ле

лестямъ никакое сердце про-
тивившись не можетъ. „

„ Беннаскаръ! не показывай-
те мнѣ ихъ, сказалъ я ему:
не показывайте мнѣ ихъ; я ви-
дывалъ Султаншъ Деллійскихъ
безъ всякаго къ нимъ вниманія, а
вами любимыя можетъ быть по-
колеблютъ мое безприспирасіе. „
„ Я не хочу васъ безпокоить, ска-
залъ мнѣ Беннаскаръ улыбаясь;
я только хотѣлъ васъ испы-
тать; а на теперешній часъ
сихъ плясавицъ довольно; я не
хочу показывать вамъ женъ мо-
ихъ, ни служить имъ здѣсь
для мученія моего друга. Я ви-
жу, что вы нѣсколько смущи-
лись; пойдемъ-те лучше оп-
дохнемъ въ сихъ покрытыхъ
померанцовыми деревьями
алеяхъ. „

Я препроводилъ такимъ об-
разомъ нѣсколько времени въ
дру-

дружескомъ сожишѣи съ Бенна-
скарѣмъ. Во все сіе время вся-
кой день были у насъ новыя
празднества и новыя увеселенія.
Мы, восхищаясь взаимною друж-
бою, были довольны другъ дру-
гомъ.

Чрезъ осьмнадцать дней
моего пребыванія у друга Бен-
наскара никакое мрачное обла-
ко не зашмѣвало ведренныхъ дней
нашего блаженства, и никакая
буря не смущала спокойствія,
какимъ мы наслаждались въ объ-
ятіяхъ дружества. Въ девятна-
цатой день весьма рано Бенна-
скаръ пришелъ ко мнѣ съ лицомъ
унылымъ и печальнымъ.

„Что вы шаковы, государь
мой? сказалъ я ему. Какое огор-
ченіе возмущаетъ тишину ду-
ши вашей? Магудъ не раздѣ-
литъ ли съ вами благая и злая,
веселости и печали, удоволь-
ствія

спвія и неудовольствіа, Аломъ на васъ ниспосылаемыя? „

„О Магудъ! сказалъ мнѣ Беннаскаръ: не полномъсячіе ли нынѣ у насъ? „

„Такъ, отвѣщивовалъ я ему вздохнувши. Но что бы такое перемѣны непостояннаго сего свѣшила имѣли общее и соотносительное со блаженствомъ моего друга? „

„О Магудъ! возспенавъ перервалъ Беннаскаръ: блаженство друга твоего зависить отъ своенравства и перемѣны планетъ. Я долженъ въ сію ночь испытать твое дружество. Если искренность Магудова поколеблется и измѣнитъ дружбѣ, то Беннаскаръ несчастливѣйшій человекъ въ свѣтѣ. Если сердце твое слабо противостоятъ прелестнѣйшимъ искушеніямъ человѣческой крѣ-

хрѣпости , бѣги , любезный другъ ! бѣги , пока естъ время. Но почто я усомнился о дружбѣ Магуда ? Магудъ мнѣ будетъ вѣренъ. Но и это къ чему я сказалъ ? Удаляйся , Магудъ , удаляйся. Но что , гдѣ я найду тебѣ подобнаго ? И припомъ чувствую , что не могу жиць безъ друга , которому бы я могъ повѣрить себя и свои тайности. „

„ Будыте спокойны , Беннаскаръ , сказалъ я ему твердымъ голосомъ : будыте спокойны ; Магудъ можетъ быть несчастливымъ , но не будетъ никогда ни несправедливымъ , ни вѣроломнымъ. Какое это ужасное искушение , которое заставляетъ васъ спрашивать невѣрности вашего друга ? „

„ Въ самомъ дѣлѣ Магудъ не заслуживаетъ никакого подо-

зрѣнія. Подождемъ солнечнаго заходженія, пока увидимъ колеблющихся звѣздъ сіяніе. „

Беннаскаръ пошелъ въ баню, и омывшись благовонными водами, одѣлся великолѣпно. Онъ и меня велѣлъ одѣвъ въ богатое платье.

Я сдѣлалъ по его желанію. Мы оба тотчасъ возвратились въ залъ. „Увы! сказалъ Беннаскаръ, смотря на меня, какъ мнѣ упростишь моего друга принявъ на себя безобразной видъ на нѣсколько часовъ? „

„Какъ! перервалъ я, какой видъ безобразія долженъ я принять? Магудъ всегда самъ себя подобенъ, подвергните вашего друга большому искушенію. „

Тогда Беннаскаръ, показывая мнѣ маленькую скляночку черного бальзама и кисточку, сказалъ: „Надобно, чтобы Магудъ позво-

позволилъ намазать симъ бальзамомъ свое тѣло : надобно либѣ сію ночь представилъ чернаго невольника. -- Это-то искушеніе? перервалъ я. Подайте мнѣ кисточку, и прикажите принести невольническое плащье. ,,

„ Плащье готово , сказалъ Беннаскаръ , все уже готово. Но вамъ не лѣзя мазаться здѣсь безъ того, чтобъ не примѣтили сего превращенія мой невольники. Погодимъ шеперь , подождемъ ночи , тогда-то Беннаскаръ положился на вѣрность и дружество Магуда. ,,

Тотчасъ поставили намъ изобильнѣйшій и великолѣпный столъ. Я ѣлъ съ великою алчностью , а Беннаскаръ сидѣлъ въ задумчивости , и казалось , что онъ не находилъ ни въ чемъ , что было на столѣ , никакого вкуса.

Я дѣлалъ все то, чѣмъ бы могъ извлечь его изъ задумчивости. Я смѣялся пустымъ его шпрахамъ, шутилъ, пѣлъ и разныя дѣлалъ предъ нимъ шѣлодвиженія ; потомъ приказалъ войти музыкантамъ и плясавицамъ, чтобъ развлечь печальныя его мысли, въ которыя онъ часъ опчасу болѣе углублялся. Но Беннаскаръ оставался таковымъ же мрачнымъ и унылымъ, и ничто его не утѣшало.

Сполъ и музыка продолжались до самой ночи ; тогда Беннаскаръ приказалъ всѣмъ своимъ невольникамъ выпти вонъ. Потомъ, взявши свѣчу, повелъ меня многими мнѣ еще неизвѣстными зданіями.

„Магудъ, сказалъ онъ, какъ мы шли многими проходами и переулками въ пространѣйшемъ его домъ, Магудъ никогда еще не

не видалъ чудныхъ великолѣпнѣй
и удивительныхъ расположеній
его мѣста. „

„Правда, оповѣщивалъ я,
и почитаю себя щасливымъ,
удивляясь, видя нынѣ широкія
богатства моего Государя. Но
я никогда не требовалъ сей ми-
лости; Магудъ уважалъ тайно-
сти своего друга, но никогда
не искалъ знать оныя. „ Нако-
нецъ вошли въ одну маленькую
комнату со сводами, въ среди-
нѣ кошорыхъ висѣла возженная
лампада. Тутъ онъ тотчасъ
погасилъ свою свѣчу. „

„Магудъ! сказалъ онъ мнѣ:
войди въ сію потаенную комна-
ту, указывая мнѣ скрытыя две-
ри; возьми тамъ невольническое
плащье и помажь лице и руки
симъ чернымъ бальзамомъ. „

Я тотчасъ исполнилъ все
то, что мнѣ приказалъ Бенна-
ж 5 скаръ,

скарѣ, и въ мигѣ сдѣлался чернымъ невольникомъ.

„Любезной Магудѣ! сказалъ съ восхищеніемъ, смотря на меня Беннаскарѣ: какъ ты хорошо переодѣлся! превращеніе твое совершенно. Теперь повинуйся мнѣ въ молчаніи: будь какъ нѣмой предъ своимъ Государемъ. „

Я ему сдѣлалъ глубочайшее почтеніе низкимъ поклономъ и такимъ шлодвиженіемъ, какое употребляюшъ нѣмые для оказанія рабства своего предъ Государемъ. Беннаскарѣ, улыбаясь, сказалъ мнѣ: Магудѣ! возьми и подними сіе желѣзное кольцо, которое утверждено въ срединѣ пола. „

Я взялъ кольцо, и открылъ небольшую яму. Посмотрѣвши въ оную, увидѣлъ я женщину неописанной красоты,
за-

зарытую до половины въ землю. Пораженный симъ видѣніемъ, едва могъ удержаться на ногахъ, и отступя назадъ, какъ бы безчувственный, шепеталъ ошъ страха. Беннаскаръ, приближая во мнѣ ужасъ, далъ мнѣ весьма сильной ударъ бичемъ, кошорой онъ вынулъ изъ подъ своей епанчи, сказавъ мнѣ съ суровостію: „Естьли ты спачнешь падашь, то я съ шобою прямо поступашь буду, какъ съ невольникомъ.“

Получивши такой ударъ, хотя я и огорчился и подосадовалъ, но вспомня мое обѣщаніе, опять подошелъ къ ямѣ.

„Невольникъ! продолжалъ Беннаскаръ: ошрой поскорѣ сію женщину, тамъ въ ямѣ засхупъ и лопаща.“

Я сошелъ въ яму, взялъ плачевныя орудія и началъ копать.

папъ. Но ни страхъ, ни работа, не могли воспрепятствоватьъ кидать частые взоры на любезную, вырываемую мною женщину, которая хотя и казалась быть мертвою, однако имѣла всѣ прелести живой красавицы.

Какъ я отрылъ покрывавшую ее землю, которую открывалъ съ удовольствіемъ, поминутно усматривая открывающіяся новыя прелести, Беннаскаръ подаль мнѣ маленькую скляночку голубаго бальзама, котораго приказалъ нѣсколько капель разпрыскавъ на губы мертвой женщины, когда онъ удалился въ ближнюю комнату.

Какъ Беннаскаръ удалился, то я взялъ скляночку и вылилъ нѣсколько капель на прекрасныя губы мертвой красавицы, чувствуя будущее приключеніе:

Мер-

Мертвая шопчасъ ожила, глаза ея опкрылись; она, обращая взоры свои на всѣ стороны, и увидя меня, въ ужасѣ вскричала: „Алла! защити меня отъ сего чудовища!“

Въ самое сіе время Беннаскаръ, не показываясь, закричалъ изъ комнаты, въ которую онъ скрылся: „Гемжунагъ! намѣрены ли вы исполнить волю Беннаскарону, или я еще употреблю средство волшебства для укрощенія вашей упорности? Хотя Макома и не допускаетъ меня васъ видѣть, не лиша васъ употребленія чувствъ, а меня моихъ желаній, однако Улина подвергнетъ васъ своему могуществу и волѣ.“

„Безчестной! опвѣщствовала прекрасная чужестранка: не спрашусь силы твоего волшебства. Макома не обманываетъ меня:“

шы

ты не можешь имѣть надо мною никакой власти безъ моего согласія. Магомешъ, попускающій мнѣ быть нѣсколько времени жертвою и игралищемъ швоего своенравія, наконецъ избавитъ меня отъ кровожаждущихъ рукъ швоихъ. „

„А когда ты еще пропи- вишься, перервалъ Беннаскаръ, то надобно употребить жестокость. Невольникъ! дай упорной и непокоривой сей женщи- нѣ бичемъ пятьдесятъ ударовъ. „

Я взялъ бичъ и началъ исполнять немилосердное повелѣ- ніе звѣроуправнаго Беннаскара, проклиная внутренно данное ему мною обѣщаніе. Я его принимаю за друга, а не за чудовище.

Какъ скоро прекрасная Гем- жунахъ почувствовала удары, наполнила своды крикомъ и воплями. Всякой ударъ, мною ей на-

налагаемой, сколько же мнѣ чув-
ствительнѣе былъ, какъ и ей
самой. Я умѣрялъ ихъ жесто-
кость, послабляя руку мою;
слезы текли изъ глазъ моихъ,
желалъ скорѣе свободиться отъ
жестокой должности, и почелъ
себя щастливымъ, когда испол-
нилъ число пятидесяти.

„Что! сказалъ изъ комна-
ты Беннаскаръ: что тебѣ
думаетъ Гемжунагъ? Рѣшилась
ли она предаваться моимъ же-
ланіямъ?“

„Ничего иѣтъ свойственнѣе
привлечь любовь къ себѣ жен-
щины, какъ безчеловѣчіе, пре-
рвала слабымъ голосомъ Гемжу-
нагъ. Лучше я умру, нежели
когда нибудь соглашусь принад-
лежать подлому и жестокому
Беннаскаръ.“

„Умри же, отвѣтствовалъ
онъ въ бѣшенствѣ, выходя изъ
по-

попаенной комнапы; умри! Макома видишь тебя возвращающуюся въ землю, изъ копной я было приказалъ извлечь тебя. „

И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро Беннаскаръ показался глазамъ Гемжунаги, она лишилась всѣхъ чувствъ и упала безъ движенія. Тотчасъ слышанъ былъ подземной ужасной нѣкопшой громъ. Гнусная карлица вышла изъ боковой пещерки, взяла шѣло Гемжунаги и зарыла его въ землю. Дверь опустилась съ великимъ спухомъ, копшой раздавался нѣсколько минутъ по сводамъ.

Беннаскаръ приказалъ мнѣ слѣдовать за собою. Онъ опвелъ меня въ баню, сказавъ, чтообъ я омылъ все шѣло, а иначе лице и руки, ваялъ обикно-

новенное мое плащье, и поскорѣе приходилъ въ залъ.

Я въ такое приведенъ былъ изумленіе отъ того, что я видѣлъ, что едва могъ понимать то, что я дѣлалъ и что я былъ. Однако, оставшись одинъ въ банѣ, старался я успокоиться отъ моего удивленія; но воображеніе Беннаскарва безчеловѣчія вмѣстѣ съ темъ, что уменьшило мое раскаяніе о обманѣ и мое безпокойство, умножало оныя. Я тотчасъ хотѣлъ идти къ Кади (судѣ), и разсказать ему ужасное оное происшествіе, которому я былъ свидѣтелемъ; но тутъ же и стыдился самъ себя, что далъ ему обѣщаніе хранить тайну его, и не могъ рѣшившись открыть оную безъ угрызѣнія моей совѣсти. —

„Беннаскаръ, сказалъ я самъ въ себѣ, Беннаскаръ цѣлой мѣсяцъ

Часть III. 3 казад-

казался мнѣ бытъ Ангеломъ ;
но сей послѣдній его поспу-
покъ испребляеиъ его изъ мо-
его сердца. Ночь сія показала
мнѣ его въ образѣ гнуснѣйшаго
чудовища. Какъ можно согла-
силь сіи прошивные въ немъ
виды? Нѣжнѣйшій и искреннѣй-
шій другъ можетъ ли бытъ
въ одно и тоже время жесто-
чайшимъ и злѣйшимъ чело-
вѣкомъ ? Не жертвою ли онъ
есть какого очарованія ? Бенна-
скаръ въ сію ужасную ночь попиъ
ли есть самой, которой былъ
вчера и прошедшіе дни ? Какой
злой духъ принялъ на себя об-
разъ его къ егожъ погубленію ?
Но нѣтъ, напрасно я спараюсь
извинить ужаснѣйшую жесто-
кость, показанную надъ прекра-
снѣйшею изъ женщинъ. Какое
страшное я видѣлъ явленіе ! Чшо
я говорю видѣлъ ? Я самъ былъ
при-

принужденъ быть въ оной дѣйствующимъ лицомъ! Какъ мое сердце отъ жалости прейешало и смягчалось отъ сожалѣнія!

Сколько она отворачивалась варварскихъ рукъ, исполнявшихъ жестокія повелѣнія ея мучителя! Какъ могъ я согласиться на такое исполненіе приказаній, мучить невинную, призывавшую Аллу въ помощь? Какъ! я могъ употребить звѣрство злобнѣйшаго чудовища противъ защищавшейся женщины, и еще медлю объявить Кади о всѣмъ томъ, что происходило въ семъ очарованномъ домѣ?»

Я рѣшился тотчасъ уведомить Кади о очарованіяхъ и волшебствахъ Беннаскарowychъ.

Вышедши изъ бани и одѣвшись, пошелъ я къ ворогамъ. „Но, сказалъ я самъ въ себѣ, что я предпринимаю? Чѣмъ мо-

желѣ кончипсья мой отѣ него
уходѣ? Я нарушу мою кляшву,
а не помогу бѣдной нещасливви-
цѣ, возбуждающей во мнѣ со-
жалѣніе. Беннаскарѣ дожидается
меня въ залѣ. Ежели онѣ меня
увидитѣ выходящаго, то бу-
детѣ имѣти на меня подозрѣ-
ніе, и силою своего волшебства
можетѣ скрыти прекрасную
Гемжунагу отѣ пронизатель-
ныхъ глазъ Кади. Я живу уже
цѣлой мѣсяцѣ съ Беннаскарѣмъ,
и до сихъ порѣ еще не видывалѣ
ужасной сей комнапы, въ ко-
торой производимо было крово-
пролившѣйшее мученіе. Естѣли
бы и мнѣ онѣ самѣ не прика-
залѣ слѣдовать за нимѣ, то я
бы не видалѣ ничего; ибо никто,
кромѣ его, не знаетѣ сихъ под-
земныхъ мѣстѣ и зданій; впро-
чемѣ онѣ и самѣ жалуется
на приближеніе полномѣсячія.
Онѣ

Онѣ сей день прошивъ обыкновеннаго вспалъ съ постели ранѣ, ошягченныи унылоспїю и прискорбіемъ. Нѣшъ! онѣ не находипѣ никакого удовольспвія мучипѣ невинную; эпо шольмо для меня одного шайнспво непоняшное. Возвращусъ лучше къ моему другу, покажу ему видѣ веселой и не подамъ ни малѣйшаго знака смущающаго меня безпокойспва. „

Во время сего моего размысленїя увидѣлѣ я идущаго ко мнѣ Беннаскара.

„ Откуда ты идешь, Магудъ? спросилѣ онѣ меня съ дружескою ласкою. „

„ Я иду изѣ бани, отпѣлспвовалѣ я, и спѣшу обняшѣ друга моего Беннаскара. „

„ Конечно Беннаскарѣ вамѣ другѣ, перервалѣ онѣ, но чистосер-

сердеченъ ли Магудъ? Будетъ ли онъ мнѣ всегда вѣренъ? „

Слова сіи привели меня въ замѣшательство, а воспоминаніе ночи такъ умножило оное, что я вдругъ не могъ ни слова выговорить. Потомъ, не зная, что отвѣтствовать, сказалъ ему: „Для чего вы сомнѣваетесь о искренности къ вамъ моего сердца? „

„Такъ, Магудъ мнѣ вѣренъ, повторилъ онъ голосомъ, означающимъ его подозрѣніе? „

„Конечно, отвѣтствовалъ я ему съ досадою, Магудъ вамъ вѣренъ. „

„Я этому вѣрю, продолжалъ Беннаскаръ, но не утѣшился ли мой другъ Магудъ приключенія, котораго онъ недавно былъ свидѣтелемъ? И должно быть тому; однако не осмѣливайся требовать отъ меня

ня

ня никакого изъясненія, ни открытъ кому сей тайны. „

„И пакъ вы сомнѣваетесь о моей вѣрности? ошвѣществовалъ я; а иначе для чего вамъ не изъяснить мнѣ сего спряннаго дѣйствія? Кто можетъ сохранить одну тайну, тотъ конечно и болѣе сохранить можетъ. „

„Не болѣе мѣсяца, какъ ты мнѣ сдѣлался другомъ, сказалъ мнѣ Беннаскаръ, и хочешь, чтобъ я открылъ и ввѣрилъ всѣ мои тайны. Берегись, безразсудный юноша! не подпали крылъ твоихъ лучами солнечными, взлетая выше высочайшихъ горъ. Другъ, довольно испытанный, есть неоцѣненное сокровище для Беннакара; но жальва и смерть есть часъ его непріятелей. „

Окончавъ сіи слова, Бен-наскаръ кинулъ на меня суровой видъ и ушелъ съ поспѣшно-стію. Я возвратился въ мою комнату въ великомъ недоумѣніи и смущеніи о моей участи.

Осматриваясь на всѣ стороны въ моей комнатѣ, увидѣвъ я на столикѣ раскрытую маленькую книжку и возженную лампаду. Это былъ алкоранъ нашего закона.

Спать мнѣ еще не хотѣлось, но и началъ я читать раскрытое мѣсто въ книгѣ. Оно было глава, въ которой писано о священной шелицѣ. Потомъ увидѣвъ я имя Магуда, написанное въ священной книгѣ.

Чудо сіе меня привело въ удивленіе и смущеніе. Я началъ разсматривать внимательнѣе, и нашелъ ясно написанныя слѣдующія слова:

Ма-

Магудѣ! Магудѣ! Магудѣ!
 въ свѣтѣ много есть добра, а
 еще болѣе зла. Добро есть
 даръ Аллы, а зло есть дѣло
 его твореній; потому что
 человѣхъ согрѣшилъ и ходитъ
 во тьмѣ невѣдѣнія; злоба
 злыхъ духовъ и сила волшеб-
 ства торжествуетъ надъ му-
 драстію праведныхъ. Магудѣ
 теперь находится въ домѣ
 волшебника, къ которому онъ
 въ злостной для него день
 прилѣпился, обольстясь ложно
 предложенными почестями и
 богатствомъ. Не сдержатъ
 своего слова подло; а сдер-
 жатъ порочно. Еслии чело-
 вѣхъ вдастся въ пороки и не-
 щастіе, то подвергается могу-
 ществу злыхъ духовъ; мы
 покровители рода человѣческа-
 го, мы тогда не можемъ
 вступать въ дѣла ихъ, ни

3 5

по-

подать помощи противъ бѣдъ-
 ствій, въ которыя они ввер-
 таются къ наказанію нераз-
 умія ихъ. Твоя легкомыслен-
 ная душа, обманутая глубо-
 чайшимъ притворствомъ Бен-
 наскарковымъ, попала въ сѣти,
 имъ тебѣ приготовленные ;
 гласъ устъ его сильнѣе былъ
 твоей мудрости, ты клялся
 ему при всякомъ случаѣ не
 открывать тайностей его до-
 ма, и симъ-то безразсуднымъ
 обѣщаніемъ безъ соизволенія
 своего присоединился къ злымъ
 дѣламъ ложнаго твоего друга.
 Но человекъ, посвятившій себя
 въ служеніе Аллу и его не-
 премѣняемымъ и непрелож-
 нымъ законамъ, можетъ ли
 самъ собою противиться волѣ
 своего Сотворителя? Червь,
 пресмыкающійся по землѣ,
 осмѣлится ли возстать противъ
 де-

десницы, сотворшей его? Есть-
ли бы Магудъ, общавая не от-
крывать ничего того, чтобъ ни
происходило въ домъ Бенна ска-
ровомъ, выключилъ все то,
что законъ Магометовъ от-
крыть повелѣвалъ бы, благо-
разумно бы сдѣлалъ. Ходящій
во тьмѣ не ложно впадаетъ въ
пропасть, имъ непредвиди-
мую. Сии слова духъ Макома
взялъ изъ алкорана къ твоему
наставленію. Я вижу ожида-
ющая тебя злая, ежели ты
предприемлешь избавить Прин-
цессу Кассимиру; однакожъ
сіе предпріятіе есть единое
средство, которое тебѣ остается
къ сверженію ига жестоко-
сти и притѣсненія. Избирай
теперь: ежели твое сердце
тронуто сожалѣніемъ къ утѣ-
сненной невинности, готовься
къ понесенію бѣдъ за истинну

и

и добродѣтель, возьми съ собою сію книгу, съ которою можешь ты всякой разѣ, когда захочешь, видѣть Принцессу; а иначе оставайся навсегда невольникомъ пророкова врага.

Я хотѣлъ было читать далѣе, но слова исчезли, и я не могъ видѣть ни единой черты. Я рѣшился тотчасъ принять на себя защитишь Княжну, и все въ свѣтѣ сдѣлать для ея избавленія, чего бы то мнѣ ни стоило. Я положилъ книжку за пазуху, взялъ свѣчу и пошелъ въ залъ, зная точно, что Беннаскаръ ушелъ въ сераль.

Видя, что я не обманулся, поспѣшалъ скорѣе къ Княжнѣ; и какъ я зналъ всѣ переулки, чрезъ которые ходилъ съ Беннаскарѣмъ, то не долго искалъ той маленькой со сводами комнаты

Взо-

Взошедъ въ оную, топчасъ поднялъ я дверь, сошелъ въ погребъ, коснулся книжкою Княжны Гемжунаги, ни о чемъ другомъ не думая, какъ о средствахъ, какъ бы извлечь ее изъ сего ужаснаго жилища.

Княжна топчасъ пробудилась отъ прикосновенія книжки. Увидѣвши меня, подняла великой крикъ, меня приведшій въ великой ужасъ. Я спрашился, чтобъ онымъ не разбудила Беннакара, или его невольниковъ.

„Я, говорилъ ей во увѣреніе, я посланъ отъ духа Макома для вашего избавленія; я теперь гнушаюсь того безчеловѣчнаго мучительства и жестокости, съ какою я поступилъ съ вами, въ прошедшую ночь.“

„Вы посланы отъ духа Макома? сказала она мнѣ, воздыхая и умножая плачь свой. Слова
ва

ва ваши опкрываютьъ лeсѣ и обманъ вашего сердца. Я васъ никогда не видывала, и вы конечно волшебникъ Беннаскаръ, какъ я думаю, подъ видомъ другаго, мнѣ незнакомаго. Но хотя бы ты и точно былъ Беннаскаръ, знай, подлой чело-вѣкъ, неумолимое чудовище! что твои льстивые обманы не болѣе успѣють, какъ и твоя жестокость. Ничто не сильно принудить меня согласишься на твои порочныя требованія. Я вѣчно буду ненавидѣть такого чудовища, каковъ есть Беннаскаръ; я увѣрена, что ничто и ничто не можетъ меня ни обратишь въ небытіе, ни обезчестить безъ моего соизволенія.»

„Прекрасная Гемжунагъ, божественная Княжна! сказалъ я ей, ставши передъ ней на ко-дѣни: прошу выслушать меня
Я

Я не Беннаскаръ, и не изъ его невольниковъ: я вѣрный служи-
тель духа Макома. Онъ меня
послалъ къ вамъ, онъ мнѣ далъ
сю книжку, прикосновеніе ко-
торой жизнь вамъ возвратило.
Онъ мнѣ повелѣлъ спараться о
вашемъ избавленіи, и вы види-
те, что я уже готовъ все при-
вести въ дѣйство, чтобъ из-
влечь васъ изъ сего очарованнаго
жилища. Правда, что вы ни-
когда меня не видали въ соб-
ственномъ и природномъ моемъ
видѣ, но я былъ тошъ, копо-
раго Беннаскаръ приводилъ сю-
да въ прошедшую ночь въ обра-
зѣ и плащѣ чернаго невольника,
и копорой принужденъ былъ
данною безразсудно клятвою
исполнилъ его безчеловѣчныя
повелѣнія. Просшите мнѣ, лю-
безная Княжна, невольное пре-
ступленіе. „

„ Не-

„Невольное преступленіе? прервала, прекрасная Гемжунагъ. Я теперь узнала изъ твоихъ разговоровъ твою гнусную подлость и вѣроломство. Положимъ, что твои рассказы справедливы, но какая клятва можетъ человека привести къ злодѣянію и звѣрской лютой? Не долженъ ли ты былъ лучше подвергнуть себя всѣмъ злоключеніямъ, нежели такъ мучить невинную дѣвицу? Ежели ты точно служишь, какъ говоришь, духа Макома, вѣрю, но еще тебя испытать надобно. Выди въ сѣюжъ минушу изъ дому Беннаскарора, поди, увѣдомъ Кади о его мучительствахъ и волшебствахъ. „

„Любезная Княжна! сказалъ ей: позволь лучше извлечь васъ изъ сего ужаснаго гроба. Мы мо-

можемъ убѣжать, не бывъ ни-
къмъ примѣченъ. „

„Того-то мнѣ и не можно
сдѣлать, есѣли ты и не Бен-
наскаръ, которому быть подѣ-
твоимъ видомъ и по сіе время
думаю. Я не могу вытѣсти изъ
сего погреба безъ его повелѣнія.
Какъ я безсмысленна! продол-
жала она, обливаясь слезами;
какое безуміе слушать обманы
такого лжѣвопреступника, какъ
ты! „

„Прекрасная Гемжунагъ!
перервалъ я: есѣли вы надѣ-
тесь какихъ успѣховъ оцѣ по-
го, что вы мнѣ дѣлать прика-
зываете, теперь же пойду увѣ-
домишь Кади о вашемъ состоя-
ніи и о жестокости вашего
мучителя. „

Я до тѣхъ поръ стоялъ
на колѣняхъ предъ гробомъ пре-
красныя Гемжунаги, и лишь

Часть III.

И **толь-**

только хотѣлъ встать исполнить добродѣтельное мое намѣреніе, какъ Беннаскаръ появился въ ближней комнатѣ.

Онъ вошелъ къ намъ. Княжна, увидя его, подняла ужасной крикъ и снала безчувственна и неподвижна. Я думалъ, что самъ исчезаю отъ страха. Хотя мои намѣренія были справедливы и честны, однако присутствіе волшебника привело меня въ шепеть; я вспомнилъ данныя ему мои клятвы и нарушение оныхъ, и за то ожидалъ моей гибели отъ волшебной его силы.

Я закрылъ лице свое руками, не смѣя и взглянуть на него. Но страхъ мой скоро кончился: Беннаскаръ бросился къ ногамъ моимъ, и шѣмъ привелъ меня въ великое изумленіе. Тутъ-то было я увѣрился, что
духъ

духъ Макома покровитель-
ствуеѣ меня, и я приписываѣ
сіе покореніе волшебника. выш-
шему . могуществу:

„ Магудъ! сказалъ мнѣ Бен-
наскаръ : прости несчастному,
тебя столько обманувшему и
прогибавшему. „

„Если ты хочешь, чтобъ
я тебя простилъ, то перестань
мучительски гнать Княжну Кас-
симиру ; дай ей свободу, а ина-
че, пока она погребена будеѣ
въ семъ погребѣ, до тѣхъ поръ
прозьбы и моленія твои оста-
ваться будуѣ тщетными. „

„ О Магудъ, перервалъ онъ,
искренній другъ моего сердца,
другъ, которому я ввѣрилъ всѣ
тайности! хотя ты и не испы-
талъ еще силы любви, но сжа-
лся надъ плѣнникомъ ея. Ежели
бы любезная Княжна Кассимира
И а зна-

знала искренность сердца моего, ежели бы — „

„Посланникъ духа Макома! сказала Княжна, перервавши рѣчь Беннаскарѣ: не слушай словъ его, пока онъ не согласится на мою свободу. Онъ меня часто обманывалъ; научись моею неосторожностію, а иначе ты подвергнешь себя его могуществу, естли духъ благоразумія не озаряетъ тебя и не управляетъ намѣреніями твоими. „

Беннаскаръ, вскочивши какъ бы въ раскаяніи, и открывши грудь, сказалъ мнѣ съ видомъ опчаянія: „Магудъ! пронзи грудь мою, окончи мученія мои и несчастія Гемжунаги; Беннаскаръ не преспанетъ и по смерти любишь ее, и никогда не захочетъ лишиться сокровища его сердца. „

„Мнѣ

„Мнѣ не позволено лишать
тебя жизни, отвѣщивая;
но я отдаю тебя суду Ка-
ди занимающему на земли
мѣсто великаго Алла въ наказа-
ніе злыхъ, приписняющихъ не-
винность. „

Княжна Кассимира попроси-
ла у меня книгу духа Макома
съ пѣмъ, чтобъ она служила
ей защищеніемъ прошивъ напа-
деній и обмановъ жестокаго
Беннаскара.

Требованіе ея казалось мнѣ
быть основательнымъ, въ ко-
торомъ отказать почелъ я дѣй-
ствіемъ человека, нежелающаго
ей добра; почему и отдалъ
ей безъ всякой отговорки.

Полномъ вышелъ я отъ ней,
проводимый Беннаскарѣмъ.
Идучи со мною, заклиналъ онъ
меня и уговаривалъ не терять
друга, имѣвшаго столько ко мнѣ

довѣренности. На сіе отвѣтствовалъ я ему, что лучше и праведнѣе повиноваться великому Аллу, нежели человѣку.

Пришелъ я къ воротамъ Кади, это было ночью; приспавники его представляли мнѣ, что теперь говоритъ съ нимъ не время. Я имъ объявилъ причину моего прихода; а какъ они узнали, что я имѣю въ моей власти безчеловѣчнѣйшаго волшебника, похипившаго Княжну Кассимиру, то они тотчасъ доложили обо мнѣ Кади. Сей недремлющій судія, вспавши немедленно, пошелъ со мною со множествомъ стражей въ домъ Беннаскарровъ.

Волшебникъ дожидался насъ у своихъ воротъ со свѣчею. Неустрашимость его привела меня въ изумленіе, и я началъ спрашивать его волшебной силы.

Какъ

Какъ скоро Кади вошелъ въ домъ его, Беннаскаръ бросился къ ногамъ его, признавая свое преступленіе и испрашивая прощенія.

Кади приказалъ сразу взять его, а Беннаскаръ сказалъ, чѣмъ онъ повелъ насъ въ эту комнату, въ которой содержалась плѣнная Княжна.

Беннаскаръ послушалъ его повелѣнія. Проходя многія комнаты, чрезъ которыя должно было идти въ ту, гдѣ находилась Княжна, сказалъ онъ мнѣ: „Магудъ! вы знаете, что было Княжны Гемжунагъ зарыто въ землѣ до половины, а не все закопано: попроси Кади, чѣмъ онъ позволилъ намъ однимъ безъ него извлечь ее изъ такого состоянія, чѣмъ, щадя ея стыдливость, не представитъ предъ него обнаженную.

И 4

ную. Что касается до меня, то воображеніе моихъ пресупленій приводитъ меня въ препетъ, угрызѣнія совѣсти меня мучають, и я со всею охотою освобожду сію невинную Княжну. „

„Ежели вы мнѣ чистосердечно обѣщаетесь, сказалъ я ему, извлекъ Княжну изъ сего ужаснаго гроба, то я постараюсь умолишь Кади о томъ, чего вы требуете. Въ противномъ случаѣ я хочу и сдѣлаю, что весь свѣтъ будетъ свидѣтелемъ твоей гнусности и злобы. „

„О любезной другъ! прервалъ Беннаскаръ: не выговаривайте мнѣ болѣе; сердце мое довольно меня укоряетъ. Магудъ! я вамъ во всемъ обѣщаюсь: по вашему желанію освобожу Княжну изъ сего мучительнаго состоянія. Я только и полагаю надежду на васъ и на
ми-

милость и сожалѣніе Кади; будьте увѣрены, что не буду болѣе призывать въ помощь злыхъ духовъ: я отрицаюсь ихъ волшебства и очаровательной силы. „

Я повѣрилъ Беннаскарону чистосердечному раскаянію, и обрадовался оному. Я просилъ Кади, чѣмъ онъ намъ позволилъ однимъ напередъ итти въ комнату для освобожденія Княжны отъ очарованія, силою котораго она безчувственна лежала въ землѣ погребенна.

Кади согласился на мою просьбу, и приказалъ своей стражѣ дожидаться при входѣ въ палаты, пока мы съ Беннаскарѣмъ возвратимся.

Лишь только мы вошли въ комнату, волшебникъ схватилъ меня за волосы, пощипавъ ме-

И ;

ня

ня въ свой кабинетъ и заперъ за собою двери.

„Вѣроломной! сказалъ онъ мнѣ: прими достойное воздаяніе за твое клятвопресупленіе. „ Не давъ время мнѣ опѣшсшвоваться, началъ бить меня по лицу, ударялъ о землю, топталъ ногами и мучилъ безчеловѣчно; потомъ, оставя меня полумертва, ушелъ и заперъ двери.

Нѣсколько минутъ я лежалъ безъ чувствія, умученный звѣрствомъ Беннаскарковымъ; а опамышовавшись, больше спрашивался предвидимыхъ мною еще опаснѣйшихъ слѣдствій. Вставши, отворилъ я двери, но не нашелъ ни Княжны Кассимиры, ни безчеловѣчнаго Беннаскара. Опчаяніе мое было безпредѣльно.

Кади и его спража, съ нетерпѣливостію дожидаясь сподъ
до-

долго, наконецъ вошли въ оную комнату. Кади велѣлъ меня взять своимъ солдатамъ, сказавъ мнѣ: „Нещасный! гдѣ Княжна? Гдѣ открывшій намъ пловъ влодѣянiя?“

„О спеченiя нещастiй! вскричалъ я въ опчаянiи. „Голосъ мой сдѣлался какъ голосъ Беннаскарровъ. Вглянувши на мое платье, увидѣлъ, что оно было волшебниково. Тушъ - то я уже увѣрился, что въ наказанiе моего клятвопреступленiя превратилъ онъ меня въ видъ свой и сдѣлалъ Магуда Беннаскарромъ.

Я палъ къ ногамъ Кади, прося меня выслушать. Я рассказалъ ему всѣ мои приключенiя, въ бытность мою въ дому Беннаскарровомъ случившiяся. Онъ слова мои почелъ выдуманною баснею. Спражи его смѣядись моему справедливому извиненiю.

ненію. Потомъ судья, нѣсколь-
ко подумавши, приказывалъ мнѣ
освободить Княжну и моего дру-
га онѣ обдержавшаго ихъ очаро-
ванія.

Я клялся небомъ и землею
о истиннѣ словъ моихъ; но Ка-
ди, негодуя на мое мнимое имѣ
упрямство, приказалъ спражамъ
своимъ дать мнѣ сто ударовъ
палкою.

Къ умноженію моего неща-
стія въ концѣ компаньи пока-
зался мнѣ Беннаскаръ. Увидя
его, вскричалъ я въ досадѣ: „вонъ
онъ! вонъ онъ обманщикъ, до-
ведшій меня до такого злоно-
лучія!“, — Кади, осматри-
ваясь на всѣ стороны, и не ви-
дя никого, вообразилъ, что я
смѣюсь надъ нимъ. Онъ прика-
залъ дать мнѣ бичемъ еще сто
ударовъ.

Раз-

Раздираемый опчаяніемъ, и ослабѣвши отъ поль сильнаго біенія, упалъ я на землю почти полумертвой. Спражи взяли меня подъ караулъ, и отвели въ мрачную какую-то и глубокую шемницу, гдѣ наложили на меня тяжкія оковы.

На другой день представленъ былъ я предъ Кади въ общественной палатѣ правосудія. Дѣло мое было выслушано, и по выслушаніи осужденъ я былъ на сожженіе въ слѣдующій день, естли не освобожду до сего времени Княжну Кассимиру и Магуда.

Тщешно было повторять мнѣ мои клятвы и оправданія. Тысячу разъ клялся я великимъ Алломъ, что я былъ истинной Магудъ, и что все то, что я принужденъ претерпѣвать, есть дѣйствіе волшебства Беннаскарва,

рова, но мнѣ ни въ чемъ не хотѣли вѣрить. Тогда рѣшился я лучше молчать, и ни на какіе вопросы не отвѣчалъ ничего. Молчаніе мое разтолковано было въ худую сторону: оное приписывали непреодолимому моему упорству. А чтобы добиться у меня отвѣта, то Кади приказалъ палачамъ дать мнѣ пять сотъ ударовъ палками. Потомъ Кади началъ меня спрашивать, имѣю ли я что во оправданіе свое отвѣщивать въ перешнихъ обстоятельстве. „Объясненіе моихъ заключеній есть справедливо, отвѣщивалъ я; все сіе терплю въ наказаніе за данное мною безразсудное Беннаскарю обѣщаніе, и теперь я долженъ терпѣливо сносить жестокость моей участи. „

Кади

Кади опять приказалъ меня
опвесити въ темницу. Тотчасъ
на площади срубили костеръ и
приготовили все, что надобно
было для моего сожженія при
всемъ народѣ.

Я препровождалъ въ опчаянной
безсонницѣ мучительную ночь.
Желалъ, чтобъ солнце никогда
не восходило. Тщешное желаніе!
Ужасная сія ночь показалась мнѣ
минутою. Звѣзды померкли и
скрылись при наступленіи дня,
и я уже видѣлъ приближающуюся
минутою моею поносною ка-
зни.

Всѣ улицы наполнены были
народомъ отъ самой темницы
до самого костра. Какъ я про-
ходилъ улицами, то иные меня
ругали и укоряли волшебствомъ,
какъ наигнуснѣйшимъ порокомъ;
иные били меня по лицу, иные
мешали въ меня грязью и ка-
меньями.

При-

Пришедши къ костру, увидѣвъ я Кади и его. Офицеровъ, сидящихъ на уготовленномъ нарочно возвышенномъ передъ костромъ мѣстѣ; онъ приказалъ подойти мнѣ къ себѣ, и началъ говорить:

„Законопреступный и чело-
вѣконенавистный волшебникъ!
еще я тебѣ позволяю воспользо-
ваться милостію нашею, по-
правъ твою участь, опустити
Княжну и твоего друга, копо-
рыхъ ты скрываешь силою тво-
его очарованія; или опредѣле-
ніе, писанное закономъ, и право-
судіе противъ тебя и тебѣ
подобныхъ потчасъ надъ тобою
во всей своей строгости испол-
нено будетъ.„

„О Кади! о судящій мнѣ!
сказалъ я ему: когда вы не
хотите вѣрить оправданію мо-
ему, по крайней мѣрѣ покажи-
те

те мнѣ предавшаго меня суду
вашему, и обвиняющаго въ вол-
шебствѣ и очарованіяхъ. Не
Беннаскаръ ли я, богачѣйшій
купецъ города Делли? Гдѣ воз-
стающіи противъ меня? Гдѣ
оклевешатели, осмѣливающіеся
ругательски поносить меня? Вы
нынѣшнюю ночь приходили въ
мой домъ, вы приказали меня
схващивъ, какъ злодѣя, взяли
подъ спражу и отвести въ шем-
ницу, гдѣ поступлено со мною
какъ съ подлымъ невольникомъ;
вы меня осудили сожечь жива-
го, и все сіе сдѣлали безъ сви-
дѣтелей, безъ всякаго испы-
танія моего преступленія, ко-
торымъ невинно меня обвиняе-
те. Къ чему, о Кади! призы-
ваю я въ помощь правосудіе
великаго Судшана, обладателя
цѣлаго востока, и я надѣюсь,
что мои сограждане не попу-
стятъ.

Часть III. I сѣяшъ

сѣять казнишь меня безъ испытанія и доказательства моего преступленія. „

„Юноша! перервалъ Кади, призываніе твое правосудія теперь не нужно. Я совсѣмъ удаленъ отъ того, чѣмъ мнѣ обвинять безъ основательной причины когонибудь изъ жителей города Делли. Ты бы имѣлъ право жаловаться на правосудіе, и я бы первой готовъ былъ тебя выслушать, если бы собственныя твои слова тебя не обвиняли. Вчера ты клялся, что ты не Беннаскаръ, а нынѣ себя онымъ называешь. Вотъ ты теперь осужденъ собственнымъ твоимъ языкомъ. Если бы ты не былъ волшебникъ, то какую ты имѣлъ нужду вчера опровергаться, что ты не купецъ Беннаскаръ? „

На-

Народъ съ плесканіемъ похвалилъ слова суди. Всякъ кричалъ, что я точно волшебникъ и достоинъ сожженія. Спражи тошчасъ схватили меня и повели въ оковахъ на костеръ. Народъ поднялъ радостные крики. Огонь подложили подъ костеръ: вдругъ дымъ и пламя охватили несчастнаго Магуда.

Въ мигъ не увидѣлъ я ни неба, ни народа, наполнявшаго площадь, а увидѣлъ себя на днѣ костра во образѣ жабы. Я спѣшилъ скорѣе выпти изъ середины пламени, и едва поспѣлъ по камнямъ, устланнѣмъ по улицамъ.

Народъ до тѣхъ поръ не расходился, пока костеръ не сгорѣлъ до основанія. Пепелъ вынесенъ былъ внѣ города, и брошенный развѣянъ вѣтромъ. Я спрятался подъ камни и лежалъ

жалѣ подѣ оными до самой ночи.

Я вознамѣрился выползти изъ города, какѣ смеркнется, чѣобѣ днемѣ не быть опѣ народа раздавленнымѣ. Но сонѣ меня склонилѣ вѣ пѣ самые часы, вѣ копорые живошныя обыкновенно покояшся; проснувшись, увидѣлѣ себя перенесеннаго вѣ сей лѣсѣ, гдѣ я жилѣ одинѣ около мѣсяца; потомѣ вспрѣпился сѣ сими двумя соповарищами моего уединенія и несчастія.

„Магудѣ! ваши приключенія, сказалѣ Индійской Султанѣ, необычайны и чрезѣестественны; они насѣ научающѣ, сколько-то намѣ благо-разуміе нужно и полезно, намѣ, вверженнымѣ вѣ равное сѣ вами несчастіе. Я вижу теперѣ, что бѣдствія протекающѣ опѣ

мало-

маловѣрія и неупованія на покровительство великаго Аллы, и долженъ признатъ, что сіе всемогущее существо всегда готово помогать признающимъ его величество и свое предъ нимъ ничтожество. „

„Но, Магудъ! прости мене, что я еще ^и васъ хочу прозвобую безпокойтъ: скажите, что сдѣлалось съ прекрасною Гемжунагою, Княжною Кассимирскою? Не удивляйтесь моему вопросу; имя сіе возобновляетъ во мнѣ воображенія, которыя никогда не истребятся изъ моихъ мыслей. Какимъ образомъ сія любезная особа, сія споль прекрасная и невинная Княжна, подпала власти злаго волшебника? Но долженъ ли я сему удивляться, я, подверженный таковой же участи? Конечно соспирающаяся на насъ, называемая

I 3

вами

вами Княжиною, есть дочь Зебенезера, Султана Кассимирскаго? „

„Она самая, оговѣшсѣвалась Магудъ; она также превращена, какъ и мы; а стоящій у меня по правую сторону есть Горамъ, любимой Визирь Миснара, Султана Деллійскаго. „

„Какъ! вскричалъ Миснаръ, приведенный въ изумленіе: какъ! мой вѣрной Горамъ раздѣляетъ со мною мои несчастія? Миснаръ теперь не что иное, какъ опадающій осенній листъ, или какъ перо, носимое вѣтромъ! „

Горамъ, узнавши, что онъ находится въ присутствіи своего Государя, Султана Деллійскаго, оказалъ ему свою покорность и подданическое почтеніе сколько, сколько позволялъ ему гнусной видъ его: Магудъ послѣдовалъ Визиреву примѣру.

Ми-

Миснарѣ, обратившись къ Княжнѣ Кассимирской, началъ къ ней говорить голосомъ, означающимъ почтеніе : „ Княжна ! какое странное приключеніе, какое жестокое очарованіе могло лишить васъ прекраснѣйшаго вида и превратить въ видъ безобразнѣйшаго пресмыкающагося ? Простите великодушно моему пребыванію, расскажите ваши бѣдствія, случившіяся съ вами отъ того времени, какъ вы оставили Дворъ Зебенезера, вашего свѣплѣйшаго родителя. Исполните мои желанія для вашего избавленія и моего утѣшенія, хотя я теперь и не силенъ возсавить васъ и самого себя. „

„ Свѣплѣйшій Султанъ ! отпѣспивовала Княжна Гемжунагъ : я исполню ваше пребываніе, сколько мнѣ ни тягостно и му-

чительно напоминаніе мои хъ бѣдствій. Моя неосторожность приводитъ меня въ стыдъ, однако удовольствую ваше любопытство. „

„Нѣтъ, Княжна, перервалъ Султанъ, довольно для насъ и того, чѣмъ признавать погрѣшности свои предъ лицомъ неба. Увеселяющійся, слушая повѣствованія о несчастіяхъ другаго, есть слабѣе и неразумнѣе несмысленныхъ младенцевъ. „

„Благодарю великаго Аллу, сказала Княжна, что легкомысленность моя не была таковою, каковою по видимому бытъ думаетъ Султанъ Деллійскій. Бѣдствіе мое произошло отъ слабости, общей и свойственной молодымъ особамъ моего пола. Рѣдкія изъ насъ не причастны оной. „

„Вся-

„Всякой драгоцѣнной ка-
мень, перервалъ Миснаръ, чѣмъ
болѣе имѣетъ сіянія, тѣмъ вид-
нѣе въ немъ и самое малѣйшее
пятнышко. Такъ и просль, ,
удобно колеблемая легчайшимъ
дыханіемъ вѣтра, слабѣйшею по-
чищается. Вашъ полъ нѣженъ,
и имѣетъ нѣкошорой родъ сія-
нія, кошорое легко открываетъ
и самые малѣйшіе ваши недо-
статки. Я не сомнѣваюсь, чтобъ
благоразуміе Княжны Кассимир-
ской и строгое ея цѣломудріе и
скромность не побуждали ее
щипать по порокомъ, что весь
свѣтъ причелъ бы къ совершен-
ствамъ. „

„Султанъ! сказала Гемжу-
нагъ: поблажительное ваше из-
виненіе не уменьшитъ въ гла-
захъ моихъ моей погрѣшности;
а молчаніе мое можетъ оную
увеличить въ вашихъ мысляхъ.

Выслушайте же повѣсть моихъ приключеній, я ничего не скрою, чпобѣ порокѣ мой, скрывааемый отѣ всѣхъ и содержимый впайнѣ, не почтенѣ былѣ большимѣ, нежели какѣ когда его онѣ крою предѣ цѣлымѣ свѣпомѣ: „

Во время сего разговора показался въ густотѣ лѣса престарѣлой Дервишѣ, согбенный подѣ тяжестію лѣтъ и едва двигающійся отѣ слабости.

Горамѣ, разсматривая пристально походку и видѣ святого человека, сказалѣ наконецѣ Султану: „Свѣплѣйшій Государь! вошѣ идешѣ Шемсгелнарѣ, набожнѣйшій изѣ почитателей великаго Аллы, благочестивѣйшій изѣ жителей всей Азіи. „

„По его осанкѣ и виду и я такѣ думаю, сказалѣ Миснарѣ; былѣ ли онѣ на собраніи въ Диванѣ? „

„Нѣтъ „

„Нѣтъ, славнѣйшій Султанъ, отвѣтствовалъ Горамъ; глубочайшая старость была ему на ономъ воспрепятствовала. „

Шемсгелнаръ подошелъ къ мѣсту, въ которомъ скрывались чешыре жабы; палъ изъ почтенія предъ Миснаромъ и началъ говорить: „Да не удивится Государь Индіи, что Шемсгелнаръ, рабъ его, узнаетъ своего Государя подъ симъ гнуснымъ видомъ, въ какомъ видѣтъ его превращеннаго силою безчеловѣчнѣйшаго волшебника, Великій Султанъ! не скрыто отъ меня ни одно изъ угнѣшающихъ тебя бѣдствій. Я ихъ предвидѣлъ, хотя и не могъ быть въ диванѣ на твоемъ совѣтѣ. Я съ колѣнопреклоненіемъ просилъ за тебя тайно въ моемъ уединеніи; умолялъ того, кто могущественнѣе иисцѣлителей злыхъ.

злыхъ, отвратишь отъ себя бѣдспвія, тебѣ угрожавшія. Алла услышалъ мою молишву. Я просперся предъ нимъ въ моей пещерѣ, и онъ послалъ ко мнѣ духа Багуди, кошорой повелѣлъ искашь тебя въ мрачныхъ лѣсахъ Тарапаянскихъ, въ кошорыхъ вы очарованіемъ заставлены пресмыкашься въ семъ гнуснѣйшемъ видѣ. „

„Я предспавлялъ духу Багуди: О Багуди! какъ могу исполнить твои повелѣнія? Ноги мои служишь мнѣ опказывающія, слабость тѣла моего меня опягчаетъ. „

„Поди, перервалъ Багуди, касаяся меня перспомъ: поди, небо низпосылаетъ тебѣ крѣпость для исполненія того, что оно тебѣ повелѣваетъ. Волшебница Улина превратила твоего Государя въ гнуснѣйшее пресмы-

смыкающееся на земли. Сему ты и не удивляйся; ибо такое есть опредѣленіе на людей, болѣе другихъ опмѣнившихся добродѣтелию и достоинствомъ. Когда враги ихъ находятъ случай дать имъ почувствовать свою силу, тогда приводятъ въ состояніе и видъ подлѣйшихъ пварей. Ты найдешь, продолжалъ онъ, Султана посрединѣ троихъ, столько же несчастливыхъ, какъ и онъ. Ты, кромѣ Индійскаго Султана, избавить не можешь, а прочіе прое должны остаться въ очарованіи до смерти волшебницы Улины. „

„Но, Султанъ! продолжалъ Дервишъ: прежде, нежели разрѣшу оковы твоего плѣна, духъ повелѣлъ мнѣ повторить тебѣ слѣдующія слова:

„Миснаръ! вѣра есть первая и наибольшая должностъ чело-
вѣка.

вѣка. Покланяюсь Аллѣ истиннымъ духа почитаніемъ и слѣдовашъ закону его пророка, есть благороднѣйшая жертва благодарнаго сердца. Установившій благочестивые обряды, исполненіе оныхъ и жертвоприношенія, предписалъ и различныя состоянія въ общежитіи съ относящимися къ благоденствію онаго должностями и обязательствами. Пренебрегаешь должности, нераздѣлимые съ обществомъ и для него нужнѣйшія, для путешествій, есть ли знакъ почитанія и повиновенія великому Аллѣ? О Князь! печать Магомешова, данная тебѣ прокомъ Манжеломъ, не есть ли неизгладимая печать, носимая на челахъ всѣми вѣрными, и подающая намъ крѣпость, какъ слабымъ по человѣчеству, повиноваться гласу разума и вѣры?

ры? Опакскій поясѣ, носимый волшебникомъ Кифри, ничто иное есть, какъ предвидѣніе и мудрость, лучшіе и вѣрные союзники, какихъ должны имѣть воспочные Султаны. Ми-снарь оставляетъ свой народъ и передаетъ его волю враговъ своихъ, свои области, для сохраненія которыхъ путешествуетъ, власти ихъ. Алла посадилъ тебя на престолъ Индійскомъ, за что и долженъ ты возсылать къ нему свои моленія. Но небо жалѣло о слабостяхъ, происходящихъ болѣе отъ неразумія, нежели отъ злоизволенія. Почему я тебѣ повелѣваю, Судпанъ: возстань отъ земли, по которой ты пресмыкаешься; прими свое величество, въ какое одѣлъ тебя Алла; знай и помни, что Магомедъ покровительствуетъ тебя;

что

что онъ укрѣпилъ мышцы свои
противъ враговъ твоихъ; что
онъ повелѣваетъ иппи противъ
силы ихъ, увѣряя твою сла-
бость; что волшебныя очарова-
нія ихъ не возмогутьъ уничто-
житьъ твои предпріятія; что
ихъ волшебная сила всегда усту-
питъ мудрости, только ты
безразсудно не вдавайся въ сѣ-
ти ихъ, разспавленные лестію
и обманомъ. Будь великодушенъ,
бодръ, благоразуменъ и не устращайся
ничего. Они не могутъ
силою своего волшебства не пред-
видя воспрепятствоватьъ тво-
имъ намѣреніямъ. Отъ сего-то
предвидѣнія получаютъ они
свою непреборимую силу. Будь
твердъ въ твоихъ предпріяті-
яхъ, бодръ и неустрашимъ въ
исполненіяхъ, но мудръ и осмо-
трителенъ въ начинаніи оныхъ.
Ибо они, когда видятъ, что
силы

силы волшебства ихъ слабы, тогда для своего погубленія употребляющъ хитрость и обманы. „

Какъ только Шемсгелнаръ окончилъ свои наставленія, Миснаръ возсталъ отъ земли и принялъ величественной свой видъ Государя. Но прежде возблагодаренія святому Дервишу за освобожденіе, палъ онъ на землю, и принесъ молитвы свои за благость Аллу и его пророку, оказанную ему своимъ покровительствомъ въ избавленіи и отвращеніи отъ него очарованія, подъ которымъ онъ сшеналъ угнѣтаемый силою безчеловѣчной Улины. По отправленіи своего благодарственнаго моленія благодарилъ онъ Шемсгелнара за его мудрыя наставленія и за свободу, ему имъ возвращенную.

Часть III.

К

Дер.

Дервишъ на благодареніе его отвѣтствовалъ: „Миснаръ! вы справедливо дѣлаете, что молитесь и благодарите прежде всего великаго Аллу. Ему одному достойтъ честь, слава и благодареніе; Шемсгелнаръ не что иное есть, какъ рабъ и служитель Магомеда, своего и моего пророка. „

„Но, перервалъ Султанъ, можно ли надѣяться, что когда нибудь угодно будетъ великому пророку вѣрныхъ возвратитъ также свободу и симъ несчастнымъ, которые еще остались въ гнусномъ превращеніи, отъ котораго я освобожденъ теперь его благостию? „

„Одинъ Миснаръ можетъ освободитъ ихъ, сказалъ Дервишъ. Погуби Улину, то и сіи несчастныя жертвы ея волшебной силы возвращены въ свое-
емъ

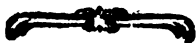
емъ видѣ будущъ тебѣ и себѣ
самимъ. Но они, ожидая своего
избавленія, должны слѣдовать
благочестивому твоему примѣ-
ру, не ослабѣвать подѣ тяже-
стію ихъ бѣдственнаго спрада-
нія, уповать съ терпѣніемъ и
молить о твоей жизни и без-
опасности. Пути къ городу Дел-
ли лежатъ чрезъ сей лѣсъ, а
домъ Улины въ лѣвой сторонѣ.
Она уже знаетъ о твоемъ осво-
божденіи, и теперь неусыпно
изыскиваетъ способы, какъ
бы въ другой разъ ласково об-
мануть тебя. Будь остороженъ,
будь предусмотрительнѣе преж-
няго. Если она въ другой разъ
обольститъ тебя и преможетъ,
то гибель твоя неизбежна;
ты умрешь.»

Миснаръ, выслушавши на-
ставленія Дервиша, просился
съ своими соповарищами, прося

К а

ихъ

ихъ молишь и желашъ успѣха
вѣ доспигеніи дома Улинина,
вѣ ея испребленіи, уничижишь
ея гоненія, возставишь благо-
денствіе вѣ своемъ государствѣ,
и избавишь своихъ вѣрныхъ под-
данныхъ, любезныхъ друзей,
изъ рукъ злобной и жестокой
сей волшебницы.

*Продолженіе сказки о волшеб-
никахъ, или о Миснарѣ, Сул-
танѣ Индійскомъ.*

Индійскій Султанъ прохо-
дилъ густымъ лѣсомъ, пишаяся
нѣкошорымъ лисствіемъ, дан-
нымъ ему Дервишемъ Шемсгел-
наромъ для утоленія голода и
укрѣпленія слабыхъ еще силъ
его, пока не дошелъ до палатъ
волшебницы.

Чрезъ

Чрезъ два дни его путешествія, въ кошорые съ нимъ ничего новаго не приключилось, наконецъ услышалъ онъ опчаянный крикъ мучимыя женщины. Онъ поспѣшилъ къ тому мѣсту, и увидѣлъ издалека чепырехъ разбойниковъ, біющихъ немилосердо женщину, кошорая имѣла видъ особы опмѣнной и знашной.

Миснаръ, пронутый сожалѣніемъ и воспламененный гнѣвомъ, бросился ей на помощь и съ неустрашимостію напалъ на разбойниковъ.

Разбойники, не опважась сразиться съ Миснаромъ, обратились въ бѣгство, оставя женщину едва дышущую. Султанъ, подошедъ къ ней, спросилъ, какии случаемъ попалась въ руки разбойниковъ, и за что такъ безчеловѣчно они ее мучили.

К 3

„Свѣт-

„Свѣтлѣйшій чужестранецъ!
сказала она, проливая слезы: видѣ
вашъ показываетъ васъ не про-
шымъ человѣкомъ, и благо-
родство ваше заслуживаетъ мою
довѣренность. Часъ моя была
быть любимой красавцемъ изъ
всѣхъ юношей, дѣшей вѣрныхъ.
Я дочь одного Эмира, и жила въ
городѣ Делли, въ домѣ отца мо-
его. Газаръ любилъ меня. Газаръ
повелѣвалъ тысячу человѣками
въ воинствѣ Миснара, Свѣтлѣй-
шаго нашего Султана. Увы! лю-
бовь его была причиною моихъ
несчастій. Другой сынъ велика-
го Дабулкомбара, помощеслзу-
емый волшебною силою волшеб-
ницы Улины, искалъ престола
и свергнуть съ оного брата сво-
его. Солдаты, любящіе всегда
слѣдовать удачливости войны,
разбѣжались изъ лагеря владѣ-
теля воспока, и присоединились
къ

къ его непріяшдямъ. Газаръ
взбуншоваъ съ полкомъ своимъ.
Сколько я ему ни совѣшвала,
онъ презираъ мои прозьбы и
совѣшты, и оспался въ своемъ на-
мѣреніи непреклоннымъ. „

„Нѣтъ случая оказашъ свои
дарованія, нѣтъ способовъ про-
славить себя и вышшія полу-
чить достоинства степени
подъ мирнымъ правленіемъ Ми-
снаровымъ, сказалъ онъ мнѣ; я
хочу слѣдовать за войсками бра-
та его, и искашъ щастія подъ
предводителствомъ Кнзя,
кошораго война скоро возведетъ
на престолъ Индійскій. „

„Я употребила все то,
что любовь и разсудокъ могли
мнѣ внушить къ ошвращенію
его опѣ измѣны, шоль гнусна-
го преступленія. Газаръ, ослѣ-
пленный ложною надеждою
величества, ошвѣшествовалъ мнѣ

съ сердцемъ: любовь моя непоколебима! Не опасайся, чтобъ я также стала переменять любовницъ, какъ Султанъ; скоро увидишь ты меня любимцемъ Государя, занимающимъ первое мѣсто при его Дворѣ, и возводящимъ съ собою тебя выше состоянія отца твоего. „

„Газаръ въ слѣдующую ночь оставилъ меня въ слезахъ; я скоро получила извѣстіе, что онъ присоединился къ бунтовщикамъ. Великодушный чужестранецъ! какое было мое огорченіе! ибо я знала, что Улина, ея мерзкая и спрашная волшебница, влюбилась въ него и приглашала уже его на любовныя дѣйствія; знала и власть ея надъ слабыми смертными. Воспалившись злобою и почувствовавъ отвращеніе, предалась я опчаянію. Я оставила лагерь, уда-

удалилась отъ арміи и пошла въ сім густые и непроходимые лѣса въ провожаніи чепырехъ невольниковъ. На другой день моего по лѣсамъ заблужденія похищена двумя лѣсными Сапирами (лѣшьями по общенародному). Провожашые мои мнѣ были бесполезны: невольники мои сколько ни искали меня въ лѣсахъ, но найти не могли. „

„ Сапиры, пользуясь темнотою ночи, вели меня скрытыми лѣспницами и привели въ комнату, освѣщенную десятию тысячами свѣспильниковъ. „

„ Вводя меня въ оную, сказали мнѣ: гордая дѣвица, искавшая Газаровой любви! поди, посмотри пвоего любовника. „

„ Я приведена была въ великолѣпной залѣ, а попомъ въ ближнюю споль же богато

К 5

убран-

убранную комнапу, въ которой
возвигнушъ былъ серебряной
пронѣ. На ономѣ увидѣла я
Газара, вѣроломнаго Газара, си-
дящаго по правую спорону Ули-
ны, гнусной и мерзской Улины. „

„Злоба моя и гнѣвъ споль-
ко были велики, что я, забыв-
ши силу и власть, въ рукахъ
копрыхъ жизнь моя была, на-
чала дерзко выговаривать моему
невѣрному любовнику. Газаръ!
сказала я ему: клятвопресуп-
никъ, бунтующій противъ люб-
ви и своего Государя! ты мо-
жешь предпочитать скверныя
объяпія подлой волшебницы не-
виннымъ добзаніямъ слышавшей
твою клятвы и обнадеженной
твою вѣрностію? „

„Улина, будучи свидѣтелемъ
моей злости и дерзкаго укор-
енія, слушала съ холодностію мои
жалобы, и оповѣщивала на
оныя

онья досадишельною улыбкою :
 не спрашисъ , сказала она мнѣ ,
 не спрашисъ , укоряй , прекрасная
 любовница Газарова ! Я велѣла
 васъ сюда привести , чѣмъ вы
 меня отвратили отъ сей люб-
 ви . Вы надеждѣ моей оп-
 вѣщспвуете удивленіемъ , и
 почиаете оную чудомъ .
 Спрашъ сего любезнаго юноши
 для меня нѣчего бы не споила ,
 естли бы я не увѣрилась соб-
 спвенными своими глазами , что
 онъ предпочитаетъ сущспвен-
 ные удовольспвія , какія онъ
 вкушаетъ со мною , мысленнымъ
 минимъ увеселеніемъ , какими
 воображеніе питало его въ шво-
 емъ присущспвіи . Такъ , прекра-
 сное швореніе , подойди сюда ,
 насыпъ глаза швои удоволь-
 спвіемъ , наглядисъ на шогѣ ,
 котораго шы шоль спрашно
 любишь . »

» Окон-

„Оконча сіи слова, безстыд-
ная волшебница обняла Газара,
и я видѣла, что и онъ ей оп-
вѣщствовалъ страшными по-
цѣлуями. „

„Я не могла снести столь
злобнаго и наглаго насмѣшества,
упала безчувственна предъ ни-
ми. Попомъ очувствовавшись,
увидѣла одну себя въ весьма
великолѣпно украшенной ком-
натѣ; тушь тотчасъ вообра-
зила, что я приведена въ та-
кое состояніе повелѣніемъ че-
ловѣконенавистной волшебни-
цы. „

„На другой день поутру
привели меня предъ тронъ вол-
шебницы Улины единственно
для того, чтобъ къ умноженію
моего мученія умножить надо
мною колкія свои насмѣшества,
и чтобъ показать мнѣ къ боль-
шему

шему ругательству вѣроломнѣйшаго изъ мужей челоѣка. »

„Хотѣлось мнѣ очень знать, какимъ образомъ, по чѣму повелѣнію и чрезъ какія мѣста перенесена я изъ прежней вѣ сію комнату. Я вѣ другой разъ упала вѣ обморокъ; невольники спѣшили ко мнѣ на помощь, и хотѣли было привести меня опять вѣ чувство, но Улина повелительнымъ голосомъ сказала имъ: никто да не приближается къ ней, и да не старается привести ее вѣ чувство! пускай она останется вѣ семъ состояніи до тѣхъ поръ, пока мы опсюда не выдемъ, я и любезной Газаръ. Тогда отведи ее вѣ подземныя пещеры, ископанныя подъ моими палаши для подобныхъ ей. »

„По

„По ея повелѣнію осталась я въ моемъ безчувствіи. Какъ Улина и Газаръ вышли изъ сей комнаты, то невольники опі-несли меня въ подземную пещеру, гдѣ и оставили одну злой моей участи.“

„Какъ скоро они вышли, я спала искать лѣспницы, по которой свели меня въ подземныя палаты; ибо до сей минушы, какъ они вышли, не могла опѣ злости и огорченія опкрыть глазъ своихъ. Увы! тщетно я искала оной лѣспницы: мѣста сіи были мрачны, дневное свѣ-шло никогда въ оныя лучами своими не проникало. Съ великимъ трудомъ и страхомъ проходя ощупью многія пропинки, споль же мрачныя, какъ и самое подземное жилище волшебницы, наконецъ пришла я къ нѣкоторой лѣспницѣ. Съ шре-
пе-

пешомъ восходила я по ней, и увидѣла себя посреди огромнѣйшихъ палатъ. Это было еще днемъ. Обошедъ многія пропинки, сѣла я отъ усталости, чтобъ дождашься ночи. Починая ночные часы благопріятствующими моему побѣгу, рѣшилась я искать ворогъ, желая лучше умереть, нежели оспаться въ сихъ гнуснѣйшихъ и прелюбодѣйныхъ мѣстахъ. „

„Обошедши весь дворъ, пришла я къ берегу глубокаго рва, который по видимому обтекалъ весь замокъ. Я не сомнѣвалась, чтобъ не было другаго входа въ палаты и другаго выхода изъ оныхъ, которые охраняютъ дѣсныя Сапиры, какъ я видѣла сихъ охранителей, когда они меня вели въ оныя. „

„Я умѣла плавать, чему я научилась въ баняхъ женъ оп-
ца

ца моего. Я рѣшилась вплавь переплыть каналъ; я предпочитала смерть злой участи оспашься на вѣки плѣнницею Улины. Я бросилась въ каналъ, страхъ придавъ мнѣ силы: я скоро переплыла на другой берегъ. „

„Избавившись сей первой опасности, взошла я въ лѣсъ, по которому бродила весь оспашокъ ночи, сама не зная, куда иду. На разсвѣтѣ дня услышала я смѣшанной шумъ между тѣнисными и часпыми деревьями. „

„Вдругъ увидѣла себя окруженную чешырьмя разбойниками, и безъ вашегобъ щасливаго для меня приближенія на помощь я бы безчеловѣчно умерщвлена была, или бы еще жестокае и мучительнѣе со мною

мною поспулено было, ежели самая смерть. „

Миснарѣ старался успѣшнѣе прекрасную чужестранку. Онѣ спрашивалъ у нее, можно ли не-успрашиваемому человѣку, разломавъ ворошыхъ замка, взойти въ палаты Улины, и взошедъ низвергнуть ея съ серебрянаго трона ?

„Ежели я могла сполнѣе щастливо и успѣшно выйти изъ оныхъ, отвѣтствовала она, то не сомнѣвайтесь, чѣмъ и вы не могли взойти въ оныя такимъ же образомъ и пою же дорогою. „

Однако Султанѣ Миснарѣ казался бытъ нервшимъ, или самъ на свою неуспрашиваемость ненадѣющимся.

„Султанѣ! примолвила она: не прошивно ли вамъ будетъ, ежели я вамъ сотоварищество-

Часть III.

Д

Вамъ

вашъ буду въ семъ благородномъ предпріятіи. Я васъ увѣряю о щастливыхъ успѣхахъ въ ономъ. „

Миснаръ, оставя недовѣрчивость и нерѣшимость, просилъ чужестранку предшествовать ему для показанія дороги къ паламамъ.

„Охотно, сказала она; но надобно намъ дождашься ночи для переплытія канала; благопріятствующій мракъ оной будетъ намъ великою помощію. „

Миснаръ слѣдовалъ за прекрасною чужестранкою.

Они услышали великой шумъ. Миснаръ сказалъ ей : „Я извлеку мой кинжалъ; ибо мы можемъ захвачены быть разбойниками, шапаяущимися въ сихъ дѣсахъ. „

„Очень хорошо, отвѣстствовала его предводительница; пред-

предосторожность всегда нужна и полезна; вооружитесь кинжаломъ вашихъ предковъ, кошорой былъ всѣмъ спрашенъ.,

Султанъ держалъ въ рукахъ поднятой кинжалъ. Онъ шагъ за шагомъ шелъ за незнакомою красавицею, и какъ она остановилась, какъ бы хотѣла чего дожидаться, Султанъ сильно ударилъ ее кинжаломъ по шеѣ, и она упала замертво.

Тотчасъ перемѣнила она видъ свой: полныя ея щеки опали и сдѣлались подобными, какъ у старой изсохшей женщины; чело ея покрылось морщинами, подбородокъ ея соединился съ носомъ; шея ея казалась прироспшею къ самымъ плечамъ, и она вся сдѣлалась скелетомъ (кости, собранныя на проволоку), покрытымъ черно-желтою кожею. Тутъ-то Ми-

Л а

снарь

снарь позналъ ужасные обманы волшебницы Улины, которая хотя по видимому и казалась ослабшею отъ сильнаго испеченія изъ раны крови, однако имѣла довольно силы изблевать слѣдующія кляпвы на того, которой воспоржествовалъ надъ ея волшебствомъ:

„Да падешь на тебя, о злый измѣнникъ человѣчества! гнѣвъ нашего пола; поштому что варварское твое сердце не могло смягчиться ни прелестями, ни несчастіями утѣсенной красоты. Ты избѣгъ сѣпей моихъ, наруша нѣжнѣйшее и невинное чувство человѣчества, и святѣйшіе законы гостопріимства. Какъ я безразсудна, что ввѣрила себя такому чудовищу, каковъ ты! Какую помощію видѣ добродѣтели и несчастія могъ мнѣ быть противъ столь жесто-

сте-

спокой души, какова твоя! Ты очень справедливо [призываешь] намѣстника великаго Алла, и друга гонимой невинности. Пустое наименованіе, котораго ты никогда не заслужишь. Нѣтъ, несчастные не находящѣ никакого покровительства подѣ твоимъ правленіемъ. Подѣ видомъ добродѣтели я умираю жертвою твоего вѣроломнаго сердца. Поэтому что Алла покровительствуетъ таковыхъ лицемѣровъ, я нынѣ болѣе, нежели прежде, имѣю причины опровергать его власть на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыя меня заставляющѣ презирать его мнѣніе, и не повелѣвающимъ слѣдовать его законамъ. „

„Гнусная волшебница! превращай Миснаръ, подлое орудіе порока! опдай справедливости и правосудіе существу,
 А 3 дерзско

дерзко побою хулимому. Промде, нежели оставишь сіе смертное жилище порока и безсмыслсва, признай святость Алла. Узнай, какимъ образомъ открылъ я твою хитрость и обманъ. „

„ Скорой и опрометчивой побѣгъ четырехъ разбойниковъ, шоль жестоко тебя мучившихъ, какъ шолько я показался, еспь первое дѣйствіе, которое меня засшавило помышлять о твоємъ злоумышленіи на гибель другаго. Одинъ человекъ можетъ ли усшрашить четырехъ разбойниковъ? Я ихъ презрѣлъ звѣрство; я ожидалъ епъ нихъ на меня нападенія. Но какъ я увидѣлъ ихъ всѣхъ, разбѣжавшихся, мои подозрѣнія умножились; исторія, рассказанная побою, показалась мнѣ выдуманною баснею, недоспойною мо-
его

его въброяшя. Твоя повѣсть
 сколько ни искусно выдуманна,
 но будучи прошиворѣчіями на-
 полнена, болѣе увѣрила меня о
 швоемъ лицемѣріи; непорядоч-
 ной швой уборъ былъ умышлен-
 ной не для возбужденія соспра-
 данія, но для привлеченія къ
 любоспраспю. Ты мнѣ сказала,
 что ты вплавъ переплыла ка-
 налъ, а плашье швое все сухо.
 Все сіе ушверждало меня въ мо-
 ихъ подозрѣніяхъ до шѣхъ поръ,
 какъ ты назвала меня Султан-
 номъ. Тогда уже я не сомнѣ-
 вался, чтобъ ты не была вол-
 шебница Улина, или одна изъ
 подобныхъ тебѣ. Какой обманъ,
 чтобъ несчастная женщина, щас-
 тливо вышедшая изъ палатъ
 волшебницы, согласилась въ оныя
 проводить незнакомаго чуже-
 спранца! Очевидность сія, при-
 ведшая меня въ сомнѣніе, побу-

дила меня къ опмищенію. И для того я тебя пустилъ напередъ, чтобъ способнѣе и легче исполнилъ мое предпріятіе. Ты теперь уже чувствуешь, какъ Алла управлялъ вооруженною моею рукою. „

Миснаръ, видя, что нечистой духъ Улины оставилъ гнусное ея тѣло, пересталъ говорить. Онъ оставилъ сей обезображенной трупъ въ пищу плошояднымъ звѣрямъ и птиграмъ, въ сихъ лѣсахъ обитающимъ.

Султанъ, оставя мертвую волшебницу, возвратился на свою дорогу. Онъ спѣшилъ освободить своихъ поварищей; искалъ ихъ, чтобъ возвратилъ имъ прежній видъ ихъ; пришелъ на мѣсто, гдѣ ихъ оставилъ, но уже ихъ тамъ не было. Не найдъ ихъ, точно увѣрился, что

яго ихъ очарованіе кончилось смертію Улины. Онъ предпринялъ путь къ Делли, пишаясь диктвѣмъ, которое далъ ему Дервишъ, и собранными въ путешествіи плодами. Чрезъ двенадцать дней пришелъ онъ въ одинъ небольшой городокъ своего владѣнія.

Онъ оспановился въ одномъ бѣднѣйшемъ домѣ, въ которомъ нашелъ престарѣлую женщину и ея сына. Спросилъ ихъ, могутъ ли они сыскасть ему лошадей, или осла, на которомъ бы могъ онъ завтра поутру ѣхать въ Делли?

„Увы! отвѣщивовала старуха: мы не имѣемъ ни лошадей, ни ословъ, ни другой какой екопины: войска все у насъ разграбили. „

А ;

„ Какъ!

„Какъ! сказалъ удивленный Миснаръ: войска бунповщиковъ уже такъ близко къ Делли?“

„Я думаю, опвѣщивала добросердечная спаруха, что всякое войско для насъ есть войско бунповщиковъ. Однако солдашны намъ сказывали, что они были изъ воинства Султана нова; что они пришли защищать насъ противъ бунповщиковъ; но все ихъ покровительство соспоало въ томъ, чтообъ опнящъ у насъ скопъ, пищу и всякой запасъ, не заплащя намъ ни за что ничего. Лишивши насъ всего имѣнія, они клялись и называли себя нашими лучшими пріятелями. Естли въ семъ только соспоитъ дружество, какого мы должны ожидать отъ великихъ людей, то мы бы ихъ никогда не хотѣли имѣть; для насъ лучше, чтообъ они

они никогда къ нашимъ селеніямъ не приходили. „

Султанъ весьма былъ пропнутъ печалію спарухи и справедливостію ея жалобъ. Спаруха вышла вонъ, и пошла собирать дрова для разведенія огня, чѣмъ бы приготовить что нибудь покушать для своего новаго гостя. Въ сіе время Миснаръ возсылалъ на небо сіи шеплыя молитвы : „

„Великій Алла, правосудное и благодѣтельное существо! и ты, пророкъ вѣрныхъ! я васъ призываю свидѣтелями искренности моего сердца; вы знаете, съ какимъ отвращеніемъ вступилъ я въ войну сію, и сколько я желалъ править всегда въ мирѣ моими подданными, не по личному какому страху, но единственно по любви къ моимъ подданнымъ. Они мои дѣти; благо-

благополучіе ихъ въ моихъ рукахъ. Я не имѣю споль сильнаго желанія, кромѣ того, чѣмъ имъ доставишь всѣ роды благоденствія. О Алла! предохрани сердце мое отъ сребролюбія и тщеславія. Когда вельможи Двора моего, упоенные желаніемъ воинской славы, будутъ побуждать меня къ войнѣ и кровопролитію, внуши сердцу моему, да никогда не забываетъ бѣдность народа, и чѣмъ я предпочиталъ пріятное удовольствіе помогать несчастнымъ, угнѣждаемымъ недоспашками и бѣдностью, сіянію и славѣ благодѣяній, какихъ я иначе не могу оказать Эмирамъ Двора моего, какъ иждивеніемъ и оброками моего народа. „

Какъ скоро вошла старуха, переодѣтый Султанъ сказалъ ей: „Лучше бы вамъ, согласясь съ своими

ими

ими сосѣдями, принесши жалобу Султану, и подашь ему прошеніе въ собраніи Дивана. „

„Прошеніе! перервала добро-сердечная спаруха, и для чего? — Чшобъ вамъ заплачено было за всѣ убышки, сказалъ Миснаръ. „

„Увы! перервала спаруха: мы ожидаемъ воздаянія и утѣшенія отъ одного только Алла. Кто другой можетъ сжа-лишься на нашу бѣдность? „

„Но, сказалъ Миснаръ: я такъ вы думаете, что вашъ Султанъ, вѣрный почиташель Алла, будешь нечувствительнъ къ вашимъ несчастіямъ? „

„Какъ! продолжала спаруха: Султанъ можетъ ли возвратить мнѣ старшаго изъ дѣшей моихъ сына, единое утѣшеніе матери, подпору моей старости? Они у меня его опняли, и принудили служить въ Султановомъ воин-

воинствѣ. Кто знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось? Сулпанъ можетъ ли возвратить жизнь полному множеству храбрыхъ мужей, принесенныхъ на жертву жребію войны? Можетъ ли онъ возродить радость въ сердцахъ вдовъ и матерей Индійскихъ? Ежели онъ это сдѣлать можетъ, да поспѣвши: утѣшивъ притѣсненныхъ подданныхъ, и будетъ почитаемъ Богомъ на земли!»,

Сулпанъ Миснаръ, пронутый словами старухи, почувствовалъ, сколь справедливы были ея наблюденія. Она говорила отъ прискорбнаго сердца; жадобы ея были живымъ изъясненіемъ чувствъ, пронзающихъ ея душу.

„Какъ рѣдко, сказалъ онъ самъ въ себѣ, какъ рѣдко богатой чувствуешь бѣдность. убо-

убогаго ! Какой великой побѣ-
дшель потѣ, кошорой среди
похвальныхъ восклицаній своихъ
льщесцовъ не внемлетъ слезамъ и
спенаніямъ шѣхъ, которые по-
шеряли любезнѣйшихъ своихъ
друзевъ для своего защищенія! „

Миснаръ ночевалъ у вдовы.
Онъ всталъ поушру очень рано,
и просилъ младшаго сына своей
госпопріимницы проводить его.
Сулпанъ, нашедши въ ономъ до-
мѣ ословъ, на другой день от-
правился въ столичной свой го-
родъ Делли.

Пріѣхалъ онъ на поселялой
дворъ, гдѣ нашелъ множество
купцовъ, размѣнивающихъ шов-
рами. Онъ спросилъ ихъ, какъ
они смѣло опваживаются зани-
маться торговлею въ такое вре-
мя, когда войска бунтовщи-
ковъ покрываютъ лице всей
Индіи ?

Одинъ

Одинъ изъ купцовъ ему отвѣщивовалъ: „То, что вамъ кажется несходственнымъ съ нынѣшними государства обстоятельствомъ, насъ ни мало не беспокоитъ. Мы ожидаемъ жребія войны. Кто бы ни выигралъ, что намъ до того? Мы знаемъ, что всякой владѣтель будетъ ободрять купечество. Что касается до Султана, все о жизни его и доселѣ опчаявлюся. Младый Монархъ оставилъ свой престолъ и свои области, спрашась впасъ въ руки своихъ непріятелей, и военачальники измѣнили Визирю Горама, которой одинъ оставался вѣрнымъ Султану. Но счастье перемѣнилось.

„Какая же была причина сей щастливой перемѣны? спросилъ Миснаръ. „

Томъ

Тотъ же самой купецъ отвѣщствовалъ : „ Десять дней тому назадъ, какъ Визирь Горамъ, котораго почитали мы убитымъ, опять явился къ удивленію всѣхъ предводителемъ воинства. Онъ увѣрилъ всѣхъ Офицеровъ, что Миснаръ, молодой ихъ Султанъ, живъ ; что онъ умертвилъ волшебницу Улину, которая покровительствовала и споспѣшествовала брату его Агюбалу. Вѣсть о смерти волшебницы произвела страхъ и смятеніе въ воинствѣ бунтовщиковъ, нынѣ повсюду разбѣжавшихся, и что они скоро увидятъ своего славнаго и правосуднаго Государя, утвердившагося на Индійскомъ престолѣ. „

Миснаръ принялъ сію вѣдомость со внутреннею, но тайною радостію. Вышедши изъ

Часть III. М по-

поспоялаго двора , пошелъ онъ въ Визиревы палаты.

Горамовы невольники, которые не знали Сулшана, спрашивали его, какая нужда ему до ихъ господина.

„Я, опшвѣстшвовалъ онъ, принесъ ему извѣстіе отъ Индійскаго Сулшана.“

Услышавъ сіе, невольники привели его предъ Горамомъ. Визирь узналъ своего Государя, палъ предъ нимъ лицомъ на землю, и поздравилъ его съ щаспливымъ возвращеніемъ.

„Вспанъ, вѣрной мой Горамъ, сказалъ Миснаръ. Еще не поздно, прикажи собратъ Двору моему. Сдѣлай нужныя разпоряженія, прикажи солдатамъ бытъ вооруженнымъ; пошли своихъ невольниковъ во Дворецъ, чѣтобъ они принесли одежду и другія Царскія украшенія:

я

я хочу показать себя моему народу; онъ желаетъ видѣть меня, да и я хочу видѣть защитниковъ моего престола. „

Визирь вспалъ. Миснаръ обнялъ его, сказавъ ему: „Горамъ! мнѣ хочется очень знать ваши приключенія съ того времени, какъ я оставилъ васъ въ лѣсу. Но народное благо должно имѣть преимущество; усна новя благоденствіе моихъ подданныхъ, можемъ мы тогда имѣть удовольствіе на единѣ объ ономъ разговаривать. „

Вѣрной Горамъ приказалъ собратъ Князьямъ, Визирямъ и вельможамъ Делійскаго Двора. Воинство получило повелѣніе быть въ ружьѣ передъ Диваномъ.

Султанъ Миснаръ, одѣтый въ Царскую порфиру и сопровождаемый множествомъ придвор-

М а ныхъ,

ныхъ, показался своему народу. -- Какъ скоро вышелъ онъ предъ народъ, всѣ подданные его отъ живѣйшей радости единогласно воскликнули: „Да живешъ, да живешъ Султанъ нашихъ сердецъ, слава и неодолимость Индіи! онъ одинъ достоинъ и можетъ торжеспвовать надъ могущеспвомъ очарователей! „

Миснаръ въ первой разъ вкусилъ чистѣйшее удовольствіе великаго Государя, обожяемаго и любимаго своими подданными. Онъ многія сдѣлалъ облегченія и милоспи какъ народу, шакъ и всему воинспву.

Визири и Офицеры, собравшись въ Диванъ, ожидали пришествія славнаго ихъ Султана. Миснаръ взшелъ на пронъ и спросилъ вѣрнаго своего Визіря о движеніяхъ и новостяхъ войска его непріятелей.

Го-

Горамъ вспалъ съ своего мѣста и увѣрилъ своего Государя, что войско буншовщиковъ побѣждено и разбиѣно; что Агюбалъ съ полководцами, державшими его сторону, убѣжалъ къ берегамъ Индійскаго Океана.

Султанъ, выслушавъ сіе объявленіе, повелѣлъ своимъ войскамъ спастъ ополченіемъ около города Делли. Войска были разставлены. Онъ повелѣлъ нѣкоторую часть Офицеровъ и солдатъ отпустить къ ихъ родственникамъ. На другой день объявленъ былъ всеобщій миръ.

Какъ собраніе Визирей и Князей было распущено, Миснаръ пошелъ въ свои палаты сопровождаемый вѣрнымъ своимъ Горамомъ, отъ котораго требовалъ онъ разсказать о всемъ съ нимъ приключившемся послѣ его удаденія изъ арміи.

„Свѣтлѣйшій Государь! оп-
вѣщсшвовалъ Горамъ: какъ ско-
ро вышли вы изъ лагеря, я всѣ
мои попеченія обратилъ на со-
храненіе порядка, военного иску-
ства и здравія вашихъ войскъ.
Я изыскивалъ всѣ возможные
способы доставить хлѣбъ, оде-
жду и прочее нужное солдатамъ.
Я поручилъ попеченіе о семъ са-
мымъ испытаннымъ въ вѣрно-
сти Офицерамъ. Другимъ пору-
чилъ я смощреніе надъ палатка-
ми, чпобъ они были крѣпки и
спокойны. Разпредѣлилъ имъ
квартиры, всегда становился ла-
геремъ на мѣстахъ сухихъ, здо-
ровымъ воздухомъ наполняемыхъ,
при берегахъ чистыхъ водъ и
при прозрачныхъ источникахъ,
убѣгая далѣе отъ мѣстъ боло-
тисныхъ и лѣсовъ, заразитель-
нымъ воздухомъ дышущихъ. „

» Все

„Все сіе со стороны Офицеровъ моего Государя было исполняемо со всякою прилѣжно-
стію и успѣхомъ. Я не хочу
болѣе о семъ васъ утруждать
изъясненіями, одно только по
скажу, что надобно отдашь
справедливостъ пѣмъ, которые
оспались вамъ вѣрными. „

„Войско буншовщиковъ бы-
ло весьма спокойно. Удаленіе
его препяпспвовало намъ учи-
нить на него нападеніе; но
вдругъ вѣспникъ увѣдомилъ насъ,
что всѣ южныя провинціи взбун-
шовались; что волшебница Ули-
на была причиною ихъ оппаде-
нія; что она предводитель-
спвовала ихъ войсками; что она
объявила Агюбала Индійскимъ
Сулпаномъ, и что она рѣши-
лась поддерживать его всею сво-
ею волшебною силою. „

„Тогда желалъ я, чтобъ Султанъ, мой Государь, прочиталъ сіе печальное извѣстіе въ карманной своей книжкѣ, и я не сомнѣвался, чтобъ вы оную не получили. Но въ слѣдующую ночь получили мы другое извѣстіе, плачевнѣйшее перваго. Одинъ шпионъ (подсмашривальщикъ) объявилъ намъ, что войско непріятелей не далѣе опстоитъ отъ насъ, какъ на полмили отъ нашего лагеря. Такое дѣйствіе, что войско непріятелей изъ пажой отъ насъ отдаленности чрезъ нѣсколько часовъ споль близко стало къ нашему лагерю, было дѣйствіе очарованія.»

„Вѣдомость сія привела Офицеровъ въ страхъ и уныніе. Они собрались къ Султановой палаткѣ и единогласно кричали, что они присоединяшся къ непріятелямъ, ежели вы сами

ми

ми не будете предводительствовать ими противъ бунтовщиковъ. „

„ Лишь только я началъ писать письма въ палаткѣ Государя моего, какъ вдругъ услышалъ возмущительной крикъ ихъ. Судите о моемъ прискорбіи и смущеніи. Не нашедши васъ нигдѣ, обвиняли они меня въ величайшемъ изъ пороковъ, лѣмъ, отъ котораго душа моя содрогалась. Пока они кричали при входѣ палатки, я имѣлъ время надѣть невольническое плаще и выйти, никѣмъ не бывъ узнанъ. „

„ Я съ поропливостію вышелъ изъ лагеря, и на многихъ спражахъ былъ останавливаемъ. Я сказывалъ, что несу Визирскіе приказы, показывая собственную мою печать. „

М 5

„ Опо-

„Опошедши на нѣкоторое
разстояніе отъ лагеря, началъ я
раскаяваться о моей безразсуд-
ности. Что я сдѣлалъ? гово-
рилъ я самъ въ себѣ: я оспа-
вилъ мою должность и выгоды
моего Государя. Для меня слав-
нѣе бы было умереть предводи-
телемъ его воинства, или быть
жертвою мщенія непріятелей,
нежели предать себя, какъ я
сдѣлалъ, неизвѣстной и безче-
стной смерти; ибо непременно
должно мнѣ погибнуть въ сихъ
пустыняхъ. А можетъ быть я
и по пустому убоялся; можетъ
быть непріятельскія войска не
такъ близки, какъ я думалъ;
мнѣ должно было оспаться,
уговаривать Офицеровъ, и спа-
раться ихъ успокоить благораз-
умными совѣтами. „

„Я долго пребылъ въ нерѣ-
шимости, возвратиться ли мнѣ
въ

въ лагерь, или ипши далѣе, чтобъ нашелъ разсмотрѣть положеніе непріятелей. Наконецъ рѣшился предпринять послѣднее: шелъ такъ скрытно и шакъ поспѣшно, что могъ бы топчасъ дойти до того мѣста, гдѣ ихъ армія должна стоятъ лагеремъ, по объявленію подсмотрщиковъ; но пришедши къ назначенному мѣсту, не нашелъ я ни караула, ни лагеря, что меня въ великое привело изумленіе. Я пошелъ далѣе, и шелъ весь тотъ день и слѣдующій, не видавъ ни арміи, ни знаковъ ея приближенія. „

„Я самъ себя упрекалъ въ безразсудности и легковѣріи. Увы, Горамъ! говорилъ я самъ въ себѣ, какъ мало ты достоинъ довѣренности твоего Государя! Однако гораздо лучше, что ты обманутъ, нежели бы тебѣ

лебѣ видѣть вблизи нашей арміи непріятельскую; ибо такое дѣйствіе не могло быть иначе, какъ чрезбесспешенною силою.,,

„Подспрекаемый моимъ про-
супкомъ, изыскивалъ я средствъ,
какъ бы наградишь оной. Я на-
мѣрился возвратиться въ лагерь
въ той надеждѣ, что могу увѣ-
ришь войска и успокоишь Офи-
церовъ, сказавъ имъ, что я
нарочно переодѣлся, чѣмъ по-
шедши, видѣть собственными
своими глазами, что послѣдняя
вѣдомость совсѣмъ была лож-
ная.,,

„Но въ самую ту мину-
ту, какъ я хотѣлъ идти извѣ-
стною мнѣ дорогою въ лагерь,
вдругъ почувствовалъ, что но-
ги мои одеревенѣли и сдѣлались
неподвижными и прошивающи-
мися моему желанію. Земля ко-
лебалась, и я увидѣлъ волшеб-
ницу.

ницу Улину, Ёдушую на безобразной жабѣ. „

„ Мудрый и прозрительный Визирь ! сказала она мнѣ насмѣшливымъ голосомъ : я удивляюсь вашему благоразумію и осторожности. Хотя Магомедъ и силы вѣрныхъ его духовъ не попускающъ намъ имѣть власть надъ вами , ни надъ вашимъ Свѣпльѣйшимъ Государемъ , развѣ вашимъ собственнымъ неразуміемъ впадете въ наши сѣти , однако вы видите , что насъ сіе ни мало не беспокоитъ , и что со всемъ вашимъ благоразуміемъ и покровительствомъ Аллы вы еще всегда остаетесь жертвою нашихъ хитросплетеній и обмановъ. Войско , предводимое мною противъ воинства вашего несчастнаго Султана , пресмыкающагося по песку , отступилъ отъ насъ по крайней мѣрѣ на сорокъ

рокъ

рокъ дней Вѣды; горы и лѣса останавлюшъ походъ его, а легковѣрной Визирь оставляетъ свое мѣсто отъ мнимаго страха, отъ ложнаго объявленія, не имѣющаго никакого основанія. Онъ убѣгаетъ и предается безразсудно въ руки шой, копорая умѣетъ достойно наградить свое благоразуміе и твердость своего духа. Слабой Визирь! превратишь шеперь же въ пресмыкающееся, подобное меня носящему; я перенесу тебя вмигъ въ лѣса Тарапаянскіе, гдѣ ты увидишь многихъ твоихъ мудрыхъ собратій, пресмыкающихся предъ тобою въ такомъ же видѣ. „

„Выговоривъ сіе безчеловѣчная волшебница, дунула на меня. Ядовитое ея дуновеніе тотчасъ произвело мое странное превращеніе: я упалъ на землю,
и

и поползъ предъ нею въ видъ жабы. „

„ Улина коснулась меня пошомъ своею волшебною палочкою. Я заснулъ, и проснувшись увидѣлъ себя въ лѣсахъ Тарапаянскихъ между купцемъ Деллійскимъ и Княжною Кассимирскою, копорые точно также превращены были силою мщенія той же самой волшебницы. „

„ Одно намъ только оспавалось утѣшеніе, что мы могли между собою разговаривать: мы взаимно рассказали другъ другу свои несчастія. Это было великимъ намъ подкрѣпленіемъ въ такомъ состояніи, въ какомъ мы находились.

„ Магудъ первой меня просилъ разсказать приключенія моей жизни. Я ему рассказывалъ весь вечеръ, въ которой Свѣдѣвшій Индійскій Султанъ, превра-

вращенный , какъ мы , пришелъ насъ почпипъ своимъ присупствіемъ. „

„ Потомъ Магудъ разсказалъ свою исторію. Вашъ голосъ поразилъ слухъ мой ; я спрашился, чтобъ мой любезной Государь не подпалъ учаспи, подобной рабу его , и страхъ мой не напрасной. „

Какъ Визирь окончилъ повѣсть своего превращенія , Миснаръ спросилъ его : „ Гемжунагъ, Княжна Кассимирская, разсказала ли вамъ свои приключенія? „

„ Нѣтъ , Свѣтлѣйшій Султанъ , отвѣтствовалъ Горамъ ; она было начала разсказывать , но вы показали. Когда Шемсгелнаръ васъ освободилъ , и какъ онъ насъ увѣрилъ о скоромъ избавленіи , то она почла лучше оставить свою повѣсть до того

то времени, когда мы получимъ прежній нашъ видъ.,,

„Сей добросердечной Дервишъ оспался съ нами для нашего утѣшенія въ нашемъ несчастіи. По прошествіи двухъ дней, какъ вы насъ оставили; вдругъ мы увидѣли необычайной свѣтъ, подобной молніи, и слышали сильной громовой ударъ; и какъ мы спали взглядываясь другъ съ другомъ, лѣсъ исчезъ, и я нашелъ себя въ мѣхахъ палатахъ въ Делли. Я не знаю, что сдѣлалось съ Магудомъ и Княжною Кассимирскою, но не сомнѣваюсь, чтобъ и они не возчувствовали, какъ и я, освобожденія отъ той власти, которую вы уничтожили смертію волшебницы Улины, достойно наказанной вами въ праведномъ своемъ гнѣвѣ.,,

Часть III.

Н

„Я.

„Я нашелъ Визирей и Эмировъ, собравшихся въ Диванъ. Они, увидя меня, удивились. Они собрались для избранія Султанъ; ибо получили извѣстїе изъ арміи, что Миснаръ, Свѣшлѣйшій Миснаръ, и рабъ его Визиръ тайно вышли изъ лагеря, ища безопасности въ бѣгствѣ. Предавшіеся Агюбалу представили его преемникомъ своего брата. Всѣ голоса согласились въ его пользу, и уже было объявили его Султаномъ, какъ я взошелъ въ Диванъ. „

„Услышавши рѣшеніе Визирей и Эмировъ, представилъ я имъ, что Миснаръ, нашъ Свѣшлѣйшій Султанъ, живъ; что онъ вышелъ изъ лагеря для погубленія волшебницы Улины, защитишельницы Агюбала, и что она, уже пронзенная его кинжаломъ, правосудно по дѣламъ ея наказана. „

„Ви-

„Визири и Эмиры, слыша
шоль радостную вѣдомость, па-
ли предъ лицомъ Аллы, благо-
даря за особенное его покрови-
тельство. Возвращеніе Гораме-
во объявлено было трубами по
всему городу Делли, и побѣда,
одержанная Миснаромъ надъ
волшебницею Улиною. „

„Прежде нежели разошлось
собраніе, послалъ я въ армію
извѣстіе о славныхъ вашихъ
усибахъ. Я послалъ повелѣніе
привести войско въ Делли, оста-
вя только нужную часть онаго
для наблюденія движеній непрі-
ятельскихъ, чѣмъ не допуская
имъ собираться; ибо я точно
былъ увѣренъ, что смерть Ули-
ны принудила разбѣжаться всю
армію. „

„Я былъ очень доволенъ,
что дѣла моего Государа такъ
успѣшно поправлены и возстав-

Н а

денны

лены были. Послѣ того вскорѣ я увѣдомился, что прибылъ Свѣплѣйшій Султанъ Индійскій; и нынѣ Горамъ, рабъ его, наслаждается зрѣніемъ своего Государя. „

Окончавши свои разговоры, Визирь палъ предъ Миснаромъ и просилъ послать посла къ Султану Кассимирскому, чтобы узнать о участи Княжны Гемжунаги.

„Горамъ! отвѣтствовалъ Султанъ: когда война внутри моихъ областей, то не надобно думать о щастіи, котораго я могу спокойно лишень быть. Подождемъ благопріятнѣйшаго времени. „

Мы получали безпрестанно вѣспника за вѣспникомъ, приносящихъ извѣстія о смерти Улины, о побѣгѣ Агюбаловомъ и о присоединеніи опять десяти
 ши

ни; отпадшихъ провинцій. Скоро мы увидѣли Депутатовъ возмущившихся провинцій, просящихъ помилованія у Султана, прошенія о забвеніи ихъ непокоривости и принятіи ихъ подданничества.

Миснаръ просилъ ихъ. Мщеніе его состояло только въ томъ, чтобъ наблюдать ихъ границы вѣрными войсками, способными содержать ихъ въ ихъ должности въ случаѣ ихъ непослушанія. Но это не было мщеніе, но предосторожность, необходимо нужная послѣ таковыхъ произшествій.

Султанъ заплатилъ всѣ убытки и раззоренія, причиненныя его войсками его подданнымъ. Онъ позволилъ тѣмъ, каоторые хотѣли оставить службу, возвратиться въ дома, а оставилъ въ полкахъ однихъ

охопниковъ для безопасности государства. Миснаръ чувствовалъ, что должно опасаться этого, что волшебники, его неприятели, клялись на его гибель, вооружась противъ его благоразумія и неустрашимости.

Предчувствованія его были не напрасны. Агюбалъ, хотя и оставленъ былъ десятию южными провинціями, имѣлъ еще помощникомъ себѣ волшебника Гаппюка, который, услыша о смерти сестры своей, клялся отмститьъ оную.

И въ самомъ дѣлѣ Султанъ былъ уведомленъ, что сей волшебникъ намѣренъ возмутишь въ другой разъ тѣ области, которыя прежде взбунтовала Ули-на и которыя опять покорились Султану; но страхъ войскъ Миснаровыхъ содержалъ ихъ въ границахъ должности, и что,

не

же смотря на склонность ихъ къ Агюбалу, по неволѣ принуждены будутъ опречься предложеній Ганнюковыхъ.

По семъ увѣдомленіи Султанъ за благо разсудилъ снова увѣриться о ихъ повиновеніи, умножить находящіяся тамъ войска и имѣть частное сношеніе между ими и прочими пространнѣйшими своими владѣніями.

Ганнюкъ, видя такую благо-разумную предосторожность, разсудилъ, что явныя нападенія для него безполезны; и потому за лучшее почелъ употребить коварство и обманъ.

Волшебникъ трудился почти цѣлой годъ въ возмущеніи Индійскихъ подданныхъ противъ Султана; но не могъ привлечь на сторону Агюбала, кромѣ двухъ обласней. Прочія всѣ усердно пребывали въ вѣрности

къ законному своему Самодержавцу.

Два възбунтовавшія провинціи до крайности истощены были, но не могли болѣе собрать сорока тысячъ разбойниковъ, которые частными набѣгами беспрерывно и опустошали сосѣдственные провинціи.

Три тысячи недобѣхъ, оставя войско, разными дорогами проходя необитаемые степи и лѣса, тайно подошли къ Делли разстояніемъ дни на два бѣды.

Они снали лагерь въ долинѣ и послали своихъ главныхъ офицеровъ увѣрить Судшана, что раскаяніемъ угрызаемые за непокореніе пришли, они паслы къ стопамъ его просить помилованія; что они готовы повергнуть оружіе, если онъ раскаяніе ихъ милосливо приметъ.

Ге-

Горамъ, принявши ихъ прозвы-
бы и по совѣщованіи съ Сул-
таномъ о семъ, далъ онъ имъ
повелѣніе соединиться съ вой-
сками Миснаровыми; и тогдажъ
писааъ къ Генералу обобрашъ у
нихъ оружіе и расположишь
ихъ лагеремъ такимъ образомъ,
чшобъ они не могли ни убѣждать,
ни вредить его арміи, еспыли
бы они захошѣли взбунто-
ваться.

Гапсюкъ былъ въ числѣ офи-
церовъ, пришедшихъ въ Делли.
Онъ хотѣлъ видѣть самаго Сул-
тана; и очень досадовалъ, что
дана ему была аудіенція толь-
ко съ Визиремъ, а не допущенъ
предъ лице Миснара. Онъ при-
творился, что идетъ къ шремъ
тысячамъ своего войска, а самъ
пошелъ въ главную Султанову
армію по данному приказанію.

Султанъ имѣлъ обыкновеніе
дѣлать генеральной смотрѣ все-
му войску одинъ разъ въ году.
Переодѣшый волшебникъ при-
былъ съ своимъ войскомъ за
три дня до сего смотра. Онъ
очень радовался сему нечаянно-
му случаю и съ нетерпѣливо-
стію ожидалъ благопріятствующей
минутой его намѣренію.

„Ибракъ! сказалъ онъ од-
ному Офицеру, которой ко-
мандовалъ его войскомъ: щасіе
подастъ намъ случай отмстить
смерть сестры моей Улины.
Офицерское платье не довольно
еще сокрываетъ мое припвор-
ство. Я хочу одѣться въ про-
стаго солдата, чтобъ еще мень-
ше подать подозрѣнія. Когда
Миснаръ пойдетъ по тому ряду,
въ которомъ я стоить буду,
тогда я выну изъ подъ пола
скрытой у меня мечъ и прон-

жу его сердце. Попомъ одѣ-
лаюсь невидимымъ. Въ общемъ
смятеніи и печали объявлю
вы Агюбада Сулпаномъ Индій-
скимъ. „

„ Сильнѣйшій волшебникъ!
оповѣстивовалъ Ибракъ: какая
вамъ нужда въ сей хитрости?
Поэтому что вы можете сдѣ-
латься невидимымъ, но лучше
вамъ войти въ палаты Мисна-
ровы и пронести его безъ опа-
сенія быть примѣченнымъ ни-
мъ самимъ, ниже другими. „

„ Вѣрный Ибракъ! пере-
рвалъ волшебникъ: ты не
знаешь, какая сила защищаетъ
сіе подлое животное. Багуди,
котораго одно имя заставляешь
трепетать нашъ родъ, есть
духъ хранитель его. Онъ пре-
пятствуетъ мнѣ приблизиться
къ Миснару. Писано въ книгѣ
судебъ, что очарованія не бу-
дуть

душѣ имѣвшъ никакой силы надѣ Миснаромѣ, развѣ онѣ самѣ предастся обманамѣ нашимѣ. Впрочемѣ не думай, Ибракъ, чшобѣ нужно было всѣмѣ моимѣ собратіямѣ, изѣ кошорыхѣ всякой одинѣ можешѣ попрясти горы и воздвигнуть волны морскія, соединяшся противѣ слабого младенца. Миснарѣ недостоинѣ бы былѣ нашего ищенія, еслиби бы не былѣ онѣ подкрѣпляемѣ Магомедомѣ и подчиненными ему духами, покровителями чловѣковѣ. Но ежели сей младенецѣ будетѣ имѣвшъ равную намѣ силу, то для насѣ будетѣ славнѣе покорить подѣ наши ноги, чшобѣ имѣмѣ показатѣ, что люди принадлежатѣ намѣ, а не могуществамѣ небеснымѣ. „

Тогда Ибракъ далъ волшебнику солдатское платье, и онъ шалъ въ послѣднемъ ряду.

Поутру въ день смотря Султанъ, которой ночью очень мало спалъ, велѣлъ невольникамъ, которые были на стражѣ при входѣ въ палатку, призвать къ себѣ Визиря Горамы.

„Горамъ! скавалъ ему Миснаръ: я хочу тебѣ открыть мое подозрѣніе. Я спрошусь волшебника Гаппюка. Я не сомнѣваюсь, что онъ не былъ въ моемъ лагерѣ между моими солдатами подъ ложнымъ видомъ. Если я обманутъ буду его коварствомъ, то боюсь, что онъ не воспользовался моею неосторожною безразсудностію и не наложилъ бы Индійской короны на главу Агюбакову.“

„Подо-

„Подозрѣніе ваше можетъ быть основательно, опивѣнство-валъ Горамъ, и конечно сіе сомнѣніе есть вдохновеніе вышней власши. Позвольте вашему рабу приказати объявити, что тому, кто опшируетъ волшебника, дано будетъ великое награжденіе. Тотъ, кто вамъ окажетъ такую услугу, достоинъ занять второе мѣсто въ вашемъ государствѣ.“

„Сіе предпріятіе не кажется мнѣ быть столь же безопасно, какъ тебѣ, перервалъ Султанъ. Гаппюкъ умѣетъ избѣгнуть нашихъ поисковъ, превращаясь въ какое нибудь несѣкомое, и прибѣгнетъ къ другой хитрости къ моему обману. — Нѣтъ, Горамъ, если онъ среди насъ, то всѣми силами надобно спараться о немъ точно увѣриться; эщо будетъ

дешь глупо, естли мы попустимъ убѣжаць ему. Это будеть сдѣлаться недоспойными покровишельства Аллы.»

„Справедливо, сказалъ Горамъ, но какъ мы можемъ о немъ увѣришься? Какъ можемъ узнать его между шремя спами тысячъ солдатъ? Нѣтъ ни одного изъ вашихъ Офицеровъ, которой бы зналъ пятидесящую часть вашихъ солдатъ. Всякой день прибываютъ новые рекруты. Какъ сдѣлать сей поискъ безъ тревоги? И чрезъ то учинимъ мы неблагоприспоиность, которой вы всегда избѣгашь стараетесь.

„Долина, на которой сморуху бышь должно, сказалъ Визирь, можетъ содержать линію изъ шрехъ тысячъ человекъ.»

„Изрядно, перервалъ Султанъ, прикажи ко мнѣ припши
двумъ

двумъ шамъ лучшихъ стрѣльцовъ изъ моего войска. Пославъ ихъ между войсками, оставившими моихъ непріятелей для соединенія съ моими. „

Визирь повинулся повелѣнію Султана. Двѣсти стрѣльцовъ пришли предъ Султанскую палатку.

„Теперь, сказалъ Миснаръ вѣрному своему Гораму, прикажи расположиться войскамъ для осмотра. „

„Они уже собрались въ долину, оповѣстивовалъ Визирь. „

„Возьми съ собою стрѣльцовъ, продолжалъ Султанъ; пославъ изъ нихъ по одному на каждомъ концѣ ряда и по одному передъ каждымъ рядомъ. Но прежде расположенія дай имъ тайное повелѣніе имѣть натянутые луки и лучшія стрѣлы въ готовности испустить на того
го

го изъ солдатъ, или Офицеровъ, кошорой послѣ всѣхъ падетъ, какъ дадутъ знакъ о немъ, пришествіи.»,

Повелѣніе было въ самой точности исполнено: ряды сомкнулись, стрѣльцы были разставлены по Султанову расположенію. Миснаръ вышелъ изъ своей палашки, и побѣхалъ къ долину посредъ евнуховъ, Визирей, Емировъ и своихъ вельможей. Гласы трубные и другихъ орудій раздавались по воздуху, и придавали бодрости солдатамъ.

Волшебникъ, въ неперпѣливости исполнивъ ужасное свое намѣреніе, восхищаяся радостію, слыша сію военную музыку, кошорая ему казалась предвозвѣщать и прославлять напередъ его побѣду. Онъ смошрѣлъ на Султана Миснара посредъ множества

Часть III.

О

со-

сопровождающихъ съ такою радостію, какую чувствуетъ орелъ, когда съ воздушной высоты видитъ пасомаго барашка на пучныхъ долинахъ Гомагскихъ. „

Султанъ, спавши передъ войскомъ, въ кошоромъ зналъ онъ, что передовые ряды состояли изъ вѣрнѣйшихъ его воиновъ, приказалъ быть молчанію, и говорилъ имъ слѣдующую рѣчь :

„ Храбрые воины! хотя вы довольно имѣете и храбрости и способности усмирить и привести въ прежнее послушаніе мои взбунтовавшіяся области, однако единому Аллу и его проку Магомелу должны вы славою и успѣхами вашего оружія. И такъ да пронесется повелѣніе изъ ряда въ рядъ, да падетъ на землю всякъ предъ лицемъ Аллы, кошорой все видитъ и все знаетъ. Поклонимся сему

сму Существу, верховному Правителю вселенныя, которой располагаетъ по своей волѣ и престолами и царствами. „

Когда повелѣніе дошло до послѣдняго ряда, данъ былъ знакъ: всѣ солдаты вдругъ пали предъ Алломъ. Одинъ только волшебникъ Гапюкъ, приведенный въ изумленіе симъ для него необычайнымъ повелѣніемъ, не зналъ, что должно дѣлать. Ему не дали времени болѣе размышлять о семъ; ибо какъ всѣ солдаты пали лицомъ на землю, то вдругъ съ двухъ сторонъ испущены были на него двѣ стрѣлы, которыя пронзили его сердце.

Волшебникъ, сдѣлавшись единственною жертвою собственнѣйшей злобы, возчувствовалъ, что посланники смерти уже простирали свои кровожаждущія руки надъ

надъ главою его, и упопрѣбилъ слабыя свои силы, копорыя еще оставались въ гнусномъ его шбѣѣ, на руганіе имени великаго Аллы и Магомеша, его пророка. Но жизнь его погасла въ мгновеніе ока, и хулы его пресѣклись съ изверженіемъ его духа.

Соучастники Гаппюковы, видя его мершваго, не сомнѣвались боѣѣ, что заговоръ ихъ уже открытъ: они обратились въ бѣгство. Ибракъ, ихъ предводитель, тщетно старался собрать ихъ. Смяшеніе разсѣялось между его воинами, копорыя не обыкли ни бытъ въ походахъ, ни сражаться нѣши. Сія толпа людей на годову была побита Султановыми войсками.

Султанъ, видя смяшеніе внутри войска, узналъ, что смерть волшебника всѣмъ стала извѣстна. Онъ послалъ Горама и нѣко-

которыхъ избранныхъ воиновъ, дабы узнать, отъ чего произошелъ безпорядокъ въ войскѣ.

Визирь, приближаясь къ мѣсту смятенія, увидѣлъ многихъ солдатъ, несущихъ мертвое тѣло. Это было тѣло волшебника Гапюка. Смерть показала его подъ истинными его видами.

Горамъ потребовалъ двухъ стрѣльцовъ, убившихъ сіе чудовище.

Они предстали предъ Визиря, который похвалилъ ихъ вѣрность и проворство. Онъ имъ приказалъ взять гнусной трупъ, и нести предъ Султана, который не оставитъ ихъ безъ награжденія.

Стрѣльцы повинились. Войско раздвинулось, чтобъ дать имъ проходъ. Они положили трупъ у ногъ Султановыхъ.

МиснарѢ , видя своего непрі-
ятеля мертваго, приказалъ данъ
двумъ стрѣльцамъ десяти мѣш-
ковъ , изъ которыхъ во всякомъ
было по тысячѣ кусковъ зо-
лоша, и каждому изъ прочихъ
стрѣльцовъ по одному мѣшку,
со сно кусками золоша каждой;
а принесшему голову Ибракову
нѣтъдесять мѣшковъ съ такимъ
же вѣсомъ золоша. Потомъ Сул-
танъ сѣлъ передъ войскомъ,
и приказалъ пастъ на землю въ
знакъ благодарности Аллу за
избавленіе ихъ изъ рукъ жесто-
чайшихъ непріятелей.

Изъ трехъ тысячъ воиновъ
Ибраковыхъ и Ганнюковыхъ
убѣгли только двое для прине-
сенія Агюбалу вѣдомости о не-
щасномъ и бѣдственномъ ихъ
побитіи.

Пораженный сею вѣдомостію
Агюбалъ убѣжалъ въ горы. Онъ
боял-

боялся, чтобъ собственныя его содѣлашы ему не измѣнили и не предали его браться его Миснару. Къ чему не способны бунтовщики?

Волшебникъ Олломандъ, которой, бывши на первомъ собраніи мудрецовъ, совѣщивалъ младому Султану утвердить престолъ свой на крови брата своего, зналъ уже о бѣдствіи Агюбадовомъ. Онъ пошелъ искать его въ горахъ, въ глубинѣ нѣкоторой пещеры, гдѣ усталость отъ долгаго пути заставила Агюбала остановиться, и гдѣ страхъ удерживалъ сего бунтовавшаго Принца.

Пещера, служившая убѣжищемъ убѣгающему Агюбалу, была при входѣ въ долгую долину, раздѣляющую горы, которыя возвышались по обѣимъ сторонамъ пещеры, которая

казалась непримѣтною и неприступною.

Агюбалъ, нѣсколько отдохнувши въ пещерѣ, всталъ для продолженія своего пути чрезъ долину. Онъ перешелъ до другаго конца, которой замыкался утесистою горою, на верьху которой увидѣлъ онъ огромныя палаты, коихъ свѣтъ отбрасывали солнечные лучи, какъ бы они покрыты были весьма изглаженными золотыми листьями, или другаго какого металла.

Миснаровъ братъ разсматривалъ нѣсколько времени чашу замка, которая была въ шѣни; потому что передняя сторона, въ которую ударяли солнечные лучи, отбрасывала блескъ, столь ослѣпляющій, что глаза усмирить на оную никакъ не можно. Онъ примѣтилъ родъ ма-
лень-

ленькихъ отворенныхъ дверцовъ, изъ копорыхъ, спустя нѣсколь-ко минути, вышелъ маленькой весьма безобразной карло.

Агюбалъ тотчасъ потерялъ изъ глазъ карлу въ излучинахъ множества горъ; однако рѣшил-ся дожидаться, чтобъ примѣ-шпль, не найдетъ ли онъ какой пропинки, по копорой бы ему сойти въ долину.

Карло явился чрезъ нѣсколь-ко времени; онъ казался ходишь около горъ и сходишь съ оныхъ какъ бы по круглой лѣспницѣ.

Какъ карло сошелъ въ доли-ну, приблизился къ Агюбалу, и далъ ему клубокъ, сказавъ ему: ежели онъ хочетъ взойти въ за-мокъ Олломанда, его господина, то долженъ ити по сей нит-кѣ, копорая доведетъ его до кривой лѣспницы, по копорой

только и можно взойти на утесистую гору.

Агюбалъ услышалъ голосъ Олломандовъ ; онъ вспомнилъ , что Улина и Гапюкъ называли его своимъ другомъ. Взявши клубокъ у карлы , пошелъ показанною пропѣлкою .

Какъ клубокъ весь сошелъ , конецъ нитки довелъ его во внутренность горы , гдѣ нашелъ порядочную лѣспницу , освѣщенную по обѣимъ сторонамъ лучами солнечными , проходящими чрезъ оконницы. Пошедши оною лѣспницею , потчасъ достигъ до самой вершины горы.

Волшебникъ Олломандъ вышелъ для встрѣченія Агюбала при входѣ замка , коимъ снѣрегли чешыре дракона. Онъ его повелъ чрезъ широкой дворъ , и ввелъ его въ пространный залъ , копорого стѣны украшены бы-
ли

жи человѣческими сухими и вы-
бѣленными на солнцѣ костями.

„Любимецъ нашего могу-
щаго рода! сказалъ Оломандъ
Принцу: вотъ черепы и кости
тѣхъ, которые дерзнули при-
нять противъ тебя оружіе. Я
ихъ еще буду прибавлять каж-
дой день, пока ими не наподню
весь замокъ. „

„Увы! оповѣщивалъ Агю-
балъ: Улины болѣе на свѣтѣ
нѣтъ, и враны шерзаютъ окро-
вавленные члены Гаппюковы.
Десять провинцій отъ меня
отпали, сокровища мои изно-
щены. „

„Гаппюкъ, перервалъ Оло-
мандъ, презрѣвъ богатство,
храбросць и силу, всю свою на-
дежду полагалъ въ хитроспяхъ,
обманахъ и опрометчивости,
отъ того и ослабѣлъ и низвер-
женъ. Провинціи не дерзнули
бы

бы взбунтоваться, естли бы онѢ спрегомы были Миснаровыми войсками; однако онѢ всегда имѢють привязанность къ Агюбалу. Я наполню твои сундуки. ОлломандѢ все сдѣлаетѢ въ свѣпѢ для подкупленія полководцевѢ СулпановыхѢ, чѣтобѢ привлечь ихѢ на твою сторону. Въ семѢ замкѢ сполько оружія и богатства, чѣто можно вооружить и прокормить жителей всей Азіи; а когда испощатся, мы имѢемѢ еще вспомогательные способы. ФарезаненѢ, ГипамзамѢ и другіе главнѣйшіе изѢ нашего рода помогутѢ намѢ въ случаѢ нужды и недостатка. И шакѢ не спрашисѢ и не опчаявайся, АгюбалѢ; знаніе мое показываетѢ мнѢ предбудущее, и увѣряетѢ меня, чѣто МиснарѢ побѣжитѢ отѢ лица своихѢ непріятелей. »

Обна-

Обнадеживанія Олломандовы ободрили духъ убѣгающаго Принца. Волшебникъ открылъ ему свои предпріятія, и просилъ его осмотрѣть хотя нѣкоторую часть богатствъ его замка.

Изъ зала, наполненнаго костями, сошли они гораздо на пространнѣйшій перваго дворъ. Посреди двора находился широкой и глубокой колодезь.

Агюбалъ, обращая взоръ свой на всѣ стороны, увидѣлъ четыре сна мѣдныхъ ворошъ, каждыя ворошы на девяти крюкахъ изъ такого же металла.

Олломандъ, вышедши на дворъ, держа Принца за руку, поднявъ свой ужасной голосъ, кошорой подобенъ былъ грому. Башни замка потряслися, и основаніе поколебалось. Онъ приказалъ своимъ невольникамъ при-
не-

неспи предъ Агюбала сокровища ихъ повелишеля.

Принцъ, до сего не видѣвшій въ замкѣ, кромѣ карлы и волшебника, весьма любопышенъ былъ видѣть, откуда выдутъ невольники. Тотчасъ любопытство его преобразилось въ страхъ. Безобразной великанъ, черношюю подобный Арапу, вооруженный палицею изъ чернаго дерева въ сорокъ футовъ, вышелъ изъ колодца, которой былъ посреди двора.

Агюбалъ испугался; страхъ его еще болѣе умножился, когда послѣ сего Гиганта вышло подобныхъ первому до чепырехъ сотъ чудовищъ. Каждой изъ нихъ пошелъ въ особливья изъ чепырехъ сотъ ворошы.

Какъ Олломандъ увидѣлъ каждого у своихъ ворошъ, приказалъ имъ отбивать своими палицами.

Не-

Невольники тотчасъ пови-
нулись повелѣніямъ волшебника;
подняли свои тяжелыя палицы
и начали опбивать чешыре спа-
воротъ, кошорыя отъ ударенія
великановъ шолъ великой произ-
водили звонъ, что Агюбалъ
принужденъ былъ заткнуть
уши, чтобъ не оглохнуть. Онъ
думалъ, что умретъ отъ звона
и страха.

Вороты начали отворяться,
и спукъ, происходящій отъ
обращенія ихъ на крюкахъ, удо-
бенъ бы былъ повергнутъ и раз-
сыпать всю Миснарову армію,
если бы она слышала оной.

Спукъ продолжался до тѣхъ
поръ, какъ невольники совсѣмъ
съ великимъ усиліемъ отворили
чешыре спа мѣдныхъ воротъ. Но
Агюбалъ столь оглушенъ былъ
отъ сего пронзительнаго звука,
что не смѣлъ открыть глазъ
сво-

своихъ. Волшебникъ Олломандъ схватилъ его за уши, чтобъ онъ опъ страха очувствовался, сказавъ ему: „Ошкрѣй глаза и посмотри на богатства твоего друга. „

Агюбалъ поднялъ голову, и окинулъ глазами на всѣ споронны. Мѣдныя воропы всѣ были опворены. Споящія на правой споронѣ опкрыли глазамъ его миллионы великихъ кусковъ золота и серебра, накладенныхъ кучами подъ сводами, поддерживаемыми мраморными сполбами. На другой спо палатѣ со сводами, гдѣ лежали золотыя и серебряныя монеты разныхъ народовъ.

Другія спо опверстныхъ воропъ предъ братомъ Миснаровымъ показали ему арсеналъ съ разными воинскими оружїями и одеждами на десяти тысячъ чело-

человѣкъ, и великое множество другихъ смертоносныхъ орудій, выдуманныхъ злобою человѣковъ для своей гибели; потомъ увидѣвъ онъ кучу каменьевъ, или горныхъ опломковъ, съ ломами и другими орудіями, служащими для разбиіи сихъ великихъ камней; наконецъ стрѣлы, копья, колчаны и луки. Тамъ видно еще было великое множество сихъ оружіи неизвѣстнаго употребленія, копорыхъ первоначальное изобрѣшеніе было въ пользу и хорошее употребленіе для человѣка, но злоба его обратила ихъ на опустошеніе земель и погубленіе ихъ жителей. Таковыя оружія суть: кинжалы, ножи, мечи, сабли, дропики, мешательныя копья, и сему подобныя. Четвертая часть двора, которая была позади Агюбала, была

Часть III. II на-

наполнена оружіями, способными разорвать цѣлое нѣло однимъ ударомъ; оружія, изобрѣтенныя Европейцами. Сіи оружія суть: фузеи, пистолеты, пушки, мортиры со множествомъ ядеръ и бомбъ, бочки пороха, гранатокъ и другихъ матеріаловъ.

Агюбадъ, который до сихъ поръ не зналъ и не видывалъ сихъ послѣднихъ орудій, удивляясь ихъ работѣ и выдѣлкѣ, спросилъ волшебника: „Для какого употребленія выдуманые сіи раззорительныя чудовища, дѣли искусства и разума?“

Олломандъ отвѣтствовалъ: „Сіи суть орудія Европы, части земли, наполненной хищрыми ворами, разбойниками и безчеловѣчными мучителями, безпрестанно занимающимися изобрѣщеніемъ новыхъ способовъ

ко

ко взаимному приписанію и мученію. Милліоны сихъ злыхъ людей обитающъ на морскихъ берегахъ нашихъ южныхъ провинцій. Я привлеку ихъ на нашу сторону вдохновеніемъ Бога, ими покланяемаго. „

„Великій и сильный волшебникъ! перервалъ Принцъ Агюбалъ: развѣ и Европейскіе боги во твою власть? „

„Европейцы, сказалъ Олло-мандъ, признающъ единого Бога, котораго престолъ поставляютъ они превыше небесъ; но по справедливости почитаемый ими богъ внутри земли: злопо-
есть ихъ богъ. Они ему всемъ жертвующъ, для него отважива-
ются они на всякія предпріятія, для него обманываютъ они и
измѣняютъ самымъ лучшимъ своимъ друзьямъ. Пошли только
къ нимъ подарки и общай ве-

П а

ликія

дикія богатства, тотчасъ увидишь ихъ лепящихъ къ тебѣ на помощь; безъ сомнѣнія ихъ искусствомъ и орудіями принужденъ будетъ наконецъ Миснаръ признашь себя самовластнымъ и верховнымъ правителемъ Индіи. „

„Какая мнѣ нужда, сказалъ Принцъ Агюбалъ, прибѣганъ къ симъ орудіямъ, или къ людямъ, ихъ выдумавшимъ; ибо мой сильный другъ имѣетъ воинство великановъ, копорыхъ десяти довольно для разбишія въ одну минушу всѣхъ войскъ Султана, брата моего? „

„Увы! вскричалъ Олломандъ: невольники, произведенные въ свѣтъ силою волшебства, исчезаютъ предъ сынами вѣры. Хотя мы отрицаемся, не признаемъ и не покланяемся Магомешу, однако не можемъ пропихивать

витьяся могуществу, гораздо
 вышшему нашего. Если бы
 вселенная была въ нашей во-
 лѣ, то бы слабые почишали
 Аламы шрепешали предъ нами.
 Но, увы! Магометъ обуздаѣ
 насъ, какъ неукротимыхъ жи-
 вошныхъ; мы грыземъ свои уз-
 ды, и уста наши почашъ кро-
 вавую пѣну мщенія. Мы не мо-
 жемъ ни ему покориться, ни
 шоржествовать надъ нимъ. „

„Но да истребятъ изъ мы-
 слей нашихъ таковыя печаль-
 ныя разсужденія! Приблѣпленныхъ
 всемъ сердцемъ къ намъ про-
 винціи имѣютъ нужду въ на-
 шемъ присуществіи. и въ нашей
 помощи. Войска Миснаровы спре-
 гутъ ихъ границы для содержа-
 нія ихъ въ страхъ. Переодѣнемся
 въ кунеческое платье; побѣдемъ
 въ Ориксу: тамъ мы тайно и
 безъ опасности поговоримъ о по-

губленіи Миснара, недостойнаго
Султана Индійскаго. „

Оконча сїи слова, Олломандѣ
топнулъ ногою. На сей топотѣ
вышла изъ колодца колесница,
запряженная чешырьми дракона-
ми. Агюбалѣ и волшебникѣ сѣли
на оную. Густое облако покрыло
ихъ. Они топчасъ по воздуху
перѣхали горы и лѣса, и остано-
вились позади города Орикса.

Какъ колесница Олломандо-
ва спустилась съ воздушныхъ
областей на землю, волшебникѣ
коснулся своею палочкою драко-
новъ, и они топчасъ превращи-
лись въ чешырехъ верблюдовъ,
навьюченныхъ драгоцѣнными по-
варами; а колесница въ слона,
на кошоромъ сидѣлъ Агюбалѣ въ
купеческомъ плащѣ, и волшеб-
никѣ, принявши видъ чернаго не-
вольника, велъ слона.

Они

Они вѣхали вѣ городѣ вечеромѣ, а поушрѣ разклали свои товары на тоспиномѣ дворѣ. Тюки мнимаго купца были все развязаны; вѣ нихъ были богатые штофы, пристойные на платьѣ Офицерамѣ Султанскаго войска.

Какъ скоро пронесся по городу слухъ о сихъ новыхъ товарахъ, тотчасъ собралось великое множество купцовъ; и какъ онъ товары продавалъ сходною цѣною, то тотчасъ спознакомился со всеми Офицерами Орикского гарнизона.

Агюбалъ имѣлъ частные съ ними разговора, вѣ которыхъ онъ былъ наставляемъ всегда совѣтами волшебника. Онъ иначе говорилъ о маломъ жалованьѣ, какое они получающъ отъ Двора. Они вѣ томъ все были согласны, и онъ ихъ до

того довелъ, что они начали желать выгоды въ разсужденіи жалованья службы. Онъ имъ предложилъ, что они болѣе бы и щедрѣе награждены были, ежели бы они пошли служить подъ знамена Агюбаловы. Офицеры, которые по большей части служили отъ нужды и изъ любви къ корыстямъ, нежели по долгу, или для снисканія чести, съ жадностію слушали купцовы предложенія. Сими хитрыми уловками Агюбалъ склонилъ и приобрѣлъ себѣ въ десять дней Орикскую провинцію.

Молодой Принцъ, возгордѣвшій симъ первымъ успѣхомъ, горѣлъ нетерпѣливымъ желаніемъ объявить о самомъ себѣ. Олломандъ, будучи разумѣе его, умѣрялъ его тщеславіе, представляя ему, сколько еще надобно привлечь провинцій, прежде

жде нежели онъ будетъ въ состояніи прошивишься своему брату.

Принцъ послушался совѣтовъ волшебника. Они послали нѣкоторыхъ Офицеровъ, которые болѣе другихъ привязаны были къ своимъ выгодамъ, въ южныя провинціи опивѣдашь подкупать Губернаторовъ и Комменданшовъ.

Какъ имъ не недоставало ни денегъ, ни хитрости, то имъ легче было склонить на свою сторону войска и подданныхъ Султановыхъ. Чего они не могли сдѣлать силою, то умѣли сдѣлать хитростию и великими подарками.

Чрезъ мѣсяць всѣ южныя провинціи взбунтовались, и войска, посланныя для содержанія ихъ въ должності и послушаніи къ Миснару, согласясь съ

П ;

ними

ними прошивъ законнаго ихъ Государя, одного только требовали, какъ бы наискорѣе открышь войну и возвести на престолъ Миснаровъ Агюбала. Предложено было награжденіе двумъ спамъ чужестраннымъ Инженерамъ, чтобъ привлечь ихъ въ службу взбунтовавшагося Принца. Впрочемъ, волшебникъ Олломандъ старался безъ разбора плащить войскамъ щедро, не жалѣя ничего.

Войска возмущившихся провинцій вышли въ поле въ назначенный имъ день; они выставили знамя Агюбалово. Они приглашали пограничныя провинціи вступитъ съ ними въ возмущительный союзъ. Многія тысячи различнаго состоянія людей приходили всякой день въ армію.

Оспавшіеся въ арміи друзья, вѣрные Султану, писали въ Дел-
ли

ди о всемъ произшедшемъ. Визирь Горамъ объявилъ своему Государю ужасную вѣдомость о всеобщемъ бунтѣ не только южныхъ провинцій, но и войскъ, бывшихъ въ гарнизонѣ.

„Непріятели Миснаровы умножились въ великомъ числѣ, вскричалъ Султанъ, а Миснаръ одного только имѣетъ друга!“

Горамъ при сихъ словахъ низко поклонился Султану.

„Вѣрной мой Визирь! продолжалъ Султанъ: я васъ уважаю и почищаю; но не предпочищаю Визиря моему Богу. Нѣтъ, Горамъ! одинъ Алла другъ Миснару, другъ, сильнѣйшій всѣхъ войскъ Агюбаловыхъ, могущесшвеннѣе всѣхъ очарованій волшебниковъ.“

Миснаръ собралъ свои войска, самъ ими началъ предводительствовать, и пришелъ
чрезъ

чрезъ нѣсколько дней къ южнымъ границамъ своего владѣнія.

Между тѣмъ войска Агюбаловы день отъ дня спановились сильнѣе и многочисленнѣе. Уже Комбая признала его за своего Сулпана; онъ прибылъ съ своими силами въ Нарвару и тамъ ополчился; онъ имѣлъ съ собою семь союзниковъ, бѣжавшихъ изъ Миснарова войска.

Принцъ скинулъ съ себя плащъ купеческое, но волшебникъ Олломандъ остался въ своемъ невольническомъ превращеніи. Подъ видомъ чернаго невольника имѣлъ онъ споль великую довѣренность своего Государя, что Офицеры, завидуя даемому волшебнику преимуществу, начали негодовать. Волшебникъ сіе примѣтилъ. На послѣдокъ сказавъ онъ Агюбалу, чтобъ далъ онъ ему пять тысячъ человѣкъ
изъ

изъ его войска съ Европейскими Инженерами , и онъ съ ними пойдешъ прошивъ непріятелей , и покажетъ свое искусство чрезъ способы , давно имъ выдуманые.

Агюбалъ никогда не пропи-
вился совѣшамъ Олломандовымъ:
онъ повелѣлъ пѣши тысячамъ
человѣкъ слѣдовать за нимъ и
во всемъ ему повиноваться. Онъ
прибавилъ къ сему дѣшашаменшу
болѣе двухъ сотъ требуемыхъ
Олломандомъ Инженеровъ.

Волшебникъ выступилъ съ
избраннымъ своимъ войскомъ, и
пошелъ къ густому лѣсу, чрезъ
кошорой неопмѣнно должно было
проходить Миснарову войску. На-
мѣреніе его было шамо укрѣ-
питься и окопаться валомъ и
рвами, поставивъ Инженеровъ и
артиллерію , чпобъ защищать
входъ войскамъ Султановымъ.

Во

Во всю ночь упражнялся онъ въ шомъ, какъ бы захватить передовые караулы, занявъ лѣсъ и ввести въ оной Инженеровъ, прежде нежели солнце освѣтитъ лучами своими вершины высокихъ деревъ въ лѣсахъ Нарварскихъ.

Опважное сіе дѣйствіе безъ сомнѣнія уничтожило бы всѣ надежды Султановы, которой льстился бытъ поупру на другой сторонѣ лѣса, ежели бы чужестранные Инженеры пребыли вѣрными Агюбалу и его союзникамъ; но прежде восхожденія солнца одинъ изъ нихъ, помоществуемый темною ночью, оставя свое мѣсто, убѣжалъ, и пришедъ къ Миснару, открылъ ему предпріятія волшебниковъ.

Султанъ умѣлъ воспользо-
ваться симъ случаемъ. Узнавъ,
что непріятель стоитъ въ лѣ-
су,

су, приказалъ доподольному числу солдатъ вѣсѣти на горы, лежащія на правой сторонѣ лѣса, чтобъ занявъ другую сторону онаго. Онъ далъ имъ повелѣніе взявъ множество зазженныхъ факеловъ въ лѣсѣ и зажечь вдругъ во многихъ мѣстахъ. Сіе повелѣніе такъ кспати и съ такимъ совершеннымъ успѣхомъ исполнено было, что какъ Оломандъ вошелъ въ лѣсѣ, увидѣвъ часть лѣса великимъ охваченную пламенемъ, которой дѣлалъ непреодолимую преграду между его войскомъ и Агюбаловою арміею.

Въ семъ непредвидѣнномъ имъ несчастіи изыскивалъ онъ средства, какъ сдѣлать лучшее распоряженіе своихъ войскъ и Инженеровъ, увѣряя себя, что онъ помощію своего искусства и науки можетъ себѣ открыть
пусть

путь къ отступленію назадъ. Но между тѣмъ, какъ волшебникъ давалъ свои приказы артиллерійскимъ Офицерамъ, какъ расположишь артиллерию, огонь обнялъ весь лѣсъ позади ихъ, и одну пушку, кошую за сильнымъ жаромъ солдаты оставивъ принуждены были, разкалившуюся отъ сильнаго огня, разорвало съ великимъ трескомъ. Ядро, которымъ пушка заряжена была, ударило волшебника Оломанда, и опорвавъ его голову, бросило въ лагерь Султановъ.

Сіе приключеніе привело въ трепетъ все войско, котораго часъ прибѣгла въ лагерь Миснаровъ, сказывая, что они лишились своего предводителя. Остатокъ войска, лучше захотѣлъ послѣдовать примѣру первыхъ, нежели погибнуть отъ ору-

оружія, или огня; ибо смерть была имъ со всѣхъ сторонъ неизбѣжна.

Между тѣмъ взбунтовавшійся Принцъ видѣлъ издалека восходящія на гору войска, горящій лѣсъ и пламень, разстилающійся между его войскомъ и войскомъ брата своего. Сначала онъ устрашился, потомъ ободрившись воображалъ, что Оломандъ захватилъ въ лѣсу Султановы войска, и они сдѣлались жертвою посядающаго лѣсъ пламени. А какъ не получилъ никакого извѣстія отъ своего друга, слухи его умножились: они умножались каждую минуту. Наконецъ пламень угасъ отъ недоспашка его пищи; ибо лѣсъ пожертъ весь пламенемъ, и осталась только открытая площадь. Агюбалъ увѣдомился чрезъ переносчиковъ, что Ми-

Часть III. Р снаро-

снарово войско приближается, и скоро окружитъ его.

Агюбалъ, потерявши своего друга, потерялъ и всю надежду къ побѣжденію брата своего. Онъ хотѣлъ бѣжать, но его полководцы, взбунтовавшіеся противъ Миснара, спрашась справедливаго наказанія за возмущеніе, ежели къ несчастію ихъ пойманы будутъ, рѣшились или побѣдить, или умереть. И такъ Принцъ принужденъ былъ поставить въ строй свое войско къ защищенію.

Султанъ, увѣрившись, что неудачливые успѣхи похода Оломандова произвели великой страхъ въ войскъ брата его, спѣшилъ дать сраженіе прежде собранія разсыпанныхъ войскъ Агюбаловыхъ. Онъ съ своими вельможами старался надзирать надъ войсками. Онъ прямо шелъ
про-

прошивъ непріятеля строемъ, а Визирь Горамъ съ малымъ числомъ войска старался напасть на непріятеля съ боку.

Слоны шли по обѣимъ сторонамъ, и поднимали великую пыль на мѣстѣ сраженія; на нихъ были поставлены боевыя башни; наполненные стрѣлами; изъ которыхъ всякая наносила ядосмертную рану. Крикъ солдатъ, соединенный съ звукомъ трубъ и лигавръ, наполнялъ воздухъ военнымъ шумомъ. Миснаровы солдаты наполнялись бодросцію и надеждою, а Агюбатовы страхомъ и отчаяніемъ. Извлеченныя изъ ноженъ сабли каждымъ ударомъ покрывали землю новыми несчастныхъ сражающихся срубленными головами. Слоны шли по кучамъ мертвыхъ тѣлъ, кровь раненныхъ и убитыхъ текла на подобіе

Р 2

рѣки

рѣки Арвары. Сулшановы войска, не ожидая шодикаго сопротивленія, колебались между страхомъ и надеждою. Ужасъ объялъ Агюбала и его воиновъ. Принцъ самъ уже началъ отступать. Войска обратились въ бѣгство, какъ вдругъ Таснаръ, волшебникъ Таснаръ, появился на воздухъ носимый ворономъ.

„Слабые бѣглецы! вскричалъ онъ Агюбаловымъ солдатамъ: сомкнитесь въ порядокъ, обратитесь противъ непріятеля, не страшитесь ничего, здѣсь Таснаръ, другъ вашъ Таснаръ, поддерживаетъ васъ. Войска Миснаровы ослабѣли, а вы обращаетесь въ бѣгство тогда, когда они должны пасть и умереть подъ вашими ударами. Уже ли вы не хотите наследовать Делійскія сокровища? Минута страха вашего лишаетъ васъ
пло-

плода толь трудныхъ вашихъ походовъ, подъятыхъ въ сихъ пустыняхъ и степяхъ. Индія подвергается вашему завоеванію, и дѣлается награжденіемъ за ваши славные труды; а вы предпочитаете стыдъ и безчестіе славѣ громкой побѣды. „

Войска Агюбаловы, услыша сіи слова, ободрились, а еще большую почувствовали въ себѣ крѣпость воздушнымъ видѣніемъ Таснара. Они обратились отъ бѣгства, не зная, чью принять сторону Таснаръ, видя ихъ нерѣшимость, сошелъ съ ворона, сталъ ими предводительствовать, взялъ копье и вскричалъ : „Всѣ храбрые да шествуютъ за шѣмъ, копорой идетъ загладить стыдъ и робость слабыхъ! „

Султановы войска гнали въ безпорядкѣ бѣгущихъ и разсы-

нанныхъ непріятелей. Они не могли уже выдержать вторичнаго нападенія. Таснаръ и подкрѣпляющіе его воины возвратились къ сраженію, и конечно сбили бы съ мѣста войска Султана Миснара, естли бы Визирь Горамъ, примѣтивши, что бѣжавшіе непріятели собрались и сомкнулись, не подкрѣпивъ войска своего Государя свѣжимъ и несражавшимся дешашаменомъ, которымъ онъ самъ предводилъ.

Сіе вторичное сраженіе, хотя не такое, какъ первое, было столько же кровопролитно, жестоко и сомнительно. Визирь тщетно искалъ поразить копьемъ своимъ волшебника; но Таснаръ вездѣ гонимъ былъ непобѣдимымъ Визиремъ. Такимъ образомъ храбрость и неуспрашимость Визиря равнялась силѣ.

силѣ и обманамъ волшебника. Сраженіе продолжалось съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ кровопролитіемъ до самой ночи, которая прервала бой ослабшихъ войскъ, и темноша оной принудила опсшупишь на свои мѣста.

Визирь Горамъ, въ совершенномъ порядкѣ опсшупя съ мѣста сраженія, возвратился въ свой лагерь, и распредѣля войска по палаткамъ, самъ пошелъ въ палатку къ Султану, и донесъ ему, что онъ видѣлъ волшебника Таснара предводителемъ его непріятелей, съ копорымъ онъ сколь отважно ни сражался, но не могъ побѣдити его.

„Увы! вскричалъ Миснаръ, тщетно извлеченъ мечъ прошивъ силы и могущества волшебниковъ. Нѣтъ, любезной Горамъ, вѣрной мой Визирь! не

возможно и не должно намъ явными силами сражаться съ волшебниками. Одинъ способъ побѣдить и истребить ихъ есть благоразумное коварство. Таснаръ восплаеиъ прошивъ меня съ вѣроломнымъ моимъ братомъ. Онъ въ Агюбаловомъ лагерѣ. Не найдется ли между моими войсками вѣрной невольникъ, кошорой бы подъ видомъ бѣгства, или и самой измѣны, предался къ моему непріятелю, убилъ спящаго волшебника и принесъ мнѣ его голову. Надобно, чѣмъ Горамъ сыскалъ такого вѣрнаго невольника, прежде нежели солнце увидитъ кровь, текущую великими потоками въ долинахъ моего государства. „

Горамъ поклонился до земли, и оставилъ Сулшана, чѣмъ исполнилъ его повелѣніе.

Онъ

Онъ былъ въ великомъ безпокойствѣ. Миснарово повелѣніе было причиною его смущенія. Говорилъ онъ самъ въ себѣ: „Гдѣ сильнаго найдетъ онъ друга? Кто пребудетъ вѣрнымъ невольникомъ тому, кто опнялъ у него свободу, первѣйшее и величайшее въ жизни благо? Лучше бы мнѣ погибнуть отъ руки Таснаровы, нежели опягчену бытъ порученіемъ таковой должности, подвергнутъ себя опасности, и предану бытъ непріятелямъ, ищущимъ жизни моей и злобою собственнѣхъ моихъ невольниковъ.“

Визирь, не зная кому ввѣрить себя и сію тайну, пошелъ въ свою палашку угнѣтаемый печалію. Входя, увидѣлъ онъ спящую невольницу, которая дожидалась его, чѣмъ переговорить

съ нимъ обѣ одной изъ женщинъ его серала, которая была въ другой подлѣ его палаткѣ.

Горамъ не показалъ никакого вниманія къ сей старухѣ; онъ бросился на софу, сожалея о участи того, кому повелѣно искать вѣрнаго невольника.

Старая невольница, видя господина своего печалющагося о наложеніи на него шаковой должности, бросилась къ ногамъ его, призывая свидѣтелемъ великаго Алла о своей вѣрности и повиновеніи, и заклинаясь, что она за него готова жертвовать своею жизнью.

Горамъ, пронутый ея клятвами, не меньше былъ прискорбенъ и обезпокоенъ.

„Увы! сказалъ онъ печальнымъ голосомъ: престарѣлая и одряхлѣвшая женщина! что подкрѣпишь тебя? Какъ ты можешь

жесть ипши сражаться съ волшебникомъ, непримиримымъ неприятелемъ своего Государя? „

„Слабое пресмыкающееся и безсильный червь, сказала невольница, сушь орудія мщенія Аллы на великихъ и сильныхъ земли. И Магомешъ можетъ употребить мою слабость для избавленія моего Государя отъ угрожающей ему опасности. „

Горамъ, видя непреодолимую рѣшимость невольницы, сказалъ ей: „Но какъ ты надѣешься торжествовать надъ Агюбадомъ и волшебникомъ Таснаромъ? „

„Я пойду въ станъ Агюбадовъ, ошвѣстствовала невольница: буду просить, чтобъ меня допустили переговорить съ Принцомъ и военачальниками его войска. Я предложу имъ, что могу, будучи ближайшею

шею невольницею Горама, отпра-
вишь ядомъ его и Миснара, на-
шего Свѣщаѣйшаго Государя;
попотребую у нихъ награжденія,
какое они дадутъ мнѣ за испол-
неніе моего обѣщанія. Я возь-
му съ собою ядъ, и одною ру-
кою поднесу ядъ Таснару, а дру-
гою вонжу ему въ сердце смертно-
носный кинжалъ, которой из-
бавитъ насъ отъ его очаро-
ваній. „

„ Но знаешь ли ты, пере-
рвалъ Горамъ, что смерть бу-
детъ необходимымъ слѣдстві-
емъ твоей дерзости? „

„ Государь! отвѣщивовала
невольница: когда я еще была
молода, я ходила въ пещеры
Данрадинскія къ пророчицѣ, ко-
торая предсказала мнѣ все имѣ-
ющееся случиться со мною въ
теченіи моей жизни. До сихъ
поръ предсказанное ею справед-
ливо

диво исполнилось на земли. Она въ одинъ день чистала въ тече-
ніи небесныхъ звѣздъ, что я
никогда освобожду Индійскаго
Султана отъ его непріятелей.»,

Визирь, восхищенный сею
новостію, и радуясь о предпри-
ятіи невольницы, приказалъ ей
приготовляться, чтобъ явиться
предъ Султаномъ.

Спаруха покрылась своею
фатою, слѣдовала за Гора-
момъ, и вошли съ нимъ въ па-
лашку къ Султану.

Миснаръ, увидя ее входящую
съ Визиремъ, сказалъ: „Какой
новой видъ войны, вѣрной мой
Горамъ, представляешь ты мнѣ?»,

„Свѣшъ очей моихъ! отвѣт-
ствовалъ Визирь: вы видите
прескромную женщину, готовую
исполнить ваши повелѣнія. Сія
невольница увѣряетъ, что му-
дрыя пещеръ Данраддинскихъ чи-
тали

пали предъ ней въ созвѣдїяхъ небесныхъ, что ей предопредѣлено избавить Индїйскаго Султана отъ его непріятелей. „

„Да шествуетъ же она! сказалъ Султанъ; пророкъ да направитъ стопы ея! онъ тайно увѣряетъ меня о успѣхѣ ея предпрїятїя. Горамъ неспособенъ подать руку помощи въ безразсудномъ предпрїятїи, или въ неизвѣстномъ исполненїи. И такъ я предаюсь ея отважности, и часть моя теперь въ рукахъ сей вѣрной невольницы. „

Невольница пала предъ Мишнаромъ, и просила у него какихъ нибудь бумагъ и указовъ съ шѣмъ, что она скажетъ, что ихъ украла изъ Султановой палатки и принесла повергнувъ ихъ предъ стопами Таснара и Агюбала.

Ми-

МиснарѢ похвалилѢ предложенную хитрость старухи. Въ слѣдствіе сего далѢ онѢ ей нѢкоторыя дѣла и письма, касающіяся до движеній, какія войска его предпріимушѢ въ слѣдующій день, чпобѢ лучшій видѢ дать сраженію.

Невольница, взявши ихѢ, пошла въ непріятельской станѢ. ВизирѢ для пропуска проводилѢ ее до послѣдней спражи Миснарова спана. Невольница далѢе продолжала путь свой. Спража Агюбалова ее оспановила, схватила и опвела кѢ начальнику войскѢ.

НачальникѢ сперва почелѢ сей поступокѢ военнымѢ обманомѢ; потомѢ, узнавши, чпо это была престарѢлая невольница, спросилѢ ее, для чего она оспавила станѢ СултановѢ; пришла одна и безѢ всякаго вида?

» По

„Поведите меня предъ нашего Принца, отвѣтствовала она: я имѣю опкрышь ему вся ма важныя дѣла въ пользу его войска.“

Начальникъ далъ ей провожатыхъ, чшобъ провести ее въ Царскую палатку, гдѣ Агюбалъ и волшебникъ Таснаръ имѣли тайныя переговоры и совѣты.

Невольница, представши предъ Агюбала, пала къ ногамъ его. Таснаръ тотчасъ приказалъ схватить ее двумъ спражамъ, сказавъ: „Спросимъ сперва, какую сія невольница можетъ оказать мнѣ услугу, не позволяя ей прежде ея изъясненія приближаться къ намъ.“

Спаруха, схваченная спражамъ, казалась бытъ безопытна, и не знала, на что рѣшиться.

„Что я долженъ думать о твоёмъ смященіи и молчаніи?
ска-

сказалъ волшебникъ. Изъ своей ли ты воли пришла открышь намъ нѣкошорыя шайны? Или лучше сказать, не подлая ли ты такая подзорщица, ищущая узнать совѣтъ и намѣренія храбраго воинства? „

„Я принесла вамъ весьма важныя письма, ошвѣщствовала старуха; я ихъ украла въ Султановой палаткѣ, и пришла повергнуть ихъ къ ногамъ Агюбала, Государя и владѣтеля всѣхъ сердецъ Индіи. „

Помомъ вынула изъ подъ плащя бумаги, кошорыя спражи взявъ, положили предъ ногами Агюбалу.

Волшебникъ подалъ ихъ Принцу, кошорой, прочитавши ихъ, ошдалъ Таснару, сказавъ:

„Бумаги сіи по справедливости великой для насъ цѣны. Мы можемъ отъ нихъ прі-

Часть III. С обрѣсть

обрѣсть великую пользу, и принесшая ихъ къ намъ съ опасностію своей жизни достойна всякаго награжденія. „

Старуха, обольстившись сею похвалою, столь низко поклонилась, сколько попустили ей держащіе ее спражи.

„Сильный сынъ Дабулкомбаровъ! сказалъ волшебникъ: прикажите сперечь сію женщину въ ближней опѣ васъ палаткѣ, пока мы разсудимъ, какое заслуживаетъ она награжденіе. „

Какъ невольница вышла, Таснаръ сказалъ Агюбалу: „Свѣтлѣйшій Государь! весьма благо-разумно награждаешь шѣхъ, копорые намъ оказываютъ существенныя услуги, и мы не можемъ довольнаго изыскавъ благодаренія для шѣхъ, копорые измѣняютъ нашимъ непріятелямъ. Надобна приманка для
при-

привлеченія сихъ слабыхъ пшпцѣ
въ наши сѣти. Но, продолжалъ
онѣ, когда мы можемъ достиг-
нушь споль же безопасно пред-
положеннаго нами конца смер-
тію измѣнниковъ, какъ и на-
гражденіемъ ихъ, то нечего
болѣе и разсуждать объ ономъ,
надобно ихъ приносить на жер-
тву нашей безопасности. Сія
женщина уже подвергала жизнь
свою опасности для услугъ на-
шихъ, когда мы объ ономъ ее
и не просили: то конечно и
нынѣ не откажетъ изъ своей ми-
лоспи въ своей жизни, ежели
мы ошѣ нее оной потребуемъ. „

Волшебникъ, не дожидаясь
Принцова ошвѣта, приказалъ
спражамъ принести смершо-
носную петлю.

Спражи исполнили его по-
велѣніе. Невольница пришла съ

С а

ви-

видомъ веселымъ и показывающимъ ея побѣду, не думая бѣдная о пагубномъ намѣреніи Таснаровомъ.

„Услужливая невольница! сказалъ волшебникъ: ты намъ оказала уже шоль существенную услугу, чшо мы осмѣливаемся отъ тебя просить исполненія другой: позволь нѣмымъ наложить на шею твою сію пеплю. Принцъ Агюбалъ потребуешь твоей жизни, кошорою ты жертвовала для оказанія ему своихъ услугъ. „

Нѣмые накинули смертоносную пеплю на шею престарѣлой женщины, и удавили ее въ спану въ присутствіи волшебника и Принца, кошорой не понималъ шоль безчеловѣчнаго поступка Таснарова. По исполненіи сего убивства нѣмые вышли, оставя мершвое шѣло въ

Прин-

Принцовой палашкѣ по данному повелѣнію.

Агюбалъ, оставшись одинъ съ волшебникомъ, спросилъ его съ удивленіемъ: „Таснаръ! что ты сдѣлалъ? Что значитъ сей странной поступокъ?“

„Я не вѣрю сей невольницѣ, ошвѣтствовалъ волшебникъ. Я боялся, и знаю, что она прислана подзорщицею отъ нашихъ непріятелей для нашего погубленія. Мы можемъ въ ономъ увѣришься, разсмотрѣя ея плащъ. Смощрише, Князь! продолжалъ онъ, смощрише, справедлива ли моя догадка: вотъ смертоносный кинжалъ, долженствовалъ погубишь насъ.“

Сказавъ сіи слова, взялъ онъ кинжалъ, которой хранила невольница подъ своимъ плащемъ для пораженія смертельнымъ ударомъ волшебника.

„Мудрый Таснаръ ! сказавъ ему Принцъ : я удивляюсь вашему благоразумію и предусмотренію. Но какую пользу приобрѣтемъ мы нынѣ отъ смерти сей женщины? Пощада ея жизни, и узнавъ ея обманъ и коварство, могли бы мы пылкою извѣдать и узнать отъ нее полезныя для насъ изъясненія.“

„Принцъ ! отвѣщивовалъ Таснаръ : я имѣю изъ смерти ея исполнителя великія предпріятія. Одежда сей женщины откроетъ мнѣ входъ въ станъ Султана Миснара, и кинжалъ, предопредѣленный на опнытіе моей жизни, поразитъ его самого смертельнымъ ударомъ. Не надобно терять времени ; уже разсвѣшаетъ, и солнце готово на землю пускить лучи свои.“

Волшебникъ тотчасъ надѣлъ плащъ невольницы со всѣми ея
вида-

видами, такъ что Агюбалъ повѣрилъ бы, что спаруха воскресла, если бы не видѣлъ лежащее у ногъ своихъ ея мертвое тѣло. Потомъ волшебникъ отрубилъ голову той женщины, и превратилъ ее въ собственнѣйшій свой образъ силою бѣлой мази, копорою онъ помазалъ голову невольницы. Въ семъ превращеніи приказалъ онъ Комменданту проводить себя до посажденія стражи ихъ спана.

Онъ потчасъ дошелъ до спана Сулпанова. Стражи, обманутые наружнымъ видомъ, повѣрили, что это самая та женщина, копорую за нѣскольکو часовъ провожалъ самъ Горамъ. Они пропустили ее безъ всякой оспановки.

Волшебникъ пришелъ къ Сулпановой палаткѣ, и просилъ допустить его къ Султану пере-

говорить наединѣ. Дожидавшійся ее Визирь Горамъ узналъ голосъ престарѣлой невольницы, и топчасъ подбѣжалъ къ ней. „Ахъ, вѣрная невольница! сказалъ онъ ей: успѣла ли ты въ своемъ предпріятіи? Уже ли Таснаръ сдѣлался жертвою смерти?“

„Горамъ! отвѣпсшвовала она: поведи меня скорѣе предъ Султана; я хочу повергнушь къ ногамъ его голову его непріятеля.“

Визирь ввелъ превращеннаго волшебника во внутреннюю комнату Султановой палатки, гдѣ Миснаръ сидѣлъ на своемъ тронѣ, ожидая съ нетерпѣливостію извѣстія объ отважномъ дѣйствіи невольницы.

Волшебникъ подходилъ къ нему, держа въ одной рукѣ кинжалъ, а въ другой мнимую голову. Онъ хотѣлъ ийти на ступени шрона, но Визирь остано-
вилъ

вилъ его и приказалъ прежде
пасть на землю предъ Султаномъ
Индійскимъ.

Мнимая невольница исполни-
ла его повелѣніе. Визирь, увидя
ее проспершую на первой спу-
сени прона, вынулъ свой мечъ
и поразилъ ее къ великому уди-
вленію Миснарову.

„Что ты сдѣлалъ? неща-
стной Визирь, вскричалъ Сул-
танъ; или ты позавидовалъ слав-
ному дѣлу сей вѣрной неволь-
ницы?“

Султанъ безъ сомнѣнія не
престалъ бы дѣлать строгіе вы-
говоры и огорчительныя укориз-
ны своему Визиру, еспли бы
скоро не увидѣлъ разсыпавшееся
очарованіе, и мертвое тѣло Та-
снарово, показавшееся въ соб-
ственномъ его видѣ, такъ какъ
и голову несчастной старухи.

Тогда онъ понялъ справедли-
вой поступокъ Горамовъ, копто-
рой спасъ его жизнь убіеніемъ
Таснара. Сулпанъ тошчасъ со-
шелъ съ прона, бросился на шею
къ Визирю, и держа его, при-
жавши крѣпко къ своей груди,
сказалъ: „О вѣрной мой Горамъ!
прости мнѣ мое негодованіе; я
погрѣшилъ прошивъ моего дру-
га, укоряя его, какъ въ пре-
супленіи, шакомъ дѣйствіи,
которое спасло жизнь мою. Благо-
разуміе твое безпредѣльно, о
Визирь! Но какъ ты могъ узнатьъ
волшебника, предсщавшаго намъ
въ видѣ твоей невольницы? Ка-
кимъ образомъ мудрость твоя
открыла его прищворство и зло-
бу? „

„Царь сердца моего, пове-
лишель воли моей! отпѣшсшво-
вадъ Горамъ: когда я шелъ чрезъ
нашъ станъ съ вѣрною моею не-
воль-

вольницею, которой сія голова
 увѣряетъ насъ о злой ея уча-
 сти, я ей внушалъ, чѣмъ въ
 случаѣ ея возвращенія, подходя
 ко мнѣ, выговорила мнѣ на ухо
 сіи слова: Алла есть Богъ неба,
 Магометъ есть пророкъ его, а
 Миснаръ есть намѣстникъ его
 на земли. Я предосторожноспѣ
 сію почелъ нужною въ случаѣ,
 ежели Таснаръ не впадетъ въ
 разсѣявденныя для него сѣщи,
 а обратишь нашу хитрость про-
 ширъ насъ самихъ. Сперва едва
 я могъ вѣрить самъ себѣ, что
 она возвращается; ибо трудно
 было ждасть, чѣмъ она обоихъ
 вдругъ умертвила, не бывъ са-
 ма подвержена равной имъ уча-
 сти. А какъ увидѣлъ ее воз-
 вращившуюся, то началъ имѣть
 нѣкоторое подозрѣніе. Когда она
 подошла ко мнѣ, не сказавъ нѣхъ
 словъ, о которыхъ мы согласи-
 лись,

лись, то уже болѣе не сомнѣвался, чѣмъ это не былъ превращенный волшебникъ. Торопливость его скорѣе взойши на тронъ увѣрила совсѣмъ меня въ моемъ мнѣніи, и я почелъ, что не надобно упускать случая. Я топчасъ велѣлъ пасть ему лицомъ на землю, и какъ онъ палъ, то я въ совершенной надеждѣ утвердился, что онъ не избѣжитъ смертельныхъ ударовъ своего вѣрнаго Визиря.,,

Восхищенный радостію Миснаръ въпорично похвалилъ глубокую мудрость Горамову, и свидѣтельствовалъ живѣйшимъ образомъ, что онъ чувствуетъ всю цѣну особенной сей услуги. Какъ скоро насталъ день, то первое зрѣлище, представленное непріятелямъ, было голова Таснарова, вонзенная на весьма долгое копье, воткнутое въ землю

лю передъ Султановымъ спаномъ.

Неперпѣливый Агюбалъ вспалъ очень рано; онъ вышелъ передъ спанъ своего войска, ожидая радостныхъ извѣстій о щасливомъ успѣхѣ волшебника, и располагая уже разорвать въ мѣлкіе куски шѣла Индійскаго войска. Но какое было его смятеніе и опчаяніе, какъ обрамя гордые взоры свои къ спану брата своего, увидѣлъ при первыхъ лучахъ солнечныхъ окровавленную и обезображенную голову своего покровителя, вошкнутую на побѣдоносное копье, съ кинжаломъ и плащемъ престарѣлой невольницы!

Спрахъ обьялъ его, слезы полились изъ глазъ его; онъ пошелъ въ свою палашку ошягченный жестокою печалію.

Ви-

Визирь Горамъ, видя вѣчное свѣшало міра, озарившее верьхи горъ, желалъ скорѣе вести войска своего Государя къ вшоричному нападенію; но Миснаръ лучше разсудилъ дать день на отдохновеніе послѣ шолкихъ трудовъ, подбѣяшихъ прошлаго дня.

Неожидаемая смерть чешырехъ волшебниковъ: Улины, Гаппюка, Олломанда и Таснара, опечалила и привела въ опчаяніе ошашокъ сего гнуснаго поколѣнія. Сулшанъ побѣдилъ ихъ по одиначкѣ. Можетъ быть они гораздо болѣе бы успѣли, естли бы соединенными силами и коварствомъ напали на Миснара.

И такъ Агабакъ и Дезра рѣшились соединиться противъ Миснара. Одинъ изъ нихъ, принявъ предводительство надъ сильнымъ войскомъ Агюбаловымъ, засну-

заступилъ мѣсто Султана; а другой взялъ на себя попеченіе взбунтовать сѣверныя провинціи.

Между тѣмъ двѣ арміи стояли одна противъ другой безъ всякаго дѣйствія, какъ вдругъ пришелъ вѣстникъ къ Султану съ объявленіемъ, что Агабакъ привелъ въ помощь къ его непріятелямъ девять тысячъ конницы, и что Дезра идетъ долинами Абраканскими съ тремя тысячами слоновъ и сто тысячъ войска западныхъ провинцій его владѣнія.

Миснаръ за благо разсудилъ напасть на Агюбала, прежде нежели къ нему подоспѣетъ сія помощь. Но Визирь палъ къ ногамъ его Государя, и просилъ его не жертвовать по пустому своимъ войскомъ, которое конечно падетъ подъ ударами гораз-

до

до многотисленнѣйшаго непріятельскаго войска. Онѣ совѣщивалъ ему усилить оное новымъ наборомъ рекрутовъ.

Султанъ, хотя сей совѣтъ и казался ему прошивнымъ, уступилъ представленію Визиря. Когда всякой ожидалъ похода къ сраженію, Горамъ издалъ повелѣніе сдѣлать новой наборъ; а самъ пошелъ въ сѣверную часть Деллійской области для набранія другой арміи для своего Государя.

Агюбалъ пребывалъ въ крайнемъ уныніи; смерть волшебниковъ, друзей его, приводила его почти до отчаянія. Офицеры, будучи нѣсколько поощренны, и видя, что Султановы войска не располагаются къ новому нападенію, болѣе ободрялись, обнадеживая Принца щастливыми успѣхами. Южныя про-

провинціи, желая отвратить печаль его и льстя его щеславію, просили позволенія сдѣлать ему палатку, достойную его величества; ибо Принцъ до сихъ поръ имѣлъ такую же палатку, какъ и его военачальники, безъ всякаго отличія.

Принцъ Агюбалъ отъ природы не былъ склоненъ къ воинскимъ дѣйствіямъ; а хотя онъ и принялъ оружіе противъ своего брата, но сіе не было собственное его къ тому желаніе, а злобное побужденіе непокойныхъ волшебниковъ. Онъ охотно согласился, и принялъ приношеніе его войска. Сто человекъ искуснѣйшихъ мастеровъ принялись за дѣло.

Провинціи, признавшія его верховную власшь, прислали въ

Часть III.

Т

из-

излишествовъ нужныхъ драгоцѣнныхъ матерій для сдѣланія столь великолѣпной палатки, какой онъ никогда не видывалъ: алмазы, жемчугъ, золотыя и серебряныя бахрамы, были главнѣйшимъ украшеніемъ оной. Вельможи и богачи радовались сему случаю, что могли доказать своему Принцу любовь свою къ нему и привязанность.

Между тѣмъ, какъ спешились въ дѣланіи столь пышной и богатой палатки для Агюбала, конница волшебника Агабака съ поспѣшностію шла на помощь, и Дезровы слоны не болѣе были, какъ на припущахъ дней отъ Агюбалова спана.

Визирь Горамъ съ своей стороны ничего не опустилъ для набранія и снаряженія новыхъ

выхъ войскъ. Уже новонабранные солдаты соединились съ Султановою арміею, Горамъ пришелькъ Султану, опдалъ отчетъ въ порученной ему должности, и просилъ дать ему полное правленіе надъ всѣми войсками только на сорокъ дней.

„Горамъ! сказалъ ему Мишнарь: я имѣю великую къ вамъ довѣренность, и потому согласенъ на ваше желаніе, не пребуя отъ васъ никакихъ причинъ и изъясненій, для чего вы желаете имѣть полное повелѣніе надъ войсками.„

Визирь тотчасъ послалъ къ Агюбалу просить перемирія на сорокъ дней съ тѣмъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ наблюдать его совершенно и безъ всякаго нарушенія положенныхъ условій.

Т а

Принцъ,

Принцъ, обрадовавшись сему предложенію, безъ всякаго преословія на оное согласился.

Какъ Визирь получилъ оповѣсть отъ Агюбала, что онъ на сорокодневное перемиріе согласенъ, тотчасъ приказалъ звукомъ трубъ объявить оное, такъ что когда Миснаръ ожидалъ видѣть Горама нападающаго на его непріятелей со множествомъ воиновъ, превосходящимъ число непріятелей, вмѣсто того услышалъ гласъ трубъ, возвѣщающихъ перемиріе.

Поступокъ, казавшійся во всемъ противнымъ разуму, опечалилъ Султана. Онъ позвалъ къ себѣ Визиря, и оказавъ свое удивленіе, спросилъ у него, какія имѣешь причины, что оставилъ онъ въ покоѣ его непріятелей

ятелей тогда, когда легко можно напасть и разбить ихъ съ великимъ ихъ урономъ.

„Свѣплѣйшій Государь! отвѣщивовалъ Горамъ: я увѣдомился, что южныя провинціи воздвигнули Принцу Агюбалу отличную палашку, копорой блескъ и великолѣпіе превосходитъ богатство и сіяніе швоего Делійскаго Дворца; я боялся, чтобы блескъ сей пышной палашки не ослабилъ сосѣдственныя селенія со спаномъ Агюбаловымъ, и не привлекъ бы ихъ на его сторону; ибо я знаю, что твои подданные прельщающся болѣе пышностію и блескомъ наружности, нежели склоняющся на гласъ своей должности. Для того-то и просилъ я моего Государя поручить мнѣ въ полную власць его войска на сорокъ
Т 3
дней.

дней. Я испросилъ на сіе время перемирія, и хочу вамъ поставить палатку гораздо великолѣпнѣйшую и богашѣйшую, нежели у моего брата. Всѣ сокровища земли въ ней будутъ собраны. Солнце никогда не видывало и не увидитъ подобнаго величества. »

„Горамъ! перервалъ Султанъ: я тебѣ ввѣрилъ мой собственнѣйшій жребій и жребій ввѣренныхъ моихъ подданныхъ; я тебѣ поручаю имѣть попеченіе о подобныхъ сему моихъ выгодахъ. „

Визирь вышелъ отъ Султана для исполненія своего предпріятія. Онъ приказалъ собрать всѣхъ лучшихъ въ Делли художниковъ; онъ издалъ повелѣніе собрать отовсюду богашства, дол-
жен-

женствующія украшаютъ сіе зданіе славы ; онѢ приказалъ ископать глубокую и пространную подземную пещеру. Далъ имѢ планѢ палашки. Художники рабошали шайно, и каждой принялся за свое ремесло ; ибо они должны были опдѣлать ее хѢ назначенному времени, и нечаянно поспавилиъ среди спана.

Между тѢмъ, какъ всѢ арміи Султановы и брата его Агюбала упражнялись въ дѢлахъ, свойственнѢйшихъ перемирію, нежели днямъ войны, вспомога-тельные войска Агабака и Дезры прибыли въ станѢ Агюбала. Начальники войскѢ Миснаровыхъ, увѣдомаясь о семъ, вознегодовали противъ Горама, ко-торой, занимаясь съ своими рабошниками, далъ время усилив-ся непріятелямъ. Они жаловались

о семъ Сулпану, и явно просиди главнокомандующимъ опредѣлишь такового человѣка, коимъ бы предпочипалъ военные труды упражненіямъ женъ и младенцевъ.

Сулпанъ, копорому начальники войскъ его предспавляли, что Горамовъ поступокъ болѣе способенъ разспроить военныя дѣйствія, нежели ихъ поправить, приказалъ предспать предъ себя Гораму, и въ присутствіи Офицеровъ, его обвинителей, шребовалъ отъ него объясненія, для чего онъ отложилъ сраженіе съ непріятелями.

Визирь Горамъ, не отпвѣчая на вопросъ Сулпановъ, просилъ только принять трудъ посмотръшь славную палатку, для него уже окончанную, и чшѣбъ
при-

приказалъ за собою слѣдовать и
ропшущимъ пропивъ него вое-
начальникамъ.

Какъ Султанъ пришелъ къ
мѣсту, гдѣ дѣлали палашку,
попчасъ открыли занавѣсы,
покрывавшіе оную. Миснаръ и
военачальники, его сопровождаю-
щіе, разсматривали съ великимъ
удивленіемъ сіе великолѣпнѣй-
шее произведеніе искусства, вы-
думанное оспрошою разума.

Палашка весьма понравилась
Султану и его воинамъ; одни
военачальники, которые упор-
но стояли въ прежнемъ своемъ
мнѣніи, говорили съ великимъ
жаромъ, что въ сдѣланіи палаш-
ки поступлено безъ всякаго
разсужденія и къ явной поги-
бели и распоченію большей ча-
сти Индійскихъ сокровищъ.

Сія

Сія подлинно Царская палашка была поставлена на концѣ спана, близь горы, посреди долины между пальмовыми деревьями, копорыя Визирь приказалъ разрѣдидишь, нѣсколько ихъ вырубя, для лучшаго и свободнѣйшаго прохожденія воздуха. Полы оной были краснаго цвѣта, обшишья кругомъ золошыми цвѣтами съ золошыми и серебряными блестящими вѣтвями и листьями. Посреди каждаго изъ чешырехъ боковъ оной, расположенныхъ по чешыремъ частямъ свѣта, изсѣчены были на золошѣ смерть чешырехъ волшебниковъ: Улины, Гапцюка, Олломанда и Таснара.

Золошой коверъ покрывалъ поверхность палашки, поддерживаемой чешырьмя столбами, вылишыми изъ чистаго золоша

и

и усыпанными блестящими алмазами и другими драгоценными камнями. Внутри были поставлены двѣ софы, столь богато убранныя, что всякое воображеніе вмѣстѣ не могло, и такой совершенной работы, которая все то превосходила и едва ли подобная когда и гдѣ нибудь видима была.

Конецъ третіей части.

СКАЗКИ ДУХОВЪ,

или
ЗАБАВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ ГОРАМА,
СЫНА АСМАРОВА.

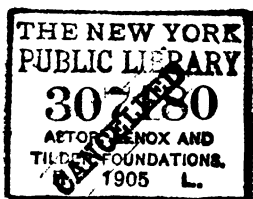
Сочиненіе на Персидскомъ язы-
кѣ, съ котораго переведено
на Аглинской Карломъ Морел-
ломъ, бывшимъ прежде по-
сланникомъ Аглинскихъ се-
леній въ Индіи, при Дворѣ
Великаго Могола.

Часть IV.

Издвненіемъ Типографической Компаніи.

ВЪ Москвѣ,
Въ вольной Типографіи И. Лопухина,
съ Указнаго дозволенія, 1785 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

четвертой части.

Страницы.

Продолженіе сказки волшеб-
никовъ, или Миснара,
Сулшана Индійскаго. - 1.

Повѣсть о Княжѣ Касси-
мирской: - - - 82.

Садакъ и Калазрада. - 194.

СКАЗКИ ДУХОВЪ. ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Продолженіе сказки волшебни-
ковъ, или Миснара, Султана
Индійскаго.*

Индійскій Султанъ, хотя отъ природы былъ великой неприязнелъ пышности, послушался совѣтовъ Визиря, и препроводилъ слѣдующую ночь въ новой палаткѣ, копорой чудное украшеніе привлекло безчисленное множество народа; любопытствующаго видѣвъ шолікое великолѣпіе.

Часть IV.

А

Томъ

Тотчасъ узнали въ стану Агюбаловомъ, что непріятель его поставилъ въ стану своемъ удивительной изящности палашку: всякой возвышалъ ея блескъ, украшеніе и богатство. Палашка Агюбалова казалась уже ничто въ сравненіи палашки Султановой.

Агабакъ и Дезра, бывшіе тогда въ палашкѣ бунтующаго Принца, слыша такія изъясненія о столь чудныхъ украшеніяхъ и работѣ пышной палашки, Миснаровой, рѣшились сдѣлаться невидимыми, чтобъ, подошедъ къ оной, вблизи разсмотрѣть собственными своими глазами, не увеличиваетъ ли разнесшаяся слава великолѣпія палашки.

Они оставили Агюбала, и взявши всякой свою волшебную палочку въ руки, сдѣлались невидимыми, и какъ бы на крылахъ
вмигъ

вмѣгъ прошли отдаленныя спра-
жки обѣихъ армій.

При видѣ великолѣпной и
богато убранной палатки бѣшен-
ство злобы и ненависти воз-
расло до высочайшаго степени въ
сердцахъ ихъ. Напоминаніе смер-
ти ихъ собратій, изсѣченное
на полахъ палатки, возродило въ
нихъ сильнѣйшій огонь мщенія.

Они поспѣшили возвратиться
къ Агюбалу, которому раз-
сказали все, что видѣли, спа-
раясь умножить въ немъ враж-
ду и ненависть, какою они са-
ми дышали противъ Миснара.

Принцъ содрогалъ при ихъ
описаніи, цвѣтъ лица его пере-
мѣнился, сердце его угнѣтаемо
было досадою и завистію, что
братъ его Султанъ превзошелъ
его въ великолѣпіи.

„Сдѣлайте мнѣ палатку
великолѣпнѣйшую брата моего;

сказалъ онъ волшебникамъ, или распустили мои войска и оспавъше меня жестокости моего рока, копорой уничтожилъ всѣ мои предпріятія. „

„ Принцъ! отвѣщствовалъ Агабакъ: не теряйте великодушія и бодрости для шоль малой вещи. Мы можемъ вмигъ поставитъ шебъ во всемъ превосходнѣйшую палатку, нежели какова есть Султана, брацашного; но не славнѣе ли будетъ для васъ овладѣнь его славою, его жилищемъ и его престола? Завтра на разсвѣтъ да провозгласитъ звукомъ трубъ: перемиріе кончилось! или хотя и не пришло время войны, однако мы съ хищникомъ чуждаго хранишь даннаго слова не хотимъ! Нападёмъ на непріятеля прежде, нежели онъ будетъ въ оборонительномъ поло-

положеніи. Кто знаетъ, что мы не будемъ завтрашній день покоиться по-толикихъ трудахъ въ той самой палаткѣ, которая намъ нынѣ столько причиняетъ зависти и печали? „

Агюбалъ и Дезра похвалили совѣтъ Агабаковъ. Съ вечера дано было повелѣніе войскамъ поутру на самомъ разсвѣтѣ идти на непріятеля, и нечаянно напасть на Султанову армію.

Миснаровы солдаты покоились въ своихъ палаткахъ; какъ услышали звукъ военныхъ трубъ, что непріятель идетъ въ порядкѣ сраженія, чтобъ въ расплохъ напасть на нихъ.

Визирь Горамъ тотчасъ принялъ команду надъ избраннѣйшими своими войсками; но вмѣсто того, чтобъ прямо идти противъ непріятеля, онъ позволилъ на право и снѣшилъ

занять узкой проходъ въ горахъ позади палашки, откуда послалъ сказать Султану, чѣмъ онъ въ случаѣ несчастія опсудитъ назадъ.

Непріятели напали на Султанову армію съ шолкою опромешчивостію и жаромъ, чѣмъ не шолко иѣкогда было подуманъ о порядочномъ сопротивленіи, но ниже усмотрѣвъ могли скорое ихъ приближеніе. Въ сей крайности собралъ онъ оставшихся солдатъ, которые не дошли съ Горамомъ, и построились въ порядокъ прямо прошивъ непріятеля; въ то же время послалъ онъ сказать Визирю, чѣмъ онъ, оставя горы, поспѣшалъ къ нему на помощь.

Однако солдаты Миснаровы, а инаице Офицеры, оказали при семъ случаѣ величайшіе опыты храбрости и неуспрашимости. Самъ

Самъ Сулпанъ бросился въ самое мѣсто кровопролитнѣйшаго сраженія. Сопроотивленіе было долго-временно и жестоко. Наконецъ его войска, принѣсняемыя превосходящимъ числомъ, разомкнулись на всѣ стороны, принуждены бывъ уступить силѣ. Сулпанъ приказалъ бить въ барабаны къ отступленію, и тотчасъ началъ отступаніе съ остатками своей арміи къ горамъ, гдѣ Визирь ожидалъ для прикрытія и оспавленія его отступа.

Агюбалъ преслѣдовалъ бѣгущихъ непріятелей до самыхъ узкихъ проходовъ въ горы, куда они вошли подъ прикрытіемъ Визиря, кою легко основить могъ Агюбаловы войска, уже ослабѣвшія отъ кровопролитнаго сраженія.

Непріятели принуждены были обратиться назадъ. Они во-

шли въ станъ Султановъ, гдѣ
пріобрѣли великія добычи.

Агабакъ и Дезра щесла-
вились своими успѣхами. Агю-
балъ въ одинъ день увидѣлъ се-
бя Государемъ Индіи, побѣди-
телемъ Султана, брата своего, и
владѣтелемъ богатой палатки.

Агюбалъ не могъ видѣть
шопликаго богатства, пышно-
сти и великолѣпія безъ изумле-
нія и восторга; но онъ вели-
кимъ пораженъ былъ ужасомъ,
увидя смерть старыхъ своихъ
друзей, вышившую извѣ по
сторонамъ палатки золотомъ и
серебромъ.

„Праведно и достойно, ска-
залъ Принцъ волшебникамъ, пра-
ведно и достойно опмслили вы
гордому моему брату! Я не мо-
гу никогда согласишься жить въ
палаткѣ, какъ въ надгробномъ
сооруженіи небытія моихъ дру-
говъ

говѣ и какѣ въ побѣдномѣ зданіи Султановой славы. Палатка сія да будетѣ жилищемѣ Агабака и Деэры. Народы да приходящѣ здѣсь созерцають и нещасія вашихѣ собратій и ваши славные успѣхи! Други мои! препроводите здѣсь ночь сію; сія слава принадлежитѣ вамѣ по толикой побѣдѣ. Завтра я прикажу перенести ее въ мой шанѣ, гдѣ поставлена она будетѣ подлѣ моей. „

Волшебники были восхищены и довольны словами Агюбадовыми. Тотчасѣ приготовленѣ былѣ обильной столѣ въ палаткѣ нещаснаго Султана, коптой заблуждалѣ въ горахѣ, шепча во всемѣ нужномѣ недоспашокѣ какѣ для себя, такѣ и для своей арміи.

Миснарѣ, спенящій подѣ тяжестію нещасія, приписывалѣ

всю ошибку неразумію Визиря Горама. Онъ приказалъ собрать главныхъ своихъ Офицеровъ, и повелѣлъ привести предъ нихъ Горама. Визирь признанъ былъ виноватымъ, и Миснаръ въ словахъ произнесъ опредѣленіе на смерть Горамову.

Султанъ думалъ, что онъ совершилъ дѣло правосудія, однако угрызѣнія совѣсти принудили его говорить противъ самаго себя: „Завтра несчастной Горамъ будетъ счищаться между мертвыми!“

Горамъ слушалъ приговоръ его къ смерти безъ всякаго смущенія. „Жизнь моя, сказалъ онъ, въ рукахъ моего Государя, и кровь его невольника въ его во-
лѣ.“

Сто воиновъ съ вѣрными Офицеромъ получили повелѣніе ошнречь Визиря до ушра.

Не

Нещастной Султанъ пошелъ въ мрачную палатку, какую только могли въ скорости ему раскинуть; онъ пошелъ въ нее не для своего успокоенія, но болѣе для того, чтобъ погрузиться въ печальномъ размышленіи о своемъ нещастіи.

Взошедши въ оную, говорилъ онъ самъ въ себѣ: „Я потерялъ мое государство, я лишился драгоцѣннѣйшаго сокровища, нежели всѣ владѣнія свѣта. Горамъ, мой другъ, мой любезный другъ, Горамъ сдѣлался невѣрнымъ своему Государю, своему другу. Не были ли мы, какъ кедръ лѣсовъ, воспитанные вмѣстѣ, и одинъ подлѣ другаго, какъ древа, насажденные на пучныхъ берегахъ рѣки Арвары? Души наши были какъ родныя сестры, и духи наши подобились звѣздамъ Леману.

ману и Упнору, которыя одна безъ другой не сіяють въ темнотѣ ночи. Сердце Миснарово было въ нѣдрахъ своего друга, какъ младенецъ бываетъ въ объятіяхъ своей матери; оно въ нихъ покоилось съ надеждою и совершенною безопасностію. „

Въ самое сіе время, какъ Султанъ занимался сими печальными мыслями, пришли ему сказать, что Капитанъ, которому ввѣрено сперечь Визиря, стоявшій съ нимъ у входа его палатки; что они просятъ, чтобъ ввести ихъ въ оную; ибо они имѣютъ сообщить ему какое-то весьма важное дѣло.

„Горамъ не хочется ли дать опреченіе въ своей невѣрности? вскричалъ Султанъ. Лишивши меня моего царства, не пришелъ ли опреченіе и жизнь мою? Еслили приходъ его коваренъ, пу-

пускай онъ войдетъ и совер-
шивъ свою измѣну! „

Капитанъ вошелъ въ Сулпано-
ву палашку съ Визиремъ, око-
ваннымъ паяжками желѣзами.

„Бытіе бытія моего, верь-
ховный повелитель мыслей и
воли моя! сказалъ Горамъ, пад-
ши къ ногамъ Сулпановымъ:
позволь невольнику твоему пре-
жде смерти говорить еще съ
любою, позволь прежде послѣд-
няго издыханія моего показать
вамъ болѣе богатствъ, внутри
сихъ горъ хранящихся, нежели
сколько когда нибудь было въ
Делійскомъ твоёмъ Дворцѣ, и
какихъ нѣтъ теперь въ обѣихъ
палашкахъ гордящихся твоихъ
непріятелей. Сии богатства силь-
ны возвратитъ тебѣ твою сла-
ву и переменитъ слезы твои
на радость. „

„Не-

„Нещасной Горамъ! отвѣщивовалъ Султанъ: или ты еще не доволенъ, что ввергнулъ меня въ бездну печали и бѣдствія? Или еще хочешь, обольстивъ мою къ тебѣ довѣренности, въ большее ввергнуть несчастіе, и своими насмѣшками умножишь мое огорченіе? Гдѣ мое государство, гдѣ Царская палатка и гдѣ войска мои? Я всего лишился чрезъ гибельные твои совѣты. Покажи мнѣ тѣ сокровища, копорыя могушь и должны наградишь шоль великую мою потерю. „

Потомъ Офицеръ вывелъ Гораму изъ палатки Султана, которой шелъ за ними, и самъ не зная куда.

Визирь, обложенный паяжками оковами, шелъ весьма тихо. Капышанъ разослалъ солдатъ по
сво-

своимъ мѣстамъ ; а самъ провожалъ Горама , держа надъ головою обнаженную саблю.

Ночь была очень темна. Мишнарь шелъ за ними , не могши распознать мѣстъ , по какимъ его велъ Визирь.

Они прошли многія горы , и переходили чрезъ многіе ручейки водъ , низпадающихъ съ высоты горъ. Наконецъ пришли къ весьма пространной пещерѣ , ископанной въ нѣдрахъ высокихъ горъ.

Горамъ , вошедши въ оную , поднялъ свои оковы , и поступалъ въ маленькія дверцы , которыя были на концѣ пещеры. Они пошчасъ отворились : четверо невольниковъ съ пламенниками вышли для освѣщенія входа Гораму и его провожаемымъ.

Невольники поклонились до самой земли своему господину и
Сул-

Султану, котораго они по одеждѣ потчасъ узнали. Горамъ спросилъ ихъ, все ли у нихъ спокойно и благополучно.

„Все спокойно, Государь! опшвѣшспвовали невольники; мы ничѣмъ несмущенны въ сихъ мрачныхъ жилищахъ во все время нашего здѣсь по вашему повелѣнію пребыванія. „

„Гдѣ Камюль? спросилъ Визирь. „

„Онъ на спражѣ съ сѣкирою, опшвѣшспвовали невольники. „

„Какой теперъ часъ ночи? спросилъ еще Визирь. „ Трепсія уже прошла спража ночи, опшвѣчали невольники. „

Тогда Визирь, обратясь къ Миснару, сказалъ ему: „Войдите, Свѣтлѣйшій Государь, и увидите вашихъ непріятелей издаыхающихъ предъ вами. „

„0

„О какихъ непріятеляхъ говоришь ты? перервалъ Султанъ. Что за таинственная сія пещера, въ которую ты меня вводишь? Кто таковъ у тебя Камюль, и для чего вооруженъ онъ съкирою? Горамъ! не къ новымъ ли ты меня приговляешь бѣдствіямъ? Но вообрази, что Капитанской мечъ моей стражи, возвышенный надъ твоею головою, готовъ посѣчь оную при малѣйшемъ знакѣ, данномъ мною держащему его на твою гибель. „

Султанъ вошелъ въ маленькія дверцы, слѣдуя за Визиремъ и Офицеромъ, его спрегущимъ. Четверо невольниковъ несли предъ ними пламенники.

Миснаръ прошелъ многіе въ горахъ изсѣченные узкіе проходы. Наконецъ вдали увидѣлъ человека, сидящаго на камнѣ и свѣтъ.

Часть IV. Б ки-

кирою вооруженнаго, предъ ко-
имъ горѣли девять свѣщальни-
ковъ.

Камюль, видя приближающа-
гося Визиря и Сулшана, палъ на
землю предъ ними. Визирь такъ
же палъ къ ногамъ Миснаровымъ,
и просилъ его взять сѣкиру изъ
рукъ Камюла, его невольника.

„Какая сія превосходная сѣ-
жира! вскричалъ Сулшанъ, взяв-
ши ее у невольника. Какъ она
могла сохранена быть безъ вся-
каго поврежденія въ сихъ мрач-
ныхъ и влажныхъ ущеліяхъ зе-
мли. „

Сулшанъ взялъ сѣкиру, а
Камюль опвалилъ камень, на
которомъ онъ сидѣлъ. По опа-
деніи камня увидѣли они весьма
толстую струну, которой одинъ
конецъ проведенъ былъ въ го-
ры, а другой прикрѣпленъ къ
большому желѣзному кольцу.

„По-

„Посвѣтите, Свѣтлѣйшій Сулшанъ, посвѣтите струну и отдѣлите ее отъ желѣзнаго кольца, къ которому она прикрѣплена. „

Сулшанъ послушалъ повелѣнія своего Визиря: поднялъ Камюлову свѣкиру, пересѣкъ и отдѣлялъ струну отъ желѣзнаго кольца.

Пересѣченная струна съ великимъ звукомъ опустилась въ нѣдра горы, такъ что Сулшанъ никакъ не примѣшилъ, для чего ее никто задержать не могъ. Но съ неперѣбливостію ожидалъ, какой конецъ будетъ сего чудеснаго отдѣленія сей струны. Потомъ сказалъ Визирю: „Гдѣ же богатства, для которыхъ ты меня принудилъ оставить мою палашку и станъ? Видно, что твои обѣщанія щещны и ложны, и я

Б а

по

по сію пору еще безразсудно
вѣрю пвоимъ обманчивымъ сло-
вамъ, и конечно ты во зло упо-
требишь мою сію къ тебѣ до-
вѣренность въ послѣднемъ окон-
чаніи жизни твоей! „...

„Свѣплѣйшій Государь! Свѣ-
плѣйшій Султанъ! перервалъ съ
видомъ почтенія Горамъ: умру
я какъ измѣнникъ въ оковахъ,
ежели измѣню славнѣйшему Ин-
дійскому Султану. Я ничего
другаго вамъ показать не могу.
Простите моей дерзости, и
если вы оную почитаете ви-
новною, опмстите мнѣ ее ме-
чемъ правосудія; однако поду-
майте, что мое намѣреніе бы-
ло чистосердечно. „

„Какъ! перервалъ: раздра-
женный Султанъ: ты провелъ
меня сюда упесистыми и неб-
сными проходами во время спра-
шной темной ночи, для того
чтобы-

только , чтобъ разсѣчь на двое твою таинственную струну? Ты меня ввелъ во глубину горъ только для того, чтобъ видѣшь слѣды невольниковъ твоихъ, пресмыкающихся въ сихъ пещерахъ, и спрегущихъ входы и выходы оныхъ по повелѣніямъ злѣйшаго, нежели они сами, ихъ господина? Измѣнникъ! опведи меня въ мою палатку. Завтра поутру рано получишь ты за свои измѣны достойное воздаяніе. „

Съ такимъ жаромъ Султанъ выговоривъ неустрашимому Визирю, пойдѣмъ, сказалъ, изъ нѣдръ сея таинственныхъ пещеры! — Сказавъ сіе, вышли всѣ шрое изъ оной. Миснаръ вошелъ въ свою палатку, разжигаемый гнѣвомъ и мщеніемъ прошивъ Горама; а Офицеръ, удивляясь всему приключившемуся, оставилъ подѣспрашею спокойнаго Визиря.

На другой день, на самомъ разсвѣтѣ, солдаты Миснаровы стали въ ружьѣ подѣ Сулшанскими знаменами. Звукъ липаврѣ раздавался по высокимъ горамъ. Раздавшуся звуку, шончасѣ поспавлено было мѣсто казни, возвышенное на сорокъ футовъ.

Сулшанѣ, вышедѣ изъ своей палатки на звукъ липаврѣ, шончасѣ приказалѣ вести неустрашимаго Горама на казнѣ.

Горамѣ опредѣленіе сіе снесѣ великодушно. Сіе его неустрашимое чувствованіе казни привело всѣхъ предстоящихъ во удивленіе. Онѣ самѣ охотно отдадася въ руки шого, коимъ рой долженствовалѣ исполнить смертоносное прошивѣ него опредѣленіе. Уже накинута была на шею его роковая петля, какъ вдругѣ съ поспѣшностію
въ

въ провожаніи множества спра-
жей пришелъ въ лагерь въ-
спникъ.

Сей въспникъ съ откровен-
ною вольноспію просилъ пред-
ставитъ себя предъ лице Сул-
тана. Его тотчасъ представи-
ли; не дожидаясь вопроса отъ
своего Государя, началъ самъ го-
ворить :

„Свѣшлѣйшій Государь! Ага-
бакъ и Дезра, покровители бун-
тующаго брата твоего, умерщ-
влены. Агюбалово войско въ ве-
ликомъ смятеніи и опчаяніи, а
доброжелательные друзья Свѣш-
лѣйшему Индійскому Султану
желають видѣть его преслѣду-
ющаго во гнѣвѣ своемъ своихъ
непріятелей, какъ гонятъ въ алч-
бѣ съ великимъ ревомъ раздражен-
ные львы молодыхъ дикихъ ослен-
ковъ въ дѣсахъ непроходимыхъ. „

Множесство подзорщиковъ одинъ за другимъ безпрестанно приходили въ лагерь, и всѣ единогласно подтверждали извѣстіе о смерти волшебниковъ.

Миснаръ, повелѣвъ опложить казнь Визиреву, а его опдашь опять подъ спражу, самъ пошелъ напасть на непріятелей.

Въ сіе время Агюбалъ покоился сладкимъ сномъ въ своей палашкѣ; но стражи разбудили его прежде обыкновеннаго, чѣмъ къ оскорбленію объявить ему о смерти друзей его Агабака и Дезры.

„Увы! вскричалъ, печальный Агюбалъ, обливаясь слезами: и такъ друзья мои мертвы? Какой рокъ, какое несчастіе постигаетъ ихъ у меня? Какую еще новую хипрость изобрѣлъ прошивъ меня Миснаръ? Какъ благоразуміе сихъ мудрецовъ могло,

гло,

гло исчезнуть предъ мудростію
слабаго младенца? Увы! откуда
и какую теперь могу сыскать
противъ него помощь? Какія
употреблю войска къ сраженію,
когда онъ можетъ столь удач-
но побѣждать вышшую его си-
лу волшебниковъ? „

„Принцъ! отвѣтствовали
спражи Агюбаловы: мы очень
поздно узнали о хитростяхъ на-
шихъ непріятелей. Во сводахъ
пышной палатки, сооруженной
Горамомъ своему Государю, сей
искусной Визирь приказалъ вдѣ-
лать великой камень во всѣ сво-
ды палатки. Скрытая какая-
то сила поддерживала его, и
онъ зналъ тайныя средства,
чрезъ которыя могъ всегда уро-
нить его, когдабъ только ни
захотѣлъ. Какъ Агабакъ и Де-
эра отдыхали въ палаткѣ по
шопликихъ трудахъ, спражи ихъ

Б ;

предъ

предъ восхожденіемъ солнца
услышали въ оной великой спукъ,
и потчасъ сбѣжались; они ле-
тѣли на помощь господамъ сво-
имъ. Сей великой камень вдругъ
упалъ въ глазахъ ихъ: Агабакъ
и Дезра раздавлены его падені-
емъ. Тѣла ихъ и шеперь еще
лежатъ въ палаткѣ подъ онымъ;
ибо пятьдесятъ солдатъ не мо-
гли сдвинуть камня. „

При сихъ словахъ снѣсен-
ный печалію Агюбалъ потерялъ
всю надежду поправиль когда
нибудъ дѣла свои. Прежде не-
жели онъ могъ опамятоваться,
пришли къ нему сказать, что
Сулшановы солданы уже среди
его спана, и немилосердо посѣ-
каютъ все то, что имъ ни
встрѣчается, такъ что никто
ни мало прошивишься имъ не
осмѣливается.

Бун-

Буннующій Принцъ столько изступилъ изъ себя, что вмѣсто того, чтобъ собрать свои войска и приготовишься къ отпорному сраженію, онъ убѣждалъ съ нѣсколькими добровольно за нимъ послѣдовавшими: Миснаръ, воспользовавшись своимъ щастіемъ, тотчасъ вошелъ въ свою палатку и завладѣлъ всѣми палатками своихъ непріятелей, копорые оставили ему весь лагерь и всѣ свои богатства.

Миснаръ, возгордясъ столь совершенною побѣдою, приказалъ войскамъ своимъ преслѣдовать бѣгущихъ непріятелей. Потомъ повелѣлъ привести предъ себя Визиря въ присутствіи всѣхъ своихъ военачальниковъ, и въ слухъ всѣхъ спросилъ его, какой удачи ждалъ онъ отъ сего дня, и какія выгоды пріобрѣлъ онъ во время правленія своего войсками?

„Сла-

„Слава очей моихъ, свѣтъ стопамъ моимъ! сказалъ Горамъ, поклонясь съ глубочайшимъ почитеніемъ своему Государю: правда, что знаніе твоего раба и военныя хитрости не имѣли бы въ войнѣ никакого плода, естъ ли бы другой кто, а не вы, Государь, предводительствовали храбрымъ вашимъ войскомъ; и пошому слава сего дня вся принадлежитъ вамъ одному. Но кто васъ избавилъ отъ двухъ волшебниковъ, Агабака и Дезры? И такъ Государь долженъ узнать, что когда рабъ его увѣдомился, что сіи два гнусные волшебника согласились поддерживать сторону взбунтовавшагося твоего брата, то я заключилъ, что одна только хитрость, а не сила можетъ возторжествовать надъ ихъ очарованіями. „

• Ter

„Тогда я просилъ моего Государя поручить мнѣ правленіе его арміею на сорокъ только дней, какъ на время, необходимо нужное для исполненія моихъ предпріятій. Я предложилъ имъ перемиріе, которое ими и было охотно принято, и во время онаго пренебрегъ сраженіе съ войсками Агюбаловыми, не взирая на военный жаръ солдатъ своихъ и на совѣщанія своихъ Офицеровъ. „

„Я располагалъ такимъ образомъ моими догадками; ибо я былъ самъ въ себѣ увѣренъ, что всякая побѣда не сильна усмирить своихъ непріятелей до тѣхъ поръ, пока не будутъ истреблены сами волшебники. И въ самомъ дѣлѣ, какія бы мы имѣли могли выгоды отъ такого сраженія, на которомъ бы мы могли поперясть всѣ войска,

и

и должны бы были безпрѣспанно дополнять оныя новыми наборами? „

„Такимъ образомъ началъ я усиливать армію моего Государя, и набралъ соразмѣрное число солдатъ числу войскъ Агабака и Дезры на томъ концѣ, чшобъ намъ не бытъ побѣжденнымъ и задавленнымъ не силою, а множествомъ. „

„Между шѣмъ воздвигнутая Агюбалова гордая палатка вложила мнѣ новую хитрость, посредствомъ копорой я ласкалъ себя избавишь славнаго и мудраго Миснара отъ волшебниковъ, жестокихъ его непріятелей. „

„И пошому спарался я, какъ можно, хранишь намѣреніе мое тайно. Приказахъ копашъ въ горахъ подземную пещеру, окруженную высокими и густыми деревьями; при оной велѣлъ

велѣлъ я поставитъ палашку, и обнародовалъ, что сія палашка, на сооруженіе копорой искусство и природа истощили всѣ свои богатства, воздвигнута въ честь Индійскаго Султана съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобъ не попустишь брата его Агюбалу превзойти его въ великолѣпіи. Намѣреніе мое было разсѣлать тайныя сѣщи волшебникамъ; неизчислимыя богатства, употребленныя на строеніе сей палашки, была одна только, такъ сказать, приманка, чтобъ искушить и привлечь ихъ. Потомъ приказалъ въ близъ лежащей горѣ изсѣчь споль великой камень, сколь широки были своды палашки, и съ великимъ трудомъ и помощію многихъ машинъ впасти на своды оной, поддѣлавъ подъ оной для поддержанія его чешыре золотыя столба. „

„Спру-

„Спруна соразмѣрной силы пѣжеспи камня, которой, она держаща должна была, была прикрѣплена къ чепыремъ угламъ великаго камня, и проведена чрезъ одно подземное ущеліе въ горѣ до самой пещеры, ископанной въ прошивной сторонѣ горѣ, въ которой и прикрѣплена къ желѣзному кольцу. Прочія ущелія я приказалъ засыпать, кромѣ того, чрезъ которой пропаянута была спруна; и такимъ образомъ камень висѣлъ на верьху палатки всегда готовымъ пасшъ; какъ скоро пресѣчена будетъ спруна. „

„Палатка была разкинута; какъ волшебники прибыли въ лагерь Агюбаловъ. Хотя я и почно былъ увѣренъ, что они не будутъ ожидать окончанія перемирія, и что нападуть на насъ

насъ въ тошъ же самой день; однако я показывалъ, что не знаю вѣроломнаго ихъ намѣренія, а припомъ располагалъ войсками моего Государя такимъ образомъ, чтобъ большая часть оныхъ могла слѣдовать за мною въ горы прежде сраженія, и чтобъ остальные съ небольшимъ урономъ успѣли спастись бѣгствомъ, когда непріятелямъ уже никакъ не можно преслѣдовать ихъ въ узкихъ ущеліяхъ горъ, которыя имъ были неизвѣстны.»,

„Я не сомнѣвался, чтобъ Агабакъ и Дезра, возгордѣвши своими успѣхами, не завладѣли сами Царскою палаткою.»,

„Вспанъ, вѣрный Горамъ! сказалъ ему Султанъ Миснаръ: послѣднее происшествіе я понимаю. Теперь знаю, что побою избавленъ отъ моихъ непріятелей. Но для чего ты допустилъ

Часть IV.

В

на

на время подозрѣвать твою вѣрность, скрывая отъ меня полезныя твои намѣренія? „

„Я шакъ поступилъ для того, чѣмъ не затмить славы моего Государя, оповѣстивъ о Визирѣ. Выдуманная мною хитрость могла быть и безплодна. Я хотѣлъ лучше одинъ понести стыдъ и безславіе, и сокрыть ихъ вѣчно въ моемъ сердцѣ въ случаѣ, если бы мнѣ не удалось произвести въ дѣйство мою хитрость. „

Сіе Визирево изъясненіе привело въ удивленіе всю армію. Всѣ ожидали съ нетерпѣливостію, чѣмъ скорѣе объявлено было ему прощеніе.

Султанъ обнялъ его, называя своимъ другомъ, своимъ любезнымъ и вѣрнымъ Визиремъ, подпорою своего престола и побѣдицею его непріятелей.

Воз-

Воздухъ наполнялся восклицаніями солдатъ и ихъ начальниковъ: они всѣ наперерывъ кричали одинъ передъ другимъ: „Да здравствуетъ Миснаръ, повелитель сердецъ нашихъ! да здравствуетъ Горамъ, первый и вѣрнѣйшій изъ его невольниковъ!“,

Армія Агюбалова, разсыпавшись бѣжала, слѣдуя безъ разбора мѣстъ своему страху; ибо Принцъ, болѣе всѣхъ уопрашившись, не имѣлъ ни смѣлости, ни страха привести войска въ норядокъ. Остатокъ войскъ его погибъ бы неизбѣжно въ семъ несчастномъ бѣгствѣ, ежели бы великанъ Кифри не встрѣтился глазамъ Агюбаловымъ при нѣкоторомъ входѣ утесистыхъ горъ.

Сей великанъ, раздраженный смертію своихъ собратьевъ, ходилъ по горамъ назадъ и впередъ въ своемъ негодованіи, не предпри-

В 2

нимая

нимая никакой прямой дороги. Бѣшенство и гнѣвъ ясно изображены были на наморщенномъ челѣ и огненныхъ глазахъ его. Взоръ его былъ не менѣе ужасенъ, какъ взоръ непріятеля, гонящаго побѣду. Агюбалъ, пораженный страхомъ, палъ предъ нимъ полумертвый.

„Кто ты шаковъ? вскричалъ Кифри голосомъ, подобнымъ грому. Кто ты шаковъ, ты, которой убѣгаешь, какъ робкая серна, и шрепещешь, какъ спрашливой козленокъ? Ты бѣжишь, какъ слабая дѣвочка, отъ звука трубъ; ты умножаешь вопли шѣхъ, которыхъ твоя слабость и страхъ разсыпали передъ твоими глазами. „

„Князь земли! ошѣпсствовавъ Агюбалъ: я есмь другъ Улины, Олломанда, Гаппюка, Таснара, Агабака и Дезры; я шопъ,

шопѣ, которой, будучи подкрѣ-
паяемъ силою волшебниковъ,
спорилъ съ Миснаромъ о Индій-
скомъ престолѣ. „

При сихъ словахъ вскри-
чалъ Кифри въ своемъ негодо-
ваніи: „Да будущѣ прокляты всѣ
шѣ, которые соединялись съ по-
бою, несчастный младенецъ спра-
ха, слабое пресмыкающееся, не-
достойный помощи сильныхъ и
мудрыхъ, недостойный покро-
вишельства нашего божествен-
наго поколѣнія! Слабой смерт-
ный! стоилъ ли ты трудовъ,
какіе для тебя подъялъ Олло-
мандъ? Индійскія долины дол-
жны ли быть орошены кровію
Дезры, нашего верховнаго пове-
лишеля, для несчастнаго, содро-
гающаго при малѣйшемъ спра-
хѣ? Земля! будь свидѣтелемъ
низкости сего несѣкомаго и его
недостойнства. Нѣтъ! онъ не

В 3

заслу-

заслуживаетъ, чтобъ мы сража-
лись за него, чтобъ мы соеди-
нялись противъ Магомета, чтобъ
проливать кровь его поклонни-
ковъ на олшаряхъ, ему воздви-
гнущихъ. О духи мужеспвем-
ныхъ и сильныхъ! душа моя
исполняется бѣшенства и мще-
нiя, видя друзей нашихъ раз-
шерзанныхъ, лежащихъ на пра-
хѣ земномъ. Кровь ихъ, слабое
и подлое пресмыкающееся! кровь
ихъ да будетъ шебѣ вѣчнымъ
спрахомъ и мученiемъ! „

Такъ въ негодованiи гово-
рилъ Кифри; глаза его сверка-
ли какъ молнiя во странахъ
мрачной ночи, и ноздри его из-
дыхали бури и опустошенiе.

Великанъ, потчасъ схвативъ
устрашеннаго Принца, какъ
схватываетъ коршунъ въ свои
жогпи робкаго зайца, и подняв-
ши его на воздухъ, съ сильнымъ
на-

напряженіемъ ударилъ его о каменистой верхъ утесистой горы. Кровь Агюбалова текла по скаламъ великими ручьями, какъ дождь, ниспадающій изъ густыхъ и черныхъ облаковъ; разбитый и разперзанный на мѣлкія части отъ сильнаго удара пруть его висѣлъ на камняхъ и оставался добычею хищныхъ врановъ.

Смерть Принцова не удовольствована мщеніе великана Кифри: всѣ бѣжавшіе съ несчастнымъ Агюбаломъ испытали такую же участь. Насытившись крови и уставши отъ тѣлоперзаний, легъ отдохнуть великанъ; разпростертое ужасное его тѣло покрыло многія горы.

Но отдохновение его столь же было исполнено бѣшенствомъ, какъ и его мщеніе. Сновидѣнія сего неистоваго чу-

довища были какъ мысли Божіихъ враговъ. Улина предстала ему въ видѣніяхъ ночи, и окровавленная шѣнь Гапюкова явилась въ глазахъ его воображенія.

„Врагъ рода нашего! сказали они ему оба: гдѣ долженъ спивавшій возврашнть пошмненную нашу славу и опмспнть за нашу кровь? Гдѣ Агюбалъ, кошорой мнилъ въ своемъ сердцѣ, что никто его побѣднть не можетъ, развѣ кшо ннбудъ изъ нашего рода? Снн его мрачныя мысли швоимъ безчеловѣчнемъ испреблены, и сила волшебства уничтожена и на вѣки кончилась! „

Великанъ, приведенный въ смяшеніе снми ночными явленіями, проснулся внѣ себя. Луна продолжала свое шеченіе поверхъ горъ, и шрепещущая шѣнь вы-

со-

сокихъ деревъ умножала ужасъ
ночи. Онъ обратился къ югу
страшные глаза свои. Сильные
вѣтры собирали тамъ густыя
облака непогоды, бури шумѣ-
ли около его, и угрожали ему
мщеніемъ; небо повсюду ме-
тало свои молніи, но Кифри бо-
лѣе раздражался, нежели при-
ходилъ въ ужасъ; выпуклые и
обращающіеся глаза его были
какъ парусы разбитого бурями
корабля.

Сосны падали съ высоты горъ, и камни валились къ ногамъ его.

Глаза великановы горѣли бѣшенствомъ и опчаяніемъ; они подобились двумъ звѣздамъ, смѣшенно свѣпящимъ въ сильныя бури. Онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на сраженіе спорящихъ между собою стихій. Смяте-

B 5

hie

ніе природы его не устращало. Онъ дерзнулъ явно изблевывать прошивъ Аллы и пророка его Магомета сіи слова :

„ Сіи ли сущъ дѣла Творца и Бога природы? Или Онъ, раздраженный прошивъ своего шворенія, паки хочетъ обрати въ ничтожество? Или Онъ прошивъ воды своея оросилъ древа лѣсовъ сихъ, скрывающія гордые верьхи свои въ облакахъ? Не самъ ли Онъ повелѣлъ рассти имъ въ шолікую высоту, и единственнo для того, чѣтобъ послѣ ихъ во гнѣвѣ своемъ поразитъ и разбитъ своими молніями? Естли Онъ находитъ свое удовольствіе въ разрушеніи, то да зрѣтъ новую въ мірѣ смерть, вышшую Его могущества! Кифри не хочетъ болѣе житъ на земли Его невольникомъ : онъ съ охотою идетъ соединитъ жребій свой

свой съ жребіемъ Оддоманда, брата своего (*).»

Произнесши сіи хулы великанѣ, нагнуль ужасное свое шѣдо, чтобѣ охватишь великую гору, на которой онѣ лежалѣ, и невѣрояшною своею силою подняль оную опѣ самага основанія, на которомѣ она неподвижно стояла опѣ самага своего начала.

Раздираемая земля возстала и въ самыхъ своихъ основаніяхъ: въ нѣдрахъ ея слышанѣ былѣ великой ревѣ. Кифри, безѣ всякаго шруда поднявѣ, бросилѣ къ небесамѣ сію ужасную тяжесѣ земли.

Но

(*) Хулы великановы въ оригиналѣ гораздо пространнѣе описаны, но переводчикѣ, опасаясь, чтобѣ оними не соблазнишь читателя Христіанина, предпочелѣ за лучшее опустить ихъ.

Но вскинутая гора потчасъ упала на голову дерзкаго великана, и подавила его своею тяжестію. Такимъ образомъ наказана гордосць Кифри. Города Индіи колебались отъ ея паденія, воды Океана изступили изъ береговъ своихъ до конецъ Азіи, страхъ и ужасъ изображены были на челахъ обиташей востока; они спрашились бытъ погребены во мракъ вѣчной ночи. Но Алла скоро послалъ свое солнце освѣтитъ щастливья страны, населяемыя вѣрными его и любимыми народами.

Султанъ получилъ вѣдомосць о смерти великана Кифри чрезъ одного изъ бѣжавшихъ съ Агюбаломъ, которой припомъ объявилъ, что онъ, увидѣвши великана, скрылся въ одну бывшую въ горахъ пещеру.

„Го-

„Горамъ! сказалъ Миснаръ своему вѣрному Визирю: непріатели наши испреблены. Семь изъ нихъ умерщвлены, осталась только одна слабая женщина, которой спрасситься не имѣемъ причины. Кифри, спрахъ Азіи, погибъ послѣдній, принеши въ жертву своему бѣшенству Агюбала, измѣнника Агюбала. Войска бунтующаго Принца разсыпаны, и провинціи мои придутъ въ повиновеніе; однако намъ не должно ничего презиратьъ, что предписываетъ предосторожность и благоразуміе. Я хочу содержать сильное войско, которое бы всегда было въ готовности выступить въ походъ при малѣйшихъ движеніяхъ. Я пошлю вѣрныхъ правителей для храненія моихъ провинцій и содержанія ихъ въ повиновеніи. Благоразуміе того пребудетъ, чтобъ

чтобъ предостерегать себя противъ опасности прежде, нежели она постигнетъ. „

Визирь Горамъ подтвердилъ Султановы намѣренія. Миснаръ возвратился съ побѣдою въ столицу свой городъ Делли.

Миръ и правосудіе воцарились съ младымъ Султаномъ, и хотя онъ многократно испытывалъ правосудіе и вѣрность своего Визиря, однако рассуждалъ, что онъ государствомъ долженъ править самъ собою, а не поручать кому другому умножать народное благо, которое онъ можетъ распространить собственными своими попеченіями.

„Визирь! часто говаривалъ онъ Гораму: уже ли подданные мои щасливы? Могу ли я имъ доставить большее благоденствіе? Я царствую для нихъ, а не для себя. Я наказалъ пороки,
какъ

какъ отецъ употребляетъ нужную строгость прошивъ чадъ своихъ. Но я люблю моихъ подданныхъ, и ищу привлечь къ себѣ сердца ихъ моими благодѣяніями. Отецъ можетъ иногда показывать печальной и строгой взоръ дѣтямъ своимъ, но и они бывають унылы; ежели же онъ смотритъ на нихъ съ улыбкою, тогда почитаютъ они себя щасливыми. Но, Горамъ! не помнишь ли ты еще чего о приключеніяхъ Магуда? Кто меня можетъ въ томъ увѣришь, что уже его никакой столь же безчеловѣчной, какъ Беннаскаръ, волшебникъ, не мучилъ его болѣе, какъ и невинную жертву Княжну Гемжунагу?»

„Государь мой, мой повелитель! отвѣщствовалъ Визирь: ни шруды, ни опасности воинскія

скія ни на минушу не могли испребить изъ памяти сію несчастную Княжну, которую волшебница Улина превратила въ споль же гнусной видъ, какъ и Бѣднаго Магуда. „

„Я также никакъ не забылъ ихъ несчастія, перервалъ Миснаръ; но попеченія и труды правленія препятствовали мнѣ доселѣ искать ихъ. Княжна конечно у отца своего, Короля Кассимирскаго; а Магудъ можетъ быть между жителями Деллійскими спенаетъ подбѣжестію своего несчастія. Визирь! прикажи всѣмъ чашнымъ смотрителямъ города искать по ихъ запискамъ, искать имя и жительство сего сына богатого алмазчика, и привести его завтра поушру ко мнѣ, ежели его найдутъ. „

По-

Повелѣніе Султаново было исполнено. Всѣ Кади весьма щещательно старались узнать о Магудѣ. Имя его не было извѣстно ни имъ, ни другому кому въ городѣ, и всѣ ихъ исканія остались щещны.

На другой день поутру Горамъ пришелъ въ Диванъ, и объявилъ Миснару, что ничего не найдено въ запискахъ о Магудѣ.

Султанъ симъ чувствитель-но былъ пронутъ. Потомъ разсмащивалъ челобитныя просителей, и сдѣлавши всякому правосудное удовольствіе, кто чего былъ достоинъ, приказалъ послать къ себѣ Визиря.

„Горамъ! сказалъ онъ съ чувствительностію: бѣдной Магудѣ безъ сомнѣнія въ семъ городѣ. Кади мои не исполнили своей должнѣсти. Все еще у насъ въ безпорядкѣ. Горамъ! это я

Часть IV.

Г

вамъ

вамъ говорю. Вѣрьте, что сей несчастной сынъ богатаго Делійскаго алмазчика почелъ бы себѣ за честь припши ко мнѣ сказать, что онъ былъ сошоваищемъ Индійскому Султану во дни его бѣдствованій. Я точно увѣренъ, что онъ не умедлилъ бы пасть предъ престоломъ моимъ, еспли бы ему какое препятствіе въ томъ не возбраняло. „

„Повелишель воли моя ! отвѣтствовалъ Визирь : еспли Магудъ въ городъ, то какія бы причины удерживали его не опкрыться, и какъ можно Кадіямъ отыскивать его? Куда они пойдутъ искать укрывающагося человѣка, котораго они никогда не знали, и которой не опкрывать себя спавишь себѣ за удовольствіе? „

„Въ

„Въ добропорядочно правомѣрномѣ городѣ, сказалъ Султанъ, самой подлой и скипающей челоуѣкъ сполькожѣ бываетъ начальствамъ извѣстенъ, какъ и самый знатнѣйшій. Доброе градоуправленіе всегда имѣетъ надежныя средства изыскивать злодѣевъ, ищущихъ своего спасенія въ укывательствѣ. Челоуѣкъ, не смѣющій дать о себѣ свидѣтельствва, есть врагъ общества. Можно обязать добродѣтельныхъ гражданъ, чтобу они объявляли о себѣ и о своихъ промыслахъ безъ всякаго приушенія ихъ свободы. Спыдающиеся своихъ дѣлъ ищутъ всегда для укыванія своего мѣста мрачныхъ, и должностъ правительствва есть открывать предъ народомъ поступки злыхъ, чтобу послѣ имъ никто ни въ чемъ не вѣрилъ. Тайноспъ и укывательствво ча-

сто бывають орудіемъ злодѣ-
ній. Государь, желающій вездѣ
препятствовать злу, которое
производится явно и тайно,
ничего лучше сдѣлать не мо-
жетъ, какъ дать всякому изъ
своихъ подданныхъ отличитель-
ные знаки въ разсужденіи пола,
возраста и промысла; ибо плу-
товство всегда скрывается подъ
личиною лицемѣрія, и люди, рас-
положенные ко злу, всегда по-
казываютъ себя добродѣтельными
ними. Но прежде, нежели сдѣ-
ланы будутъ въ разсужденіи се-
го хорошія распоряженія, хочу
я самъ собою узнатьъ прямое
состояніе моей столицы, и я
лучше могу изъ царствующаго
въ оной беспорядка усмотрѣть,
какъ выгодыишія и сходствен-
ныишія со всякимъ состояніемъ
положить узаконенія. Визирь!
сыщи мнѣ два плащя для пере-
одѣ-

одѣтія: одно для меня, а другое для себя; а между тѣмъ пошли Эмира Мапзерака посланникомъ къ Султану Кассимирскому для освѣдомленія о Княжѣ Гемжунагѣ. „

Визирь принесъ два Факирскія (*) плащя къ Султану, и въ тотъ же самой вечеръ перодѣтый Султанъ пошелъ прохаживаться по городу, сопровождаемый своимъ Визиремъ.

Едва только вышли изъ палатъ, какъ нѣкоторой Факиръ, съ рогомъ въ рукахъ, встрѣтился съ ними, и просилъ, не угодно ли имъ раздѣлить съ нимъ полученную имъ милостыню.

Султанъ принялъ предложеніе незнакомаго, боясь раздражить его.

Г 3

Они

(*) Факиры, шатающіеся въ Индіи монахи.

Они удалились въ тайное мѣсто. Незнакомой Факиръ вытащилъ изъ своей, сумы собранной имъ столовой запѣсь; онъ удѣлилъ отъ онаго своимъ новымъ собратіямъ, и они начали ужинать.

„Любезной братъ! сказалъ Факиръ переодѣтому Султану: я вижу, что вы еще недавно въ вашемъ промыслѣ. Вы не имѣете того вольнаго и нестыдливаго духа, какой надобенъ во время нужды. Вы не знаете свѣща. Изъ вашего воздержнаго вида и скромности усматриваю я, что вы весьма бы смутились, естли бы случилась такая встрѣча, какая была вчера со мною близъ сего города.“

„Чтожъ такое было? спросилъ съ удивленіемъ новый Факиръ? Наружность всегда бываетъ

ваетъ обманчива. Хотя я и не сполько обходипеленъ, какъ вы, но я сполько же смѣлъ и не-успрашимъ. „

„О! вскричалъ Факиръ: я начинаю бояшья и подозрѣвать, что вы конечно намъ ложной брата. Развѣ вы не знаете, что мы опкровенны между собою, и опсорожны съ незнакомыми и хилрыми, посредѣ копорыхъ мы живемъ? Какую жестокою вели вы жизнь? Какіе знаки покаянія и свяпоспи можете вы показать? Клянусь вамъ вѣрою, копорую я исповѣдую, что я васъ опсавлю, и шеперь болѣе не хочу разговаривать съ вами, ежели вы не покажете мнѣ испинныхъ знаковъ, что вы не обманщики и неложные брата. „

Визирь, примѣшя Сулпаново смященіе, вступился за него, и сказалъ Факиру:

„Достойный Факиръ! откуда вы идете? Или вы столько удалены отъ нашего общежитія, что не знаете Алезрена, Папріарха святыхъ, котораго святошю исполненъ городъ Делли, и предъ кошорымъ Эмиры съ почтеніемъ покланяюща; котораго народъ обожаетъ, лобызая слѣды ногъ его? Я вижу, что вы очень не давно въ Делли; пошому что слава о Алезренѣ еще не пронеслась до васъ. „

„Любезной братъ! перервалъ Факиръ: слава о Алезренѣ не полагаетъ предѣловъ своихъ только въ городъ Делли; вся Азія почитаетъ его святымъ. Но гдѣ знаки свящести, напечатлѣнные на челѣ и ланищахъ его? Гдѣ изможденіе плоти отъ поста и покаянія? Гдѣ слѣды слезъ, которыя сей любимецъ Аллы

Аялы не престають проливать
 для обращенія грѣшниковъ?
 Нѣтъ, молодой лицемѣръ! воз-
 растъ и испытанность безраз-
 судно не бросается въ сѣти мла-
 доси. Разумной слонъ обхо-
 дитъ осторожно тенета, раз-
 кинушыя ему глупыми. Но не
 думайте, чѣмъ ваше высоко-
 уміе оспалось ненаказаннымъ,
 и чѣмъ свящось нашего ис-
 повѣданія была такъ безчещена
 законопреступною дерзостію
 буйственной юности.»,

Факиръ вдругъ вскочилъ, и
 обшекая улицы, наполнялъ воз-
 духъ своими жалобами.

На крикъ его стеклось мно-
 жество народа; и какъ узнали,
 что два безразсудные юноши
 переодѣшы въ Факиры, окру-
 жили со всѣхъ сторонъ Султа-
 на и его Визиря. Суевѣрный на-
 родъ хотѣлъ ихъ убить въ сво-

емъ неистовствѣ. Миснарѣ и Горама въ великое пришли смущеніе. Но Визирь, принявши на себя величавый видъ, вскричалъ повелительнымъ голосомъ: „Невольники! остановитесь, узнайте вашего Султана въ одеждѣ Факира; падите поклоншеся предъ Царемъ Индіи, и доломъ его народа! „

Къ щастію ихъ ближайшіе къ Султану потчасъ узнали его и защищали его противъ нападенія необузданной черни. Безъ того конечно бы слова Визиревы приняты были за пустой вымыселъ, чтобъ только избѣгнуть праведнаго наказанія за ихъ преступленіе.

Какъ Факиръ узналъ, что почитаемый имъ за ложнаго брата былъ истинный Миснаръ, Султанъ Индійскій, и что всякой

кой повергался предъ нимъ, хотѣлъ было бѣжать.

„Друзья мои! сказалъ Султанъ: поймайте сего бѣдняка, чтобъ онъ не могъ уйти; а ты, Горамъ! прикажи его опвесити въ темницу, чтобъ онъ тамъ былъ подъ стражею до утра, а завтра представьте его въ Диванъ правосудія.“

„Воля моего Государя есть непремѣняемый законъ, опвѣщивалъ Горамъ; но я васъ прошу, Государь, возвратитесь въ ваши палаты, и болѣе не подвергать себя народному спремленію.“

Миснаръ охотно послѣдовалъ Визиреву совѣту. Народъ провождалъ Миснара до самыхъ его палатъ. Воздухъ наполнялся радостными криками: „Да здравствуетъ Свѣтлѣйшій нашъ Султанъ, слава своихъ подданныхъ!“, Сул-

Султанъ, возвратившись въ свои палаты, сказалъ Визирю: „Горамъ! всякой предопредѣленъ особенно къ тому, чего послѣ никакъ избѣжать не можетъ. Неразуміе тѣхъ, кои оставляютъ прямой путь, чѣмъ впасть въ своевольству испорченнаго воображенія, довольно доказано происшествіемъ, съ нами нынѣ приключившимся. Хорошо, еслибъ всякой оставался въ своемъ званіи, и искалъ бы оплечить себя, не вмѣшиваясь въ званіе другаго, гдѣ онъ никогда ничего пріобрѣсти не можетъ, кромѣ стыда и неудовольствія. Но допрося завтра всенародно сего Факира въ Диванъ, сдѣлаю только то, чѣмъ болѣе объяснитъ сіе приключеніе, которое не дѣлаетъ намъ славы. Я хочу, чѣмъ провести какъ можно скрытнѣе. Горамъ! слабости Го-
суда-

сударей всегда бывають видѣть
прочихъ. Это для нихъ пред-
осторожность, чѣмъ не дѣлать
ничего такого, что не одо-
бряется всемъ ихъ, народомъ. „

Визирь повинулся повелѣні-
ямъ Султана. Факиръ въ око-
вахъ предспалъ предъ Султана.

Жегомый стыдомъ, пора-
женный страхомъ, бросился онъ
въ трепещъ къ ногамъ своего
Государя и суди, и бѣя челомъ
о землю, говорилъ ему:

„Пророкъ да будетъ свидѣ-
телемъ истинны! Алла знаетъ,
что я не убилъ человека въ мо-
емъ гнѣвѣ, я хотѣлъ только
защищать жизнь мою. . . . „

„О какомъ ты говоришь
человѣкѣ? спросилъ удивленный
Султанъ. Кого ты убилъ, не-
щастный Факиръ? Какой страхъ
твой свидѣтельствуетъ про-
тивъ тебя? „

„Увы!

„Увы! перервалъ Факиръ: да удостоишь мой Государь выслушать меня. Я раздражилъ правосудіе Султана, моего Государя, и кровь брата моего преслѣдуетъ меня.“

„Я шелъ вчера въ самый дневный жаръ, и увидѣлъ въ городской спѣнь пещеру, кошую почелъ за кладбище, гдѣ погребающія мертвые. Двери были отворены, я вошелъ въ оную, чѣмъ подѣ шѣнь въ оную удалился отъ зноя солнечнаго.“

„Входя въ оную, увидѣлъ я въ одномъ углу открытой гробъ. Я подошелъ и услышалъ смѣшанной нѣкоторой шумъ, какъ бы соединенные голоса многихъ челоѣкъ. Я испугался, и почелъ сіе опверстіе обиталищемъ разбойниковъ. Не зналъ, что дѣлашь,

лашь , ишли ли мнѣ далѣе , или
бѣжаешь.»,

„ Между тѣмъ молодой чело-
вѣкъ въ чамѣ вдругъ выскочилъ
изъ гроба. Увидя меня , выхва-
шилъ свою саблю , и подско-
чилъ ко мнѣ , чѣмъ заколотъ
меня. Я едва успѣлъ поднять
камень , лежащій у ногъ моихъ :
я бросилъ камень въ него , и
онъ отъ удара палъ запылкомъ
на землю. Я потчасъ подбѣ-
жалъ къ нему , вырвалъ изъ
рукъ его саблю и хопѣлъ прон-
зить его ею , какъ вдругъ
поднял онъ голосъ свой , гово-
ря : „ Ты теперь власень въ
моей жизни , но знай , безраз-
судный человѣкъ ! что ты хо-
чешь сдѣлать ; ты , опнимая у
меня жизнь , опнимаешь оную
у двоихъ. „

„ Изумившись и не понимая ,
какъ можно опнять жизнь у
дво-

двоихъ, опмищая только тому, копорой хотѣлъ умертвить меня безъ всякой причиненной мною ему обиды, оспановился и хотѣлъ просить ему. Но онъ, видя, что я опустилъ руку, схватилъ за оную и хотѣлъ вырвать у меня саблю, которую я очень слабо держалъ. Я опшполкнулъ его, и однимъ ударомъ опрубилъ ему голову.»

„Учинивъ сіе, полчасъ я убѣжалъ, боясь, чтобъ не быть самому убиту опъ его шоварищей. Я взошелъ въ городъ Делли, гдѣ препроводилъ спокойно ночь и нынѣшній день, питаясь милостію вѣрныхъ дошѣхъ самыхъ поръ, какъ вспрѣтился съ моимъ Государемъ и его Визиремъ въ одеждѣ двухъ Факировъ. „

„И для чего же ты самъ себя обвинилъ? перервалъ Султанъ;

нанъ; ибо ты убилъ его, защищая единственно жизнь свою. „

„ Образъ и примѣръ правосудія! отвѣщивалъ Факиръ: я не упрекаю себя въ смертоубивствѣ челоукоубійцы; небо въ томъ мнѣ свидѣлемъ. Я бы не опнялъ у него жизни, естли бы онъ не искалъ моей. Одна необходимостъ принудила меня умертвить его. Душа моя нѣмъ только смущается, что онъ мнѣ сказалъ, что я, опнивая у него жизнь, опниваю у двоихъ. И пошому ужа-саюсь, не кроется ли какая тайна подъ сими словами; иди, можешъ бышь, хотѣаъ онъ предсказать, что смерть его бу-детъ причиною моей. „

„ Ежели дѣло было такъ, какъ ты сказываешь, продолжалъ Султанъ, то пресупле-нiе приписано бышь должно

Часть IV. Д на-

нападавшему; однако повѣствованіе твое споль опмѣнно, что я хочу яснѣе узнать сіе отъ другихъ, нежели отъ тебя. Ты не получишь свободы до тѣхъ поръ, пока я пошлю моего Визиря съ частію солдатъ для узнанія показаннаго тобою мѣста. „

Тотчасъ Визирь приказалъ воинамъ сѣсть на лошадей. Любопытство Султаново было споль велико, что хотя было уже и поздно, хотѣлъ ѣхать самъ съ Визиремъ.

Воины по повелѣнію Визиреву приготовились тотчасъ идти на обыскъ. Миснаръ и Горамъ сѣли на своихъ бѣгуновъ. Факиръ подъ стражею провождалъ ихъ.

Они скоро прибыли къ ущелію. Горамъ сошелъ съ лошади съ десятию спражами. Они по-
шли

шли пѣшкомъ: Факиръ повелъ ихъ ко гробу, гдѣ онъ слышалъ смѣшанный шумъ голосовъ, и опѣкуду вышелъ молодой человекъ.

Они нашли пѣло убишаго, лежащее близко гроба, и голову на нѣсколько шаговъ отъ онаго, что и увѣрило ихъ о истиннѣ словъ Факировыхъ.

Воины сошли во гробъ. Они тамъ не нашли никого. Но увидѣли въ другомъ углу кладбища родъ надгробнаго зданія, или каменной могилы, сдѣланной изъ двухъ черныхъ мраморовъ, которые покрывали прѣпій мраморъ такого жѣ цвѣта.

Справа хотѣли опвалить камень, но всѣ усилія ихъ остались тщетны.

Визирь, узнавши о сихъ обстоятельствевахъ, донесъ Султану.

ну. МиснарѢ, которой еще не забылѢ шѢхѢ обмановѢ, какіе волшебники выдумывали для его уловлеція, опасался новыхѢ сѢшей со стороны ихѢ. ОнѢ пребылѢ въ неизвѣстности и нерѣшимости, что ему предпринять должно.

ВдругѢ луна зашмилась, небо воспламенѢло, какѢ разженная печь; слышанѢ былѢ ужасной шумѢ, которой казался исходящѢ изѢ нѢдрѢ земли; нестерпимый смрадѢ разлился по воздуху. ИзѢ огненного облака вышла женщина столь же спрашнато, какѢ и гнуснаго вида; она несена была чудовищемѢ, что ногѢ имѢющимѢ.

СѢ проливной стороны на воспокрѢ мракѢ ночи проливѢ порядка природы разсыпался; небо покрылось чистѢйшею синешюю. Солнце восходило для освѣщенія

щенія шествѣя любезной и благо-
дѣтельной Нимфы, которая
спускалась съ небесъ. Пріят-
ность сіяла на лицѣ ея, любовь
покоилась на прелестныхъ ея
ланищахъ.

„Гиппакюзанъ! сказала не-
бесная Нимфа, обращаясь къ спа-
рой волшебницѣ: для чего ты
поднимаешь слабыя твои ору-
жія противу небесной силы? Ми-
снаръ есть любимецъ Аллы. Но
если ты учинилъ онъ какое не-
правосудіе, то Всесильный зналъ
бы, какъ употребить тебя ин-
струментомъ мщенія для нака-
занія бунтующаго Принца. И
такъ не превозносися, гордая
женщина, твоею силою, узнай
границы твоего могущества, и
не предпринимай войны противъ
небесъ! Спрашись, чтобы вѣр-
ные духи не усмирили твоего
неисповѣда; спрашись бытъ

причислена къ шѣмъ, коихъ шрупы валяющіяся разшерзаны на горахъ въ пищу плошоядымъ звѣрямъ!,,

„Подлая невольница свѣта! отвѣщивовала волшебница Гилпакюзанъ: я презираю твои угрозы и пусшой блескъ, тебя окружающій. Безпорядокъ и война, страхъ и кровопролитіе, разрушеніе и опустошеніе, пріятнѣе очамъ моимъ и любезнѣе сердцу моему, нежели сіяніе небесъ, на коихъ обитаешь Господь твой. Знай, гордой и щеславной духъ! что я лучше хочу быть погребена въ мрачныхъ удоліяхъ смерти близъ убіенныхъ моихъ брацій, нежели сидѣть съ подобными тебѣ невольниками на райскихъ престолахъ.„

„Гнусная и злочеспивая женщина! перервала божественная Нимфа: престань хулишь имя
Со-

Создателя твоего и дѣла, имѣ
творимыя; научись почищать
Всемогущаго, котораго ты не-
достойна быть твореніемъ.»

По окончаніи сихъ словъ пла-
мень, на подобіе меча, обоюду
остраго, изшелъ изъ устъ боги-
ни прямо Гиппакюзанѣ, сѣдящей
посредѣ огненнаго облака, и по-
разилъ ее. Волшебница испусти-
ла ужасной крикъ, и полетѣла
къ мрачнымъ странамъ запада.

Тогда Нимфа снизшла къ
Сулшану. Ослабляющее ихъ сі-
яніе, которое ее окружало, раз-
сыпалось. Миснарѣ, Горамѣ, Ви-
зирѣ его, и воины, пали предъ
симъ небеснымъ духомъ.

„Встань, Миснарѣ! сказала
Богиня; встань любимецъ не-
ба! Войди смѣло во гробъ,
гдѣ очарованія Гиппакюзаны уже
окончались.»

Султанъ хотѣлъ отвѣстствовать, но Нимфа не дала ему времени говорить; она его сама повела ко гробу, приказывая ему войши въ оной съ собою и отворишь надгробное зданіе, которое было на днѣ онаго.

Какъ онъ поднялъ мраморной камень, оное замыкающій, вздохъ слышанъ былъ, исходящій изъ земли, и совершенная красавица вспала, какъ бы пробудившись отъ глубокаго сна.

„Божественное бытіе! скавалъ Султанъ съ нѣжнымъ движеніемъ духа и равнымъ пріятному чувствію почтеніемъ, какое онъ почувствовалъ при видѣ незнакомой красавицы; божественное бытіе! скажи мнѣ, кто такова сія, которую я имѣю щастіе извлечь изъ жилища мертвыхъ? „

„Ахъ

„Ахъ! сказала незнакомка, открывая глаза: не недостойный ли это Беннаскаръ, или подлой Магудъ? Ахъ! оставьте меня спать здѣсь до смерти, чтобъ мнѣ не видѣть болѣе ужасовъ жизни. „

„Какъ! вскричалъ пораженный удивленіемъ и восхищенный радостію Султанъ: не Княжну ли Кассимирскую нахожу я здѣсь? „

„Гемжунагъ, Свѣплѣйшая Княжна! сказалъ Визирь Горамъ: вы видите у ногъ вашихъ славнаго Миснара, Свѣплѣйшаго Султана Индіи. „

Княжна бросала около себя взоры подозрѣнія, неизвѣстности и удивленія.

„Гемжунагъ! сказалъ ей духъ: не сомнѣвайся о истинѣ словъ Визиря Горама. Индійскій Султанъ предъ тобою. Макома, твой

Ангелъ покровитель, въ томъ
тебя увѣряешь. „

„ О духъ, помощь и утѣ-
шеніе пришѣсненныхъ! ободрив-
шись оцѣвѣспивала ему Княж-
на: сомнѣніе исчезаетъ предъ
тобою. Но не удивляйся моей
неизвѣстности, вся жизнь моя
была цѣпію несчастій и пре-
вращеній. Алла! о Алла! для
чего ты меня сотворилъ сла-
бѣйшею изъ твоихъ созданій,
болѣе всѣхъ подверженною оча-
рованіямъ, обманамъ и заблуж-
денію? „ . . .

„ Сомнѣваешься о премудро-
сти и промыслѣ Божіемъ, пере-
рвалъ Макома, есть дѣло мла-
денцевъ, удаляющихся отъ раз-
ума. Поди, зеркало правды и
разумѣнія, проспри твою руку
и измѣрь безчисленные жилища
вѣрныхъ, возьми твои вѣсы и
извѣсь премудрость твоего Со-

зда-

вдашеля и истинну дѣла Его ;
поди наконецъ соединиться съ
проклятымъ родомъ бѣшенства
и злобы , опѣ копорыхъ пред-
охранялъ я тебя , и опрыгай съ
сими несмысленными хулы на
бесконечную благость , копорой
ты понять не можешь . „

„О духъ ! просни моей сла-
бости , опѣвшислвовала Гемжу-
нагъ прогающимъ голосомъ . Раз-
умъ мой заблуждалъ деселѣ . Я
признаю глупость моихъ мы-
слей . Слабы суть дѣла земли ,
смѣшенны и погрѣшительны мы-
сли ихъ . „

„Правда , сказалъ Макома ,
человѣкъ слабъ , но долженъ ли
быть высокомеренъ ? Слабость
твоя не должна ли была на-
учить тебя предохранять себя
опѣ мыслей гордости и высоко-
умія ? Развѣ ты уже не по-
мнишь , что Миснаръ терпѣлъ ,
какъ

какъ ты и съ побою вмѣстѣ ,
но не потерялъ надежды на Мо-
гущаго вся. Въ сію минушѹ Гип-
накюзанѣ погрузила бы тебя въ
вѣчное безчувствіе , изъ копо-
раго извлечена ты мною , есѣ-
ди бы Алла, видя твои терпѣ-
нія , не сжалился на твои жало-
бы и мученія. „

„Благословенъ да будешь Ал-
ла! сказала Княжна , и благо-
словенны служиши его, настав-
ляющіе и помогающіе слабостямъ
и утѣшеніямъ!

„Раскаяваясь въ своихъ по-
грѣшностяхъ, продолжалъ духъ,
есѣ просишь въ оныхъ проще-
нія, которое и заслуживающъ ра-
скаивающіеся. Гемжунагъ, споль
долго при тѣсняемая злыми,
споль долго спенавшая подъ
тяжестію несчастій, всегда бы-
да чиста и безпорочна; цѣло-
мудріе ея сохранило цвѣтъ ея
кра-

красоты въ самыхъ печалѣхъ и гоненіяхъ. Но я не буду изчислять ея несчастія; ибо никто не въ состояніи яснѣе описать ихъ, какъ тошъ, кто на себѣ испыталъ оныя. „

„Индійскій Султанъ! присоединишь Макома, говоря къ Миснару: я отдаю Княжну Касси-мирскую въ твои руки, будучи увѣренъ, что ты будешь поступать съ нею такъ благородно и такъ великодушно, что нѣжность ея чувствій ничѣмъ огорчена не будетъ. Отправь скорѣе посланника къ достойному и добродѣтельному ея родителю для извѣщенія его о жребіи любезной его дочери. „

„Наспавленія Макомы, сказалъ Султанъ, поклонившись до земли, суть правила добродѣтели и человѣчества: воля его исполнена. „

Духъ

Духъ сокрылся. Миснаръ отъправилъ нѣсколько воиновъ въ Делли съ повѣдѣніемъ, чтобъ начальникъ евнуховъ пригото-вилъ какъ наискорѣе коляску со всемъ нужнымъ для спокойнаго перевезенія Княжны Касси-мирской въ городъ.

Во время сихъ пригото-вленій Султанъ и его Визирь разговаривали съ Гемжунагою. Горамъ съ нетерпѣливостію хотѣлъ слышать повѣсть о ея приключеніяхъ. Не меньше того же-далъ и Султанъ, но отложили до возвращенія въ палаты; ибо Княжна послѣ тяжелыхъ муче-ній и безпокойствъ искала от-дохновенія.

Начальникъ евнуховъ при-былъ съ коляскою и невольника-ми. Княжна вѣбхала въ Делли на разсвѣтъ. Ее тотчасъ проводи-ли въ Миснаровы палаты, гдѣ
для

для нее приготовлены были великолѣпные покои, въ коихъ принята она была первѣйшими и лучшими серальскими женщинами.

Между тѣмъ Султанъ не позабылъ приказать освободить Факира. Онъ по обыкновенію своему пошелъ въ Диванъ, и опрививши дѣла правосудія, возвратился для отдохновенія въ свои палаты.

Княжна Кассимирская, побуждаемая благодарностію, нѣсколько отдохнувши по толкихъ понесенныхъ безпокойствахъ, послала начальника евнуховъ къ Султану тогожъ вечера пребыть позволенія прилпши пасты къ ногамъ его и благодарить за его освобожденіе.

Миснаръ принялъ сіе посольство съ превеликою радостію. Онъ приказалъ позвать Горамъ

и пошелъ съ нимъ въ свой се-
рааль. Княжна Кассимирская си-
дѣла на слоновомъ тронѣ посре-
ди множесства женщинъ и не-
вольниковъ.

Какъ скоро Княжна увидѣ-
ла Сулшана, сошла съ трона и
поклонилась предъ Сулшаномъ.
Миснаръ поспѣшилъ поднять ее,
взявъ за руку и сказалъ: „Встань-
те, обожаемая Княжна! не уни-
жайтесь столько предъ вашимъ
невольникомъ.“

Гемжунагъ отвѣстствовала:
„Свѣтлѣйшій мой избавитель!
благодарность и признатель-
ность, которыя обыкновенно
умножаютъ добродѣтели Госуда-
рей, весьма слабо теперь описы-
ваютъ рѣдкія качества Индѣй-
скаго Сулшана. Тѣ, которые
насъ не видывали, не могутъ
имѣть, какъ только самое сла-
бое воображеніе о вашихъ досто-
инствахъ.“ „Есть-

„Естьли бы я любилъ ласкательство, ошвѣтствовалъ Султанъ, то бы конечно съ большимъ предъ прочими удовольствіемъ принялъ изъ устъ Княжны Кассимирской; но я хочу требовать отъ васъ другаго изъясненія, которое всѣхъ приведетъ въ удивленіе. Любезная Гемжунагъ общала намъ разсказать свои рѣдкія приключенія. Горамъ, вѣрный другъ моего сердца и сотоварищъ въ моихъ несчастіяхъ, пришелъ со мною слышать вашу повѣсть. „

„Государь! сказала Гемжунагъ: я весьма бы безразсудно сдѣлала, если бы скрыла отъ васъ то, что вы столь непереносливо знаете желаете. „

Султанъ далъ знакъ невольникамъ, чтобъ они вышли вонъ.

Часть IV.

Е

ПО-

ПОВѢСТЬ

О Княжнѣ Кассимирской.

Сказка осьмая.

Таковой бываетъ часто жребій великихъ, говорила Княжна Кассимирская, чѣмъ частныя и собственныя ихъ выгоды жертвуемы были народному благу. Слава и честь суть побудительныя причины, копорыя жертвовашъ вашему, Государь, полу для общаго блага всѣмъ повелѣваютъ, и вы безъ ошягощенія жертвуете; но что касается до насъ, мы бываемъ жертвуемы безъ согласія нашихъ чувствованій, и мы не имѣемъ средства быти полезными общему благу, какъ только давать нашу руку противъ склонности нашего сердца. Такая и моя была судьба. Мнѣ еще не бы-

было принашцати лѣтъ, отецъ мой общалъ меня Принцу Георгіанскому (Грузинскому), какъ мать моя объявила мнѣ сію печальную для меня вѣдомость. Я ей представила съ почтеніемъ, что я еще очень молода; къ тому же прибавила я, что не знаю никакъ Принца Георгіанскаго, и что мнѣ не можно рѣшиться въ его пользу, не зная его достоинствъ, которыя бы заслуживали мое почитаніе и любовь.

„Любезное дитя! сказала мнѣ Шедеразада: не надобно думать въ обязательствахъ жизни только о собственныхъ нашихъ выгодахъ; надобно, чтобъ частное наше благо было соединено съ пользою народа. Родитель твой обязанъ Принцу Георгіанскому, которой оказалъ ему великія услуги въ послѣдней

Е 2

ней

ней войнѣ, и онѣ не зналъ лучше отблагодарить ему, какъ выдать за него дочь свою. Всѣ Кассимирскіе народы одобряли его выборѣ, копорой ихъ желаніямъ соотвѣшпвуемъ, и они почтутъ себѣ за особенное удовольствіе, что увидятъ щастливымъ своего благодѣтеля, владѣя сердцемъ Княжны ихъ.»

„Но, Государыня! отвѣшпвовала я: развѣ благо подданныхъ моего родителя требуетъ таковой жертвы? Требуемъ ли оно, чшобѣ я выгнана была изъ моего опечесшва вѣ опдаленныя страны, копорыхъ не знаю я ни нравовъ, ни языка? Или Кассимирскіе народы почиаютъ меня такимъ чудовищемъ, копорого опсущствіе должно и можетъ умножить ихъ славу и благоденствіе? Увы! гдѣ будетъ сладкое соедине-

єдиненіє сердець? Гдѣ будуть
пріятности любви въ столь
скоромъ и несчастномъ сопряже-
ніи съ незнакомымъ? „

„Вообразительныя увеселе-
нія любви, перервала Шедераза-
да, суть пустыя мечпанія,
представляемыя злыми духами
для умноженія числа дѣшей не-
покоривыхъ. Здравой разсудокъ
и истинная политика не при-
знають самовласпія любви. Согла-
сіе есть матеръ соединенія Го-
сударей, а любовь есть дщерь
ея. Жаръ спраспи скоро хла-
дѣтъ отъ своенравія, удоволь-
ствія, омерзѣнія и разсужденія.
Узелъ, соспавляющій выгоды и
пользы какъ въ частныхъ обще-
ствахъ, такъ и въ обществен-
ныхъ союзахъ, всегда бываетъ
вѣченъ и неразрывенъ. Вотъ,
Гемжунагъ! довольно сильныя
причины для убѣжденія себя

Б 3

хъ

къ согласію на желанія твоего
родителя; и я не сомнѣваюсь,
чтобъ онъ не напечатлѣлся на
твоемъ сердцѣ, ежели ты до-
вольно имѣешь благоразумія чув-
ствовать основательность
оныхъ. А ежели ты еще не
имѣешь столько разсужденія въ
сходственномъ для тебя выбо-
рѣ, то лучше позволь научить
тебя тѣмъ, которые могутъ
управить твои склонности къ
большому твоему благополучію.,

Выговоривъ сіе Шедеразада,
ославила меня. Я проливала
источники слезъ. Предавшись мо-
имъ печальнымъ размышленіямъ,
представляя я въ спенаніи же-
стокость моего жребія.

Кормилица моя Элубру была
свидѣтелемъ жестокихъ прика-
заній моей матери, и наложенной
ею на меня должности. Она
снѣдалась утѣшать меня. Но сло-

слова ея изглаживались изъ сердца моего, какъ легкій вѣтеръ, ударяясь о каменистыя горы, съ ревомъ опскакиваетъ опѣоныхъ. Къ умноженію моего несчастія пришелъ ко мнѣ начальникъ евнуховъ съ повелѣніемъ, чѣшобъ я приготошвилась принять къ себѣ Султана, опца моего.

Султанъ Кассимирской вошелъ въ мои покои, и я поклонилась ему съ опмѣннымъ почщеніемъ, какъ родителю.

„Гемжунагъ! сказалъ онъ мнѣ: Принцъ Георгіанской мнѣ другъ; я хочу ему опдать дочь свою. „

Сіе скорое и нечаянное объявление несчастія, котораго я прежде не воображала, поразило меня какъ громовымъ ударомъ. Я упала въ обморокъ въ присутствіи Султана, не имѣя силъ опвѣчать ему; и какъ я полу-

чила употребленіе чувствъ моихъ, що увидѣла себя лежащую на софѣ и кормилицу свою у ногъ моихъ.

„ Любезная моя Княжна ! сказала миѢ Элубру : сколь для меня тягостно видѣшь васъ споль печальною : и я спрашусь умножить ваше мученіе вѣдомоспію, копорую миѢ повелѣно сказать вамъ. „

„ Говори , Элубру, воздыхая отъвѣтствовала я ей : не опасайся ничего ; что со мною можетъ худшаго случиться, какъ бракъ съ чужестраннымъ Принцомъ? „

„ Княжна ! сказала она миѢ : ожидаютъ сюда Принца Георгіанскаго ; онъ будетъ симъ вечеромъ. Уже дѣлаютъ приготвленіе къ браку : располагаютъ шествіе ко олтарю, объявляютъ праз-

празднество и музыканты уже
въ готовности. „

„Жестокая Элубру, пере-
рвала я: что ты мнѣ сказыва-
ешь? Я нынѣшнюю ночь буду
награжденіемъ раззорителю, по-
хитителю дѣвъ; онѣ побѣди-
тель всякаго состоянія! „

„Нѣтъ, почтенная Княж-
на! перервала съ жаромъ одна
молодая невольница изъ подчи-
ненныхъ кормилицъ Элубру;
нѣтъ, вы не будете добычею
Принцу Георгіанскому, положи-
тесь только на меня. „

Вѣрная моя кормилица при-
ведена была въ изумленіе и сло-
вами своей невольницы и ушвер-
дительнымъ ея голосомъ, про-
износившимъ оныя. Она хотѣ-
ла призвать начальника евну-
ховъ, но невольница махнула
своею рукою, и Элубру оста-
лась

Е 5

дась неподвижна предъ нею ,
какъ послѣдняя невольница.

„Княжна ! продолжала она :
я другъ несчастныхъ, духъ мсти-
шель утѣсенной младости стро-
го и своенравною властію ихъ
родителей. Дайте мнѣ свою ру-
ку, и я васъ избавлю отъ чудо-
вища, вами ненавидимаго. „

„Какъ ! сказала я прелеща :
я ненавижу и отвращаюсь со-
юза съ Принцомъ Георгіанскимъ,
что онъ чужестранецъ , и что
я буду какъ невольница, какой
должности я никогда не знала,
и я удалюсь отъ дому отца
моего, не зная, куда онъ меня
поведетъ. Нѣтъ !...

„Хорошо, останьшесь и не
жалуйтесь болѣе на жестокость
вашего жребія, сказала мнѣ не-
вольница. Я слышу звукъ воен-
ной музыки, объявляющій при-
ходъ Принца. Прости любез-
ная

ная Государыня гордости и неумолимая Георгіанка (Грузинка).,,

И въ самомъ дѣлѣ услышала я звукъ шимпановъ, смѣшанный со гласами трубъ. Я уже болѣе не сомнѣвалась, чтобъ сіе не означало прибытія Принцова, и что онъ идетъ съ опцомъ моимъ въ сераль. Я простерла руку невольницѣ, крича къ ней: „Избавь меня отъ гнѣва родителей моего!,,

Невольница взяла меня за руку: она испустила изъ устъ своихъ легкое дыханіе, которое наполнило комнату, и мы онымъ дыханіемъ поднялись въ густый облакъ.

Я не понимаю, какимъ образомъ вышли мы изъ палаты отца моего. Сіе возвышеніе на воздухъ привело меня въ ужасъ, и я отъ страха лишилась чувствъ

мо-

моихъ. Когда я пришла въ чув-
ство, увидѣла себя въ велико-
лѣпной комнатѣ, и стоящаго
передо мною молодого юношу.

„Прекрасная Княжна, до-
стойная почианія Гемжунагъ!
сказалъ онъ мнѣ, бросившись къ
ногамъ моимъ: могу ли я надѣ-
яясь, что вы благосклонно
примете оказанную мною вамъ
услугу въ освобожденіи васъ отъ
Принца Георгіанскаго? „

„Увы! какую вы мнѣ ока-
зали услугу? спросила его. Увы!
куда ны меня привелъ? — Кпо
ны шаковъ, дерзкой человѣкъ,
копороу осмѣливаешься стоятъ
предъ Княжною Кассимирскою?
Элубру, вѣрная моя Элубру! гдѣ
ны шеперь? Гдѣ Пикзакъ, на-
чальникъ моихъ евнуховъ? Гдѣ
мои невольники и гдѣ спражи
сераля? „

„Кня-

„Княжна ! отвѣщивалъ юноша , не спарайшесь призы-
вать ихъ ; они въ царствѣ Кас-
симирскомъ , гдѣ мы ихъ оста-
вили , а вы теперь въ городѣ
Делли , въ домѣ купца Бенна-
скара . Но чѣмъ васъ долѣе не
оставишь въ неизвѣстности о
вашемъ жребіи , знайше , Княж-
на ! что я много уже лѣтъ для
купечества переѣзжаю изъ Дел-
ли въ Кассимиръ . Хотя я васъ
никогда не видывалъ , но всегда
слышалъ о превосходной красо-
тѣ вашей , сколько разъ ни бы-
валъ въ Кассимирѣ ; ибо вы
всегда и вездѣ были предме-
томъ разговоровъ , вездѣ гово-
рили только о Княжнѣ Гемжу-
нагѣ , и другой красавицы и хва-
лишь не позволено было . „

„ Услышавши о вашихъ пре-
дѣсахъ славу , рѣшился васъ ви-
дѣть ,

дѣлѣ, или умереть. И въ самомъ дѣлѣ покушался я многократно подкупить вашихъ спражей, серальскихъ евнуховъ и самую вашу кормилицу Элубру; но все было тщетно: всѣ мои подарки отвергали. Видя, что всѣ человѣческіе происки были бесполезны, прибѣгнувъ я къ чре́звѣстнѣнному могуществу. Я искалъ такихъ, копорые имѣютъ искусство очарованія. Едва я могъ найти волшебника, въ копоромъ однако сомнѣвался, не увѣряясь, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ волшебникъ. „

„Наконецъ однимъ вечеромъ, вошедши въ свою кладовую, услышалъ я голосъ, зовущій меня моимъ именемъ. Оборотясь на оной, увидѣлъ я женщину въ епанчѣ темнаго цвѣта и подъ покрываломъ, копорая мнѣ ска-
за-

зала: „Беннаскаръ! поди за мною. „

„Какъ я всегда думалъ о прекрасной Гемжунагъ, и какъ обыкновенно ищущіе чего нибудь спрасивно желаютъ получить оное, то я и вообразилъ, что сія женщина узнала все то, что происходило въ моемъ сердцѣ, и что она хочетъ удовольствоваться мои желанія, охотно пошелъ за нею. „

„Проведши меня многими улицами, остановилась она у одного большаго дома. Я считалъ, что ворошѣ опшворятся, и мы войдемъ въ оной домъ; напротивъ того предводительница моя топнула о землю ногою, и исчезла. „

„Однако я не потерялъ всей надежды, а дожидаясь у дома до самой ночи, воображая, что
или

или опворятъ . ворошѣ , или
женщина опять покажется. „

„Но ни ворошѣ не опворили,
ни женщина не показалась. И
такъ прождавши нѣскольکو ча-
совъ по пустому, пошелъ задумавшись
домой. „

„Печаль и любовь не дали
мнѣ заснуть во всю ночь. По-
утру вспалъ я очень рано. По-
шелъ со двора : лишь только я
вышелъ за ворошѣ , какъ уви-
дѣлъ волшебницу , которая да-
ла мнѣ знакъ итти за нею. Я
послушался ее безъ всякаго упор-
ства. „

„Конечно она , говорилъ я
самъ въ себѣ , имѣетъ могуще-
ство выше человѣческаго. Вол-
шебница посмотрѣла на меня съ
видомъ , повелѣвающимъ мнѣ
во всемъ повиноваться ея волѣ. „

„Она меня повела тѣми же
улицами до самаго того же до-
ма,

ма, предъ которымъ вчера вечеромъ проспоялъ я нѣсколько часовъ. Какъ мы пришли къ воротамъ, предводительница моя, такъ какъ и прежде, исчезла въ землю. „

„Сколько я ни раздраженъ былъ, что въ другой разъ обманушь, однако рѣшился шутъ оспашься до ночи и шерпѣливо ожидашь новаго явленія волшебницы, до тѣхъ поръ, пока дозоръ не принудитъ меня возвратиться домой. „

„Настала ночь, а ожиданіе мое не удовольствовано. Я пришелъ въ домъ въ такой же неизвѣстности, какъ и прежде, о томъ, чего хочешь отъ меня сія женщина. „

„Поутру пошелъ я по обыкновенію на гостиную дворъ въ мою кладовую. Выходя увидѣлъ женщину, ожидающуюся меня

Часть IV

Ж

на

на дорогѣ, по которой мнѣ иппи необходимо надлежало. Она опять дала мнѣ знакъ слѣдовать за собою. „

„Сіе ея постоянное меня искашельство вліяло въ сердце мое къ ней довѣренность. Ходивши за нею два раза, не могъ отказатьсь иппи въ прешій. Она меня привела передъ домъ, которой я очень замѣшилъ и разсмотрѣлъ; потомъ исчезла по прежнему. „

„Но я васъ, Княжна, не буду болѣе беспокоить разсказываніемъ приключеній каждого дня, какія со мною дѣлала сія женщина. Тѣ же самыя явленія повторяемы были чрезъ одиннадцать дней. Въ двенадцатой я опять пришелъ къ дому съ моею предводительницею: она исчезла, и я остался неподвиженъ, ожидая, что еще случится

жились со мною. Воробы ошво-
рились, и я увидѣлъ множество
невольниковъ, съ дубинами вы-
ходящихъ. Они меня схватили,
говоря, что я конечно воръ,
что уже чрезъ нѣсколько дней
шапаюсь около дома. „

„Я имъ сказывалъ мое имя,
и увѣрялъ ихъ, что я купецъ
сего города, почищаемый за че-
стнаго человека; но они не при-
нимали никакихъ опговорокъ.
Мнѣ дали нѣсколько ударовъ
палками. Сопрошивленіе мое бы-
ло бесполезно. Я искалъ спасенія
своего въ бѣгствѣ, и благода-
реніе проворству лядвѣй моихъ,
я потчасъ вырвался изъ рукъ
нападшихъ на меня. „

„Возвратившись въ домъ,
предался я моему опчаянію;
сленалъ, что столько разъ об-
манушъ былъ злою волшебницею,
и что по милости ея имѣлъ ща-

Ж а снѣ

304180

спіе вытерпѣть сто палочныхъ ударовъ въ награжденіе за то, что не отрекался ходишь за нею. Во время сихъ моихъ жалобъ почувствовалъ я колебаніе моей комнаты, и тотчасъ увидѣлъ сходящую сквозь своды волшебницу. Явленіе ея меня утѣшило.»

„Беннаскаръ! сказала она мнѣ: я есмь Улина, другъ несчастныхъ и покровительница всѣхъ, ищущихъ помощи въ моихъ очарованіяхъ. Я давно взираю на твои спраданія; знала твои мысли. Хотѣла испытать твою вѣрность; но хотѣла увѣришься, подлинно ли ты вѣришь волшебству, для того столько разъ и обманывала тебя. Алла хочетъ, чтобъ поклонники его служили существамъ разумнымъ. Мы всебѣ любимъ прошивное сему: мы
пре-

требуюмъ слѣпаго повиновенія
оми пѣхъ, которые предаются
нашей волѣ и нашимъ распе-
дѣленіямъ жизни. „

„Кшо бы ты ни была,
Княжна, или духъ! вскричалъ
я, доставъше мнѣ въ объятія
мои Гемжунагу, и я вамъ по-
свящаю остатокъ дней моей
жизни. „

„Если ты мнѣ вѣренъ,
оповѣстивала Улина, то я ше-
бѣ доспану Кассимирскую Кня-
жну завтра же поутру предъ
восхожденіемъ солнца. „

„Улина открыла мнѣ свои
желанія, чего она оми меня
требовала, и я обѣщаль дѣлать
все по ея волѣ. „

„Хорошо, сказала она мнѣ,
поди, укрась твой домъ въ
Делли для приспойнаго приня-
тія прекрасной Гемжунаги. Не-
вольники мои перенесутъ тебя
туда

шуда въ мгновеніе ока; а я пойду въ сераль, гдѣ буду представлять невольницу. Принцессину, и будь увѣренъ, что я пошчасъ къ тебѣ приведу.»

„Пошомъ произнесла она нѣсколько волшебныхъ словъ, кошорыхъ я не разумѣлъ, и вдругъ явился черной невольникъ.»

„Перенеси друга моего. Бен-маскара въ Деллійской домъ его! сказала она ему; присоедини къ сокровищамъ его все то, что только можешь произвести наука очарованій.»

„Черной невольникъ взялъ меня въ свои объятія, и я вмигъ увидѣлъ себя въ Деллійскомъ моемъ домѣ, кошорой теперь очарованъ. Улина исполнила свои обѣщанія, и я нынѣ владѣю прекрасною и обожаемою Княжною Гемжунагою.»

На

На сіе повѣспивованіе оп-
вѣспивовала я Беннаскарю, какъ
требовала благоприспѣйности мо-
его состоянія и достоинства.

„Деллійскій купецъ! сказа-
ла я ему: не говори съ та-
кимъ себя увѣреніемъ и надеж-
дою; не льстись тѣмъ, чѣмъ
Княжна Кассимирская могла ко-
гда нибудь быть женою Бенна-
скарю. Лучше бы для тебя увѣ-
домишь Индійскаго Султана,
что я здѣсь, чѣмъ онъ при-
казалъ возвращить меня моему
родителю. „

„А ты, Княжна! сказалъ онъ
мнѣ: не будь сколько горда;
подумай, что ты шедешь въ
полной власки купца, котора-
го союзомъ ты гнушаешься. „

„Подлый невольникъ! ска-
зала я ему повелительнымъ голо-
сомъ: Магометъ не попустишь,
чтобъ ты прилѣснялъ невин-

ность, и чтобы ты ругался
лою, которая тебя ничѣмъ не
обидѣла и не раздражила. „

„Правда, перервалъ нече-
стивый Беннаскаръ, Магомешу
много бы труда было, естѣли
бы захопѣлъ препятствовать
всякому злу, ежедневно въ свѣ-
тѣ случающемуся. Нѣтъ, Кня-
жна, намъ нечего бояться, мы
здѣсь въ безопасности; Улиа
меня покровительствуетъ и
охраняетъ. „

„Но чего требовала отъ
тебя волшебница въ награжде-
ніе за ея помощь, и что ты
ей обѣщала? Отвѣществуи, не-
щасной злодѣй! за какую цѣ-
ну купилъ ты у ней мою невин-
ность, и какъ получилъ право
такъ звѣрски поступать со
мною? „

„Вы тотчасъ увидите, от-
вѣщствовалъ Беннаскаръ. Вой-
дите

дине въ брачную комнату, и
ваше любопытство тамъ бу-
детъ удовлетворено. „

„Безстыдной измѣнникъ!
сказала я ему: какъ ты осмѣли-
ваешься говорить мнѣ такъ
дерзко и грубо? „

„Княжна! перервалъ онъ:
что мнѣ пришиваться съ то-
бою? Улица предала тебя Бен-
насяру. Поди за мною добро-
вольно, а иначе пойдешь и силою. „

Мнѣ досадна и нестерпима
была его наглость. „Увы! вскри-
чала я въ горести моего сердца:
гдѣ Шедеразада, добродѣтель-
ная и нѣжная мать моя? Гдѣ
родитель мой, Султанъ Касси-
мирской? Гдѣ безчисленные на-
роды, подчиненные его могу-
ществу? Возможно ли, что дочь
его погибаетъ плачевною жер-
твою Деллійскаго купца? „

Беннаскаръ не внималъ моимъ жалобамъ. Онъ бросился ко мнѣ, взявъ въ свои объятія и силою меня пошавилъ изъ шой, въ кошторой мы были, компанты.

Я наполнила домъ моими воплями. Нечувствительной къ слезамъ моимъ мучишель продолжалъ переносить меня изъ комнаты въ комнату.

Видя себя во власти сего подлаго похитишеля, невольница злой волшебницы, вздумала я и въ кошторую хитросеть, кошторую почла способною до крайней мѣры опдалить хотя на мѣсколко минушь мое обруганіе. Сія только одна осталась мнѣ помощь въ полъ бѣдственномъ моемъ состояніи,

„Беннаскаръ! сказала я ему голосомъ не столь строгимъ: къ чему употреблять насиліе противъ невинной Княжны? На что ме-

меня по покаянью нацѣлишь такимъ образомъ? Или ты хочешь на вѣки заключить меня въ нѣдрахъ своего дома? Нѣтъ! конечно не захотишь вы омерзительную кровь, лиющуюся въ моихъ жилахъ. Освободи меня изъ твоихъ объятій, пошли за Кадіемъ, и когда уже родъ мой хочешь, чтобы я была женою Беннаскарю, то чтобы были законные свидѣтели законнаго моего брака. Въ семь маломъ моемъ пребываніи вы оказали мнѣ не можешь.,

„Нѣтъ, нѣтъ! отвѣтствовалъ жестокой мой похититель: будете ли вы имѣть свидѣтелей вашего брака, или нѣтъ, для меня не важно; потому что я отъ онаго вкушаю желаемые плоды. Неперпѣливости моя не можетъ снести опсрочки. О сихъ условіяхъ мы поговоримъ завтра :
ра :

ра: посовѣтуемъ о вашемъ щастіи, когда спрасъ моя удовольствована будетъ; а теперѣ минуты для меня дороги, чтобъ ихъ перясть за пустыми обрядами. „

Такъ отвѣтствовалъ сей безчеловѣчной звѣрь.

Онъ меня крѣпко держалъ въ своихъ объятіяхъ. Наконецъ пришли мы въ одну комнату, укрѣпленную сводами. Онъ меня посадилъ на софу, и пошасъ заперъ двери.

„Теперь, продолжалъ злой похищитель, я долженъ совершить данное мною Улинѣ обѣщаніе; вы увидише, Княжна! какою цѣною купилъ я ваши прелести. „

Пораженная опчаяніемъ и страхомъ, и почти совсѣмъ увѣренная о моемъ нещастіи, ибо не видѣла никакихъ средствъ къ

жѣ избѣжанію, всю мою надежду полагала на благосѣя пророка, которой не оставяяетъ избавляя добрыхъ отъ свѣшей влхъ. Я и не обманулась въ моемъ ожиданіи помощи. Беннаскаръ взялъ свѣпильникъ, которой висѣлъ въ сводахъ; онъ посыпалъ какого-то порошку на огонь, произнося сіи слова, которыя меня привели въ большой препенъ:

„Слабая зашпница добродѣтели Гемжунаговой! поспѣши припши сюда, будь свидѣлемъ побѣды Улины, швоей непріятельницы. „

При сихъ словахъ попрысались еводы. Беннаскаръ сдѣлался неподвиженъ. Гласъ изшелъ изъ стѣны, которой увѣрялъ его, говоря: Беннаскаръ! пользуйся швоею добычею, и не спрашисъ
пщеп-

ищущихъ усилій непріятеля моего Макомы. „

Подлой похищитель обод-
рившись, взялъ меня въ свои объ-
ятія, слясь броситъ меня на
брачную постелю, приговорен-
ную для моего обруганія. Вдругъ
избавительница моя явилась на
язуревомъ облакѣ. Величествен-
ной видѣ ея, брошенный на
Бемнаскара, остановилъ его дер-
зость.

„Нещасная Княжна! ска-
зала она мнѣ: сколь пагубно было
неразуміе ваше! Въ какую опа-
сность она васъ ввергла, не
смотря на всѣ мои попеченія,
бодрствованіе и силу! Если бы
вы не слушали въроломностей
невольницы, никогда бы очаро-
ваніе волшебницы Улины не
торжествовало надъ ними. Ты
погубила себя, нещасная Гем-
жунагъ, своею неоспорочно-
стью;

спію, и ко́гда она предала нѣ-
бѣ Беннаскарѹ, то уже не въ
нашей власти избавишь тебя
отъ сего гнуснаго смершнаго. „

БеннаскарѢ, котораго при-
сутствіе Макомы сначала устраи-
вило, осмѣлился руганья мо-
имъ несчастіемъ при моей по-
кровительницѣ.

„ГемжунагѢ принадлежитъ
мнѢ! вскричалъ онъ съ гордымъ
видомъ; Улина меня не обману-
ла. Княжна! продолжало чудо-
вище: покорись вашему року.
Духъ, вашъ хранитель, да бу-
детъ свидѣтелемъ моего благо-
получія, въ наслажденіи кото-
рымъ онъ воспрепятствовать не
можетъ. „

„Окончавши сіи слова, дерз-
нулъ онъ положить на меня
свою руку. Я ему вопрошива-
лась. Макома подошла потчасъ
нѣ ему и ударила его своею па-

лоч-

дочкою, сказавъ: „Подлой рабѣ нечестія! развѣ ты думаешь, что небо предастъ невинность своевольству злыхъ? Развѣ ты вѣришь, что оно не можетъ разрушить всѣ твои неправедныя намѣренія? Правда, неразуміе Княжны претягиваетъ мнѣ избавить ее отъ рукъ твоихъ; но я еще довольно имѣю надъ тобою власти, и могу сдѣлать всѣ твои усилія бесполезными. Всякой развѣ, когда ты осмѣлишься возвратиться на Княжну, она лишится употребленія чувствъ своихъ, а ты исполненія своихъ желаній. „

Раздраженный симъ Беннаскаръ, вскричалъ въ бѣшенствѣ: „Безсильный духъ! гнѣвъ твой тщетенъ, и заклинанія твои пребудутъ недействительными. Я посоветую съ Улиною, полною повелительницею моего
жре-

жребія; она знаєть и можеть освободить меня отъ твоей власи. „

Волшебница Улина потчасъ вошла къ намъ въ комнату, которую описалъ вамъ Магудъ. „О врагъ нашего рода! сказала она, скрежеща зубами отъ злобы: что ты выговорила? Какъ не-радѣніе мое пагубно! Для чего не предвидѣла я твоей злоси? Для чего не подумала о предохраненіи Беннаскарскомъ прошивѣ дѣйствія твоего опредѣленія, какое ты произнесла на него? Но когда такое жестокое изреченіе остановило всѣ мои предпріятія, то я сама къ оному присоединю новое нѣкоторое обстоятельство. „

„Съ моей стороны, вѣрной мой рабъ! „продолжала она, бѣгою въ землю. Карло гну-
Часть IV. 3 сна-

снаго вида шопчасѣ вошелѣ кѣ намѣ невидимыми дверьми.

„Черной карло! сказала она ему, будь послушнѣйшимѣ рабомѣ Беннаскарѣ, моему другу, и вѣрнымѣ исполнителемѣ воли его. Когда ты увидишь сію непокоривую дѣвицу лишенною употребленія чувствѣ ея, то ты ее закопай вѣ землю подѣ поломѣ сей комнашы; а ты, Беннаскарѣ, возьми сію скляночку: когда тебѣ захочется поговорить сѣ Княжною, прикажи самому вѣрнѣйшему невольнику влишь капельку сей жидкости на ея губы, то Гемжунагѣ опомнишся и оживетѣ, и ты изѣ ближней комнашы можешь сѣ нею говорить и слышать ея отвѣшы, только чпобѣ она тебя не видала; ибо я не могу уничтожить дѣйствія очарованій Макомы дѣтѣхѣ порѣ, пока Княжна не пре-

предася пвоимъ желаніямъ. Но
ѡшо скоро сдѣлаешя. „

„ Мои очарованія скоро разрушатся! перервалъ Макома; ты увидишь, несчастная Улина, ты увидишь, сколь дѣйствіе ихъ неразрушимо и сколь долго пребудетъ оно въ своей силѣ. Гнѣвъ небесъ уже разжегся до высочайшаго степени, но мщеніе еще не преисполнилось. Еще мало время, и наша власть надъ Гемжунагою и Беннаскарѡмъ преспанетъ. „

Безъ сомнѣнія Макома хотѣлъ здѣсь сказать о вашей, Государь, славной побѣдѣ надъ Улиною. Потомъ продолжала она слѣдующимъ образомъ: „ Для совершенія праведнаго мщенія неба вопль что приключится: хотя Княжна Кассимирская и во власти Беннаскарѡвой, и мѣста сіи суть свидѣтели ея несчастія,

но не къ стыду ея останеся
 все скрыто отъ всѣхъ смерш-
 ныхъ до того дня, въ которой
 родъ твой будешь имѣть пре-
 имущество предъ нами. Тогда
 только Беннаскаръ можетъ при-
 ходить въ сіи мѣста, когда кругъ
 луны будешь въ совершенной
 полнотѣ своей. Однако ничего
 не спрашисъ, Гемжунагъ, примол-
 вила она, обращая ко мнѣ рѣчь
 свою; очарованія ничего не возмо-
 гутъ надъ праведными безъ соб-
 ственнаго ихъ согласія. Княжна
 Кассимирская обругана не будешь,
 есѣли сама того не захочешь.
 Магомешь наказываетъ твое не-
 разуміе симъ жестокимъ испыта-
 ніемъ мученія; но ежели ты пре-
 будешь вѣрна и добродѣтельна,
 то побѣдишь и воспоржесству-
 ешь надъ твоими врагами. „

Беннаскаръ не могъ слушать
 сихъ словъ, не терзаясь бѣшен-
 ствомъ.

спивомъ. Онъ оборотился ко мнѣ;
я, потчасъ падши, погрузилась
въ глубокой сонъ, и не знаю,
что потомъ происходило.

Я пробудилась, почувство-
вавъ вкусъ пріятнаго напитка;
разлившагося по моимъ губамъ.
Открывъ глаза, увидѣла предъ
собою чернаго невольника. Я
была закопана до половины шѣ-
ла. Сняли съ меня мое плащье,
и какой мнѣ былъ стыдъ спо-
яшь нагою предъ невольникомъ!
Въ то же самое время услыша-
да я голосъ Беннаскарровъ, ко-
торой говорилъ мнѣ изъ ближ-
ней комнаты:

„Бѣдная Княжна, сказалъ
онъ мнѣ, несчастливѣйшая Гем-
жунагъ! неумолимый Макома
содержалъ тебя погребенною цѣ-
лой мѣсяцъ въ мрачномъ гробѣ
семъ, изъ котораго не могъ я
тебя извлечь, какъ только въ

полномѣсячіе. Улина и Бенна-
скаръ, друзья твои, стараются
возвратить тебѣ жизнь; выго-
вори только, что ты хочешь
согласиться на мои желанія, и
очарованія Макомы разрушатся.,,

„Эвѣронравное чудовище!
отвѣтствовала я ему: ты еще
дерзавшь мнѣ говорить? Я не
знаю, что уже цѣлой мѣсяцъ сплю
спокойно здѣсь отъ того вре-
мени, какъ я видѣла духа Ма-
кому. Благодареніе великому
пророку, что свободилъ меня
во все сіе время присутствія и
вида гнуснаго Беннакара.,,

„Гордая Княжна! перервалъ
обманщикъ: невольникъ мой
вдохнетъ тебѣ другія смирен-
нѣйшія чувствія.,,

Въ сіе время велѣлъ онъ
невольнику вынести меня изъ
ямы, въ которой я зарыта бы-
ла, и дать мнѣ пятьдесятъ
ударовъ палкою. Без-

Безполезно бы было, Государь, рассказывать вамъ все то, что я претерпѣла отъ сего безчеловѣчнаго мучителя. И такъ я цѣлые три мѣсяца лежала сокрыта въ семъ мрачномъ смерши жилищѣ. Во время всякаго полномѣсячія посѣщаль меня Беннаскаръ съ чернымъ невольникомъ. Онъ всякой разъ возобновлялъ порочныя свои предложенія, и швердосъ моя въ отверженіи оныхъ всегда была наказываема шѣми же жестокими ударами чрезъ его невольника до шѣхъ поръ, какъ уже самъ, изнемогши отъ толкаго мучительства, выходилъ отъ меня вонъ, и своимъ на меня взглядомъ оппималъ у меня упопребленіе чувствъ моихъ.

Магудъ вамъ рассказалъ уже, что происходило въ нашей комнатѣ въ претіе полномѣсячіе.

Я теперь начну мои приключенія отъ того самаго часа, какъ Магудъ, положивши мнѣ книгу, меня оставилъ.

Беннаскаръ, видя, что другъ его Магудъ измѣнилъ ему, вышелъ отъ меня, и нѣсколько спустя, опять съ нимъ возвратился. Онъ велѣлъ ему итти въ кабинетъ, а самъ одинъ сошелъ во гробъ, гдѣ я лежала; коснулся меня; и сказалъ., Выди, прекрасная Княжна! очарованія Макомы кончились. Ваша покровительница совсѣмъ васъ предала въ волю Баннаскаръ.,

При сихъ словахъ подняла я великой крикъ, думая, что пришелъ Кади; но обманулась. Беннаскаръ извлекъ меня изъ гроба, и я шла за нимъ, подкрѣпляема нѣкоторою вышшею силою. Мы вышли изъ комнаты и изъ его
до-

дома. Я увидѣла себя одну съ нимъ въ необитаемой долигѣ.

Духъ Макома явился намъ. Сердце мое исполнилось радости въ присушствіи Ангела, моего покровителя.

„Нещасной! сказалъ Макома, обратясь къ Беннаскарѣ: ты осмѣлился нарушить мои повелѣнія, выведши Княжну изъ мрачной комнапы, гдѣ волшебница Улина процвѣтала уступивъ моему могуществу? Но я благодарю твоей безразсудной неосторожности. Чего неразумной Магудѣ не могъ произвести въ дѣйство, то ты учинилъ самъ собою. Прими теперь достойное наказаніе за безчеловѣчныя твои мученія и пороки.„

Едва успѣлъ онъ выговорить сіи послѣднія слова, Беннаскаръ исчезъ, какъ паръ, возвышающійся

щійся и вдругъ низпадающій въ нѣдра зѣмли. Рѣло его разсыпалось и смѣшалось съ пылію въ долинѣ. Изъ пепла его вышла волшебница Улина, которая во гнѣвѣ сказала мнѣ: „Смерть Беннаскарва не избавилъ тебя отъ моего могущества. Любезная Княжна! поди, ищи освободителя твоего Магуда. Я опредѣлила огнемъ загладить его безразсудность. Намѣренія мои уничтожены: онъ пресмыкается въ лѣсахъ Тарапаянскихъ, гдѣ онъ смрадомъ своимъ заражаетъ воздухъ. Подлое пресмыкающееся! ползи, какъ онъ, подъ гнусѣйшимъ видомъ! „

Свѣтлѣйшій Султанъ! такія были слѣдствія моего неразумія. Такимъ образомъ и самыя малѣйшія творимыя нами погрѣшности часно послѣдствуемы

емы бывають прѣдолжителными заключеніями.

Султанъ Индійскій пере-
рвалъ рѣчь Княжны Кассимир-
ской: „Любезная Гемжунагъ! ска-
залъ онъ ей: я никогда не чув-
ствовалъ такого безпокойства
въ печеніи столь тягостныхъ и
долговременныхъ моихъ путеше-
ствій, какъ въ малое время,
когда вы начали рассказывать
ваши несчастія. Но, Княжна! поз-
вольте мнѣ просить васъ въ
другой разъ: мнѣ также не-
терпѣливо хочется знать, ка-
кимъ страннымъ случаемъ за-
ключены были во гробъ смерти,
въ которомъ я васъ нынѣ на-
шелъ, такъ какъ я слышалъ?
Какимъ образомъ подпали вы
власпи жестокаго и дерзкаго
Беннаскара? „

„Государь! сказала Гемжу-
нагъ воздыхая: приключенія въ
са-

самомъ дѣлѣ странны. Увы! новыя неоспорожности навлекли новыя нещасія.»,

По семъ Княжна продолжала повѣсть о своихъ приключеніяхъ.

Какъ скоро ваша побѣда надъ волшебницею Улиною возвратила намъ прежній нашъ видъ, я вдругъ увидѣла себя въ Кассимирѣ, въ сералѣ моего родителя.

Кормилица моя Элубру, будучи въ неуспѣшности о пошереянїи своей любезной Княжны, была въ той комнатѣ, откуда подлая волшебница меня похитила; она наподняла весь сераль своими воплями.

„Встань, вѣрная Элубру! сказала я ей: посмотри на твою любезную Гемжунагу. Гдѣ Султанъ Зебенезеръ, родитель мой, и гдѣ нѣжная Шедеразада, мать сердца моего?»,

На

На голосъ мой Элубру казалась какъ бы опъ глубокаго сна пробужающеюся. Удивленные ея взоры неподвижно обращены были на меня, такъ что она и слова выговорить не могла. Наконецъ сказала она мнѣ слабымъ и дрожащимъ голосомъ:

„Кого я вижу? Не духъ ли это любезной Гемжунаги, которой нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ? „

„Нѣтъ, любезная моя Элубру! опвѣстивовала я, бросившись обнять ее: нѣтъ, это не тѣнь Гемжунаги, но самая Княжна, которую Миснаръ, Султанъ Индійскій, избавилъ опъ власпи и очарованія проклятой Улины. „

„Ахъ! вскричала Элубру, когдабъ благоволило небо, чтобъ нѣжная швоя мать могла наслаждаться, какъ я, щаспїемъ тебя видѣть! „

„А

„А что, перервала я, Элубру! что ты сказала? Гдѣ обожаемая Шедеразада, которой я должна жизнию?“

„Княжна! опившійся вдова Элубру: сколь тяжело опечалишь тебя сею плачевною вѣдомо-стью!“

„Увы! сказала я вздыхая: нѣжной моей матери нѣтъ уже! Не пошла ли она въ огненныхъ озерахъ искать преслушницы, непокоривой своей дочери?“

Я упала, безъ чувства въ объятія Элубру.

Государь! вѣдомость ея была справедлива. Но простиже движеніямъ моего сердца при повтореніи столь жестокихъ приключеній. Десять дней прошло, какъ Шедеразада, любезная Шедеразада, отошла къ отцамъ своимъ. Зебенезеръ, ошягченный печалію о двойной потерѣ, своей

ей супруги и своей дочери, зашворился во гробъ матери моей.

Элубру побѣжала ко гробу, гдѣ родителъ мой питалъ себя слезами своего несчастія; она увѣдомила спражей о моемъ возвращеніи.

Вѣдомость сія умѣрила нѣсколько горестъ печали Зебене-зеровой; но она не извела его изъ мѣста его сѣшования, гдѣ онъ по данной клятвѣ остался на цѣлой мѣсяцъ; а между тѣмъ далъ повелѣніе, чѣмъ во все сіе время невольники его мнѣ повиновались.

Мои дни не менѣе были строги, какъ и отца моего. Я заперлась въ мою комнату, какъ бы во гробъ, и никого не хотѣла видѣть, кромѣ вѣрной моей Элубру.

Девять дней прошло въ глубокомъ молчаніи моего уединенія.

нія. Въсто того, чтобъ утѣ-
шать другъ друга, мы сѣповали
какъ бы наперерывъ; ибо Элубру
также чувствительна была,
какъ и я, къ потерѣ добро-
дѣтельной моей мащери.

Въ десятой день поушру ве-
ликой Визирь, которой правилъ
городомъ въ отсутствіи отца
моего, приказалъ позвать къ се-
бѣ Элубру. Она пошла къ не-
му, и немедленно возвратилась.

„Княжна, сказала она мнѣ!
какой-то незнакомой, именемъ
Магудъ, проситъ позволенія по-
говорить съ вами. Визирь, услы-
ша отъ него, что онъ много
споспѣшествовалъ вашей сво-
бодѣ, ожидаетъ вашего повелѣ-
нія, какое онъ долженъ сдѣлать
почтительное угощеніе вашему
избавителю. „

При имени Магудъ пришла
я въ себя отъ мрачной задум-
чивости.

„Элу-

„Элубру! сказала я моей кормилицѣ: Магудѣ заслуживаетъ мою благодарность, и сынъ Деллійскаго алмазчика будетъ награжденъ за оказанныя имъ Государынѣ швоей услуги.“

„Увы! отвѣщивовала Элубру: чрезмѣрная печаль уже ли возмутила духъ моей любезной Княжны даже до того, что она почла Принца Магуда сыномъ невольника?“

„Ежели онъ Принцъ, перервала я, то онъ скрывалъ доселѣ свое рожденіе и свое состояніе; или онъ не Магудъ, котораго я видѣла въ лѣсахъ Тарапаянскихъ.“

„Вы объ этомъ будете судить, когда онъ предъ васъ предстанетъ, отвѣщивовала Элубру; но онъ пребудетъ особливаго переговора.“

„Хорошо, сказала я ей: введите его въ мою комнату. Невольники мои пусть останутся въ ближнемъ покоѣ, чтобъ были гошovy, какъ скоро позову ихъ. „

Элубру пошла и привела купца Магуда передъ Княжну, а сама вышла вонъ.

Магудъ бросился къ ногамъ ея, говоря: „Княжна, прекраснѣйшее произведеиe Аллы! простиите моей смѣлоспи, что я дерзнулъ столь близко подойти къ обожжаемой особѣ вашей. Я къ моей дерзоспи присовокупилъ еще ложъ, принявши на себя имя Принца, на которoe, признаюсь, никакого права не имѣю, какъ и способовъ носить на себѣ оное. „

„И кто тебя столь дерзкимъ быть научилъ? гордо оплѣшпвовала я ему. „

„Смерть,

„Смерть, сказалъ Магудъ, бѣя челомъ своимъ о землю, смерть да будетъ наказаніемъ моего пресупленія. Удоспойте только выслушать причины сего моего поступка и догадки называть себя Принцемъ. „

„Говори, сказала я ему. „

„Какъ скоро дни нашего превращенія исполнились, продолжалъ Магудъ, я увидѣлъ себя въ столичномъ городѣ Делли близъ того дома, куда Беннаскаръ пригласилъ меня войши, какъ друга. Видѣ сего дома нечестія придалъ мнѣ крылья скорости. Я побѣжалъ по улицамъ Деллійскимъ, не зная и самъ, куда спѣшилъ; но я бѣжалъ къ мѣсту моего страха. Пробѣжавши нѣсколько переулковъ, пришелъ я въ ту улицу, въ коной столь безразсудно распочилъ богатства отца моего. Въ сна-

ромъ моемъ домъ жилъ чело-
вѣкъ богатѣйшій меня, и у во-
ротъ онаго сидѣло великое мно-
жество шѣхъ друзей, которые
помогающъ проживающъ имѣніе
лестнымъ похваленіемъ щедро-
сти хозяина. „

„Сіе зрѣлище напомнило
мнѣ о моихъ глупостяхъ и бѣд-
спвіяхъ. Хотя я уже и чув-
ствовалъ усталость, однако по-
бѣждалъ скорѣе опѣ дома, надѣ-
ясь оподохновеніе найти въ
иномъ мѣстѣ. Проходя неболь-
шую улицу, увидѣлъ я шу пло-
щадь, на которой Кади осу-
дилъ меня на сожженіе. „

„Тупѣ кровь моя оледенѣ-
ла въ моихъ жилахъ, волосы
поднимались на головѣ моей.
Увы, несчастной Магудъ! го-
родъ Делли повсюду представ-
ляетъ предметы, умножающіе
горестъ швоей бѣдности, при-
водя

водя тебѣ на память плачевнѣйшія приключенія твоей жизни. Ты не найдешь здѣсь никакого утѣшенія. Армія Султана твоего стоитъ теперь въ полѣ. Для чегожъ ты не соединяешься съ его войсками? Для чего не поспѣшаешь пастъ къ ногамъ Султана Миснара? Онъ вспомнитъ, что самъ съ побѣю пресмыкался по песку въ степяхъ Тарапаянскихъ.»

„Наполнившись сими мыслями, пошелъ въ станъ Султановъ. Пришедши въ оной, увидѣлъ я Капипана, которому предложилъ свои услуги.»

„Къ щастію моему приказано было одному денашаменшу соединиться съ главною арміею. Капипанъ былъ въ ономъ, и мы къ вечеру пришли въ Султановъ лагерь.»

„Я сперва пошелъ къ Царской палашкѣ. Тотчасъ увидѣлъ Визиря Горама, выходящаго изъ оной. „

„Я бросился къ ногамъ его, объявляя о себѣ, кто я таковъ. Гордой Визирь посмотрѣлъ на меня съ презрѣніемъ, и приказалъ меня наказашъ за мою дерзость. „

Султанъ не спускалъ глазъ своихъ съ Визиря, подозрѣвая его въ безчеловѣчіи. Но Княжна Кассимирская показывала видъ, что она не примѣчаетъ ихъ движеній, и не останавливаясь продолжала повѣсть о своихъ приключеніяхъ такимъ образомъ:

„Я не потерялъ своей крѣпости, продолжалъ Магудъ, и хотя не могъ пріобрѣсти милости Визиря Горама, однако надѣялся, что Миснаръ, мудрый и славный Султанъ Индійскій,
вы-

выслушаетъ меня милосливо. И такъ рѣшился искать его, и пастъ къ ногамъ его. Но, увы! надмѣнность великихъ налагаетъ на глаза свои покрывала иногда, когда видятъ предъ собою несчастныхъ человѣковъ!,,

„Султанъ Миснаръ, не дожидаясь моего напоминанія о его и моемъ превращеніи, почелъ меня за сумасшедшаго, и приказалъ изгнать отъ лица своего и изъ лагеря, какъ обманщика и шпиона. „

При сихъ словахъ вышелъ Султанъ изъ терпѣнія, и перервавъ рѣчь Княжны, сказалъ ей: „Гемжунагъ! вы знаете родъ расположенія моихъ мыслей, и мое обращеніе съ вами, по вы можете судить, правду ли Магудъ вамъ сказалъ. Когда вы мнѣ говорили, что мой Визирь ошогналъ его съ презрѣніемъ,

И 4

по

то я досадовалъ на Горама; но теперь я увѣренъ, что онъ, обманывая васъ, безчестилъ насъ и того и другаго. „

„Я не хочу, перервала Княжна, пошчасъ заключить мою повѣсть; послѣдованіе оной удовольствуешь совершенно Султанна и его Визиря. „

„Меня выгнали изъ лагеря, сказалъ мнѣ Магудъ, и я видѣлъ съ огорченіемъ, что мною такъ безчеловѣчно поступали шѣ, отъ которыхъ ожидалъ я какой нибудь помощи. „

„Я шатался по полямъ, не зная, куда идти. Наконецъ увидѣлъ идущій караванъ; спросилъ у одного изъ служителей, куда они идутъ. Онъ мнѣ отвѣщствовалъ, что идутъ въ Кассимиру. „

„Я пошелъ съ караваномъ и во все время пищался милоспы-

стынею купцовъ. Прибывши въ сію сподицу, нашелъ въ оной печаль и неушѣшное сѣшование. Мнѣ сказано, что Сулпанши Шедеразады уже нѣтъ на свѣтъ; что вашъ родишель, Свѣшлѣйшій Зебенезеръ, оплакиваетъ свою любезную супругу въ ея гробъ; что прекрасная Гемжунагъ, зашворившись въ своемъ покоѣ, не допускаетъ къ себѣ никого, кромѣ Элубру, раздѣляющую съ нею печаль ея, и что Визирь Гобадданъ правитъ государствомъ.,

„Я не имѣлъ инаго средства видѣть прекрасную Княжну Кассимирскую, какъ просить позволенія у великаго Визиря. И здѣсь какую бы я могъ имѣть надежду въ сысканіи милоспи, будучи уже отверженъ Горамомъ, сотоварищемъ моего нещастія? „

„Сии воображенія умножали печаль мою, и я опчаявался видѣть васъ, Государыня. Одинъ купецъ, назирающій меня съ нѣкотораго времени, и видя меня возвышающаго часто очи мои къ небесамъ и испущающаго тяжкіе вздохи, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: юноша! что тебѣ сдѣлалось? Какая причина твоей печали? --- Я, осмопрѣвшись около себя, и увидѣвши зовущаго меня купца, побѣжалъ къ нему. Печаль моя научила меня пришвориться, что его очень пронуло.,,

„Я ему объявилъ, что я Принцъ, довольно знаемый Гемжунагою, славною Княжною Кассимирскою; и ежели онъ согласится снабдить меня только на одинъ день платьемъ, лошадьми и слугами, пристойными мнѣ въ оныхъ предстать особѣ,

особѣ, Княжна, вашей, то я ему въ десятеро заплачу за его благосклонность. „

„ Это не очень похоже на правду, сказалъ мнѣ купецъ, чтобъ Принцъ и бѣднякъ были одна и та же особа. Но когда я теперь узналъ о вашихъ дѣлахъ, то я снабжу васъ всемъ, чего вы отъ меня пребудете, съ тѣмъ только условіемъ, что ежели вы въ самомъ дѣлѣ не то, чѣмъ себя бытъ мнѣ утверждаете, то я васъ поведу къ Кзди, и вы должны будете обѣщаться мнѣ служить десять лѣтъ невольникомъ. „

„ Нужда и необходимость много дѣлають въ свѣтѣ. Я согласился на купцовы предложенія. Пошелъ съ нимъ къ Кзди, и подписался въ томъ, чего ему хотѣлось, то есть, чтобъ онъ снабдилъ меня всемъ тѣмъ, что

что согласно должно быть съ великолѣпіемъ чужестраннаго Принца, прибывшаго посѣлится цоль великую Княжну, какова есть дочь Султана Кассимирскаго, и что ежели представъ предъ Гемжунагу, ею не признанъ будетъ за Принца Магуда, за самого того, который избавилъ ее отъ испытанныхъ ею бѣдствій: то онъ подвергается праву условія быть десять лѣтъ невольникомъ снабдившаго его всемъ купца.,,

„Согласясь на сіе, далъ онъ богатое платье, въ которомъ предсталъ, Княжна, предъ васъ, и множество невольниковъ, составляющихъ мою свиту. Доставка имъ всего мыъ какъ Принцу нужнаго великолѣпія, отверзло мыъ входъ въ Визиревы палаты. Теперь, Княжна! жребій мой въ рукахъ вашихъ,

и

и ежели вы не простите мнѣ невиннаго обмана, копорой одинѣ могѣ подаѣ способѣ видѣшѣ мнѣ мою благодѣшельницу, то иду охотно спенапѣ чрезѣ десяѣ лѣшѣ вѣ спыдѣ невольническа вѣ нѣдрахѣ моего безславія. „

„Нѣшѣ нужды припворяѣся, сказала я ему: я вамѣ прощаю и освобождаю отѣ десятилѣшняго невольническа, не позволяя вамѣ называѣся Принцемѣ. Я пошлю сыскаѣ купца, и награжду его сверхѣ его желаній; а вамѣ доставлю состояніе жишѣ честно и благоприсшойно вашему прежнему роду жизни. „

„Увы! опвѣспововалѣ мнѣ Магудѣ: не думайте такѣ скоро удовольствоватѣ купца, жаждущаго великихѣ прибышковѣ. Вы не знаете, чего онѣ отѣ васѣ попребуеѣ, когда увидиѣ,

дитѣ, что вы вступаешесь за меня. Ежели опкроешь наше съ нимѣ условіе, не будучи почно Принцемѣ, то я сдѣлаюсь по-смѣшищемѣ всего города, и никогда ни у кого не получу довѣренности.»,

„О! такѣ будьте Принцѣ, сказала я ему, когда вы находите столько трудностей потерять по наименованіе, которое столь легко на себя приняли.»,

Я позвала Элубру и приказала ей приготовить для Принца Магуда покои въ палахахъ отца моего, и дать ему служителей, сколько и какихъ пристойно имѣть особѣ его чина.

Элубру исполнила мои повелѣнія. Магудѣ, исполнившись радости, бросился къ ногамъ моимъ, и поцѣловалъ полу моего плаща.

„Встань-

„Встаньте, Принцъ! сказала я ему: Элубру опведетъ васъ въ палаты опца моего. „

Но не замедлила я раская-
вашься въ моей скорости въ
оказаніи погрѣшительной благо-
склонности льстивому Магуду.
Купецъ, сдѣлавшись гордымъ и
своенравнымъ, забылъ то, что
принятое имъ шло Принца
было одно пустое высокомеріе
его воображенія.

Онъ приходилъ видѣться со
мною всякой день; однако все-
гда содержалъ себя въ грани-
цахъ почтенія. Пошомъ осмѣ-
лился говорить мнѣ о любви
своей, наконецъ дерзость его
до того простерлась, что пред-
ложилъ мнѣ испросить согласія
опца моего на бракъ нашъ, и
угovarивать его исполнить сіе
вскорѣ по окончаніи дней сѣшо-
ванія.

Раз-

Разсердившись на его смѣлость, выгнала я его изъ моей комнаты. Онъ вышелъ отъ меня съ негодованіемъ и угрозами.

Какъ скоро онъ вышелъ, то рассказала я любезной моей кормилицѣ всѣ мои приключенія. Открыла ей дерзкія и гнусныя предложенія и его угрозы, какъ я ему во всемъ опказала.

„Угрозы Магудовы ни мало неважны, сказала мнѣ Элубру; однако не презирай никакого, сколько бы слабъ ни былъ, непріятеля; есть дѣло благоразумія. Надобно надъ симъ дерзкимъ приказать надсмапривать; а между тѣмъ, любезная моя Княжна, продолжала она, позвольте мнѣ отъ истиннаго чистосердечія выговорить:

„Поль нашъ никогда не бываетъ въ большей опасности, какъ

какъ когда добровольно подвергается себя обманамъ мушны. Полагающая въ нѣдра свои змію уязвлена ею будетъ. Возвышающая льспиваго обманщика выше приспойнаго ему соспоянія должна ожидать быть опъ него низверженною. Любовь и гордость, соединенныя вмѣстѣ, не различають низкой ровнины долинъ опъ высоты горъ; и колючій тернъ и осока распушь вмѣстѣ съ лилею и розою. Ежели Магудъ, простой купецъ, осмѣлился приписать себѣ имя и почести Принца, то на что не дерзнетъ онъ нынѣ, когда вы его возвели, такъ сказать, на такой степенъ, на которомъ всегда почти вамъ равняшся можетъ? „

Едва Элубру успѣла окончать сіи слова, какъ вошелъ невольникъ опца моего, и сказалъ

Часть IV. I мнѣ

мнѣ оцѣ имени Зебенезера, чтобъ
я шла во гробъ матери моей,
гдѣ онъ меня дожидается.

Я, взявши мое покрывало,
шла со спражемъ ко гробу Ше-
деразды, любимицы великаго
Аллы.

Я вошла со спрахомъ и пре-
петомъ въ сіи мрачныя жилища
смерти. Первой предметъ, пред-
ставившійся глазамъ моимъ, былъ
отецъ мой, плачущій на колѣ-
нахъ предъ наполненнымъ благо-
уханіями шѣломъ почтенной мо-
ей матери.

„Нещасная Гемжунагъ! ска-
зала мнѣ сей почтенной спа-
рикъ: приди и посмотри на
ослашки твоей любезной Ше-
деразды. „

Сердце мое раздиралось пе-
чалью. Едва могла я подойти
къ тому мѣсту, гдѣ лежало
шѣло нѣжнѣйшей моей матери,

и

и упала къ ногамъ Зебенезеровымъ.

„Встань, любезная дочь! сказалъ онъ мнѣ. „

Выговоривши сіи слова, взялъ онъ меня въ свои объятія. Я открыла глаза свои на него, но, о ужаснаго явленія! это не былъ отецъ мой: я была въ объятіяхъ вѣроломнаго Магуда.

Пораженная страхомъ, хотѣла я кричать, но усилія мои были тщетны. Я почувствовала, что языкъ мой оледенѣлъ отъ ужаса, и голосъ мой остановился на губахъ моихъ.

„Княжна! сказалъ мнѣ жестокой Магудъ съ видомъ насмѣшливымъ, мудрая и предосторожная Княжна! какія ты выгоды получила отъ твоей прозорливости? Тщетно вы хотите мнѣ проливиться. Ищущая обманывать другихъ не

заслуживаетъ ли сама быть обмануша? Никто не придетъ теперь на помощь. Какъ скоро вы вадумаете приывать кого, такъ скоро лишитесь употребленія голоса.

„Какъ, Магудъ! ошвѣстствовала я тихо для его умягченія: сія ли цѣна оказанной мною вамъ дружбы? Я васъ избавила отъ безславія и невольничества, содержаши васъ такъ великолѣпно, и назвавши тѣмъ, чѣмъ вы никогда не были.“

„Княжна! долженъ ли я васъ учить обманывать и лгать? сказалъ онъ мнѣ съ гордоснію. Тѣ, которые приписываютъ друзьямъ своимъ ложныя достоинства, научаютъ ихъ самихъ обманывать; вы видите, сколько я воспользовался вашими наставленіями. Но что намъ нужно говорить о дружествѣ? Дру-
же-

жество, о Гемжунагъ! основано на добродѣтели, а Магудъ опрeкся оной, какъ вспунилъ во услуженіе къ мудрой Гиппакюзанѣ. Ея совѣтами выдумалъ я повѣсть, кошорая опверзла мнѣ входъ въ сіи палашы, и пода-ла способы погубишь шебя. Еже-ли бы ты имѣла довольно про-зорливости, чщобъ не ввѣряшь-ся моимъ обманамъ, то я ни-когда не имѣлъ бы никакой власпи ни надъ тобою, ни надъ твоимъ опцемъ. Такимъ обра-зомъ мы подвергаемъ нашу сла-ву для побѣжденія сыновъ Ма-гомелловыхъ, не взирая на него покровишельство. Видя васъ про-шивающуюся моимъ желаніемъ, я васъ оспавилъ съ вашею вѣрною Элубру, чщобъ самому въ сіе время, ииши просишь предста-пельства Гиппакюзаны. Она ввела меня невидимо въ сей

I 3

гробъ,

гробъ, и силою моихъ очарованій принявъ я видъ Зебенезера, вашего ошца, велѣлъ позвать васъ къ себѣ, и вы сполько снисходительны были, что повинулись моимъ повелѣніямъ. „

„Теперь, послушная Княжна ! благосклонность ваша должна достигнуть своего конца. Вопли ваши бесполезны; Гиппакюзана теперь безпрестанно летаетъ надъ городомъ Делли, наблюдая всѣ движенія Султана Миснара. Теперь мы одни въ семъ жилищѣ смерти, но никто не придетъ сюда возмутить покой нашъ. „

Потомъ Магудъ показавъ мнѣ ошца моего Зебенезера, котораго онъ лишилъ всѣхъ чувствъ силою законопреступной его науки. Онъ положенъ былъ въ гробницѣ изъ чернаго мрамора въ отдаленномъ мѣстѣ отъ гроба

Ба матери моей. Жестокой мой похищитель клялся мнѣ не употреблять противъ меня насилія; клялся и въ томъ, что онъ заключитъ меня въ сѣмь гробъ до тѣхъ поръ, пока я не соглашусь на его желанія.

Сіе заключеніе казалось мнѣ пріятнѣйшимъ въ сравненіи предвидимаго мною бѣдствія.

Я не буду повторять вамъ, Свѣтлѣйшій Султанъ, безпокойствъ, претерпѣнныхъ мною отъ Магуда, прозьбъ и усилій въ полученіи удовольствія желаній, отъ него требуемыхъ. Все для него было бесполезно. Наскучивши моимъ сопротивленіемъ, покрылъ онъ глаза мои глубокимъ сномъ, отъ котораго вы меня возбудили. Я не знаю, сколько времени была я въ сей нечувствительности.

„Княжна! сказахъ Султанъ: мы радуемся о вашемъ освобожденіи; но разсуждая по вашему рассказыванію, заключаемъ, что вашъ почтеннѣйшій родитель, Султанъ Зебенезеръ, въ томъ же снѣ лежитъ сокрытъ во гробѣ. Надобно призывать въ помощь духа Макому, прося его о избавленіи отца вашего отъ силы очарованій. „

Миснаръ тотчасъ послалъ Офицеровъ ко гробу для отысканія тѣла Зебенезерова. Онъ собралъ также славнѣйшихъ мужей въ волшебной наукѣ, и повелѣлъ имъ призывать духа Макому. Знаніе ихъ было неэффектительно: Макома не внималъ призываніямъ Султана и мудрыхъ его.

Между тѣмъ, какъ Султанъ Миснаръ и Визирь его Горамъ спарались утѣщать сѣющую

тощую Княжну, отправленные Султаномъ въ Кассимиру послы возвратились съ печальнѣйшею вѣдомостію. Они донесли Султану, что Визирь Гобадданъ принялъ на себя шишуль Султана, и что все государство Кассимирское признало его едино-власіе.

При сей печальной вѣдомости Гемжунагъ пала безчувственна. Султанъ старался привести ее въ пачасть, увѣряя, что онъ самъ пойдетъ предводительствомъ Делійскихъ войскъ противъ взбунтовавшагося Гобаддана.

Пошомъ сказалъ онъ Визирю Гораму: „Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ надобно намъ быть какъ благоразумнымъ, такъ и справедливымъ. Горамъ! прими предводительство надъ войсками, поди противъ Гобад-

дана, и возврати Кассимирское царство законному ихъ Государю; а я останусь для содержанія порядка и мудроправленія въ моемъ государствѣ. Я надѣюсь, что въ маломъ времени увижу васъ вънчаннаго славою, и приносящаго гордую голову виновнаго Гобаддана.,,

Визирь Горамъ не медля выступилъ въ походъ съ тремя тысячь человекъ ополченнѣйшихъ Деллійскихъ войскъ. Преодолевши многія въ походѣ трудности, прибылъ къ границамъ Кассимирскимъ прежде, нежели мнимый Султанъ Гобадданъ могъ узнать о его приближеніи.

Какъ скоро Горамъ объявилъ Кассимирскимъ пограничнымъ провинціямъ, что пришелъ возвести Княжну Гемжунагу на престолъ ея предковъ;

то

то жители толпами прибѣгали для вступленія въ его службу, Въ самое короткое время армія его умножилась до пяти сотѣ тысячъ человѣкъ. Тогда пошелъ онъ съ сими войсками къ сподвижнику Кассимирской.

По разнесшемся слуху о его прибытіи и умноженіи его войскъ, Гоббаданъ узнавши, что войска его неравны съ Горамовыми, отправилъ посланника къ Визирю Гораму увѣрить его, что онъ самъ и его войска предаются въ милость Султана Миснара и войскъ его, правыхъ его Визиремъ, естли онъ благосклонно приметъ ихъ предложеніе.

Горамъ, польстившись своими успѣхами, ничего болѣе не желалъ, какъ скорѣе возвратиться съ побѣдою въ Делли безъ пролившія крови. Онъ ошвѣщивалъ

валъ посланнымъ отъ Гобаддана, что ежели они исполнятъ свое обѣщаніе, то ни онъ, ни его войска не должны страшиться нападенія и притѣсненія.

На другой день поутру Гобадданъ принялъ команду надъ своимъ войскомъ съ видомъ покорности. Солдаты преклонили свои оружія. Такимъ образомъ шли они къ Горамову лагерю.

Горамъ для большаго утвержденія Гобаддана въ чувствіяхъ преданности, самимъ имъ предложенной, поставилъ напередъ своей арміи присоединившіяся войска изъ провинцій Кассимирскихъ. Они были подкрѣпляемы войсками, которыя онъ привелъ съ собою, и которыя разставилъ по бокамъ и по заднимъ рядамъ всей арміи.

Какъ

Какъ Гобадданъ зналъ, что непріятель не ожидаетъ его на себя нападенія, то, приближившись къ лагерю, вмѣсто того, чѣмъ бы положить оружіе, вынулъ изъ ноженъ мечъ свой, и началъ говорить къ стоящимъ предъ нимъ оппавшимъ войскамъ слѣдующимъ образомъ :

„Друзья мои и соотечественники! знаете вы, что мы рождены и воспитаны отъ однихъ и тѣхъ же матерей, и научены взаимному любленію себя и отечества отъ одинаковыхъ опцевъ. Выслушайте слова мои, которые языкомъ моимъ произноситъ любовь къ отечеству и моя къ вамъ привязанность. „

„Съ кѣмъ вы идете сражаться, братья мои? Чью кровь готовишь проливать на сихъ поляхъ, убоженныхъ лицами нашими? Наша ли кровь должна ушуч-

ушучнишь сіи земли, чшобъ при-
рошовишь чужеспранцамъ, на-
шимъ непріятелямъ, обильнѣй-
шія жашвы? Сшолько ли вы сла-
бы, чшобъ допустить наглыхъ
похишиселей обманомъ возму-
тишь и привлечь на свою спш-
рону нашихъ пограничныхъ со-
опечесшвенниковъ, и хищниче-
ски войши въ наши области, и
овладѣшь всемъ нашимъ наро-
домъ? Или вы не знаете, чшо
Княжны Кассимирской давно уже
нѣтъ на свѣтѣ? И чего опъ
насъ хошашъ Миенаровы солда-
ты? Они ищупъ нашихъ бо-
гатствъ, ищупъ быть нашими
господами, омывшись въ на-
шей же крови. Плоды нашихъ
полей и обильныя произрастѣ-
нія нашихъ горъ, они - то бо-
лѣе побудили ихъ принять ору-
жіе, нежели выгоды Княжны,
давно счишающейся между мер-
швы

нными. Они хопящѣ насѣ сдѣ-
 лащѣ своими невольниками, и
 мы охотно подкланяемѣ наши
 выи для обложенія ихѣ тяжки-
 ми желѣзами подѣ иго работы.
 Просшите слава, чesть и бла-
 женное спокойство, коими мы
 до сего часа наслаждались! Про-
 сните плоды трудовѣ нашихѣ
 и попеченій! Земли наши до-
 спаюлса другимѣ владѣтелямѣ,
 у которыхѣ и мы не что иное
 будемѣ, какѣ невольники. Мы
 будемѣ обрабатывать наши зем-
 ли, но плоды ихѣ соберутѣ дру-
 гие. Наши богатства и наши
 дома будутѣ добычею сихѣ раз-
 бойниковѣ. Наши жены и дще-
 ри поклонялса симѣ гордымѣ
 побѣдителемѣ, и мы будемѣ
 подобны рабочимѣ воламѣ, вле-
 жуши плуги, жегомы полуден-
 нымѣ жаромѣ, или принуждае-
 мы для нихѣ копать земныя
 нѣдра

нѣдра для доставленія имѣ сокровищъ , намѣ самою природою предоставленныхъ. „

Горамѣ , раздраженный злобою , обманомѣ и надмѣнностію Гобаддана , приказалѣ своимѣ стрѣльцамѣ испустить на него смертоносныя ихѣ стрѣлы. Туча стрѣлъ покрыла мнимаго Султана ; но всѣ , ударяясь о его нагрудники , падали безѣ дѣйствія и нанесенія ему ранѣ къ ногамѣ его , преломляемы одна о другую сами собою.

Гобадданѣ умѣлъ чрезѣ сіе видимое чудо не опустить своихѣ выгодѣ. „ Друзья мои ! вскричалѣ онѣ побѣдительнымѣ голосомѣ : вы видите великое свѣдѣтельство покровительствующаго насѣ неба. Горамовы стрѣлы суть какѣ послѣ жавы колеблющаяся солома , или какѣ прахѣ , возмешаемый вѣтрами .

ПРИ

при путяхъ, кою не можеть
 пройти до тѣла путешествен-
 ника чрезъ одежду его. Не про-
 тивьшесь опредѣленіямъ неба.
 Слѣдуйте тому, что природа,
 разумъ и ваша собственная без-
 опасность вамъ предписываютъ.
 Оставьте непріятельскую армію,
 соединитесь съ защищающими
 васъ, вашу вольность и ваши
 имѣнія, родство и ближнихъ
 вашихъ. „

По сихъ словахъ новонабран-
 ные Горамомъ въ царствѣ Кас-
 симирскомъ солдаты оставили
 свои мѣста, и присоединились
 къ войскамъ Гобаддановымъ. Ми-
 нуша сія была благопріятна для
 мнимаго Султана; онъ тотчасъ
 съ великимъ жаромъ напалъ на
 непріятельскую армію.

Горамовы солдаты сначала
 храбро противились, и выдер-
 жали неуспрашимо сіе сильное

Часть IV.

К

на-

нападеніе ; однако всѣ стрѣлы ,
 низпускаемыя на Гобаддана , па-
 дали безъ всякаго дѣйствія , уда-
 раясь о вооруженіе его . Такъ-
 то дѣйствовала сила очарованій
 Гиппакюзаны , копорая въ одно
 и тоже самое время наблюда-
 ла движенія Миснаровы въ Де-
 ли , и покровишельствовала Го-
 баддана въ Кассимирѣ ! Солдашы
 Горамовы , видя , что ихъ силы
 и прошивленіе были бесполезны
 противъ людей , копорыхъ выше-
 естественная сила дѣлаетъ не-
 уязвляемыми , обратились въ бѣг-
 ство , какъ воздушныя пшицы
 предъ пшичникомъ , ихъ ловя-
 щимъ .

Гобадданъ воспользовался
 сею выгодною : онъ преслѣдовалъ
 бѣгущихъ во весь день и ночь .
 Самъ Визирь едва могъ изба-
 виться отъ бѣшенства непрі-
 ятелей . Совершенное разбише
 какъ

какъ солдатовъ, такъ и Офицеровъ, въ такое привело разсиройство, что не нашли они, кого послать въ Делли съ увѣдомленіемъ о сей печальной вѣдомости.

Но слухъ, всегда скорый и неутомимый въ злыхъ возвѣщеніяхъ, разлилъ свой ужасный гласъ до самаго города Делли, но копорому Миснаръ къ огорченію своему узналъ, что вѣрной его Горамъ разбилъ съ войскомъ своимъ побѣдоносными войсками Гобаддана.

Принцесса Гемжунагъ предалась пязчайшей, печали; она отвергла всѣ возможные утѣшенія. Султанъ Миснаръ рѣшился еобратъ всѣ свои войска и самъ, ишши съ оными въ помощь Гораму; ибо онъ, объявивши себя покровителемъ Княжны Гемжунаги, всѣми силами

К 2

пред-

предпринялъ возвратишь ей народы, подданные опцу ея.

Онъ велѣлъ собраться своимъ войскамъ, приказалъ набрать новобранцевъ, переравнялъ и разспавилъ новыхъ солдатъ съ спарыми, оставилъ довольные гарнизоны въ своихъ провинціяхъ, и въ нужныхъ мѣстахъ сильнѣйшія для предохраненія отъ бунтовщиковъ; самъ пошелъ съ страшною арміею къ границамъ Кассимирскимъ.

Визирь Горамъ, скрывшійся въ хижинѣ одного землѣпашца, котораго вѣрность имъ уже была испытана, далъ знать Сухтану, до какой онъ доведенъ былъ крайности. Вѣспники его объявили ему предпріятія Миснаровы, и что онъ привелъ войска ему на помощь. Горамъ собралъ разсѣянные свои войска, и съ сею горстію солдатъ, оставших-

ѣвшихся отъ полъ многочисленнаго войска, пошелъ на встрѣчу своего Государя; онъ бросился къ ногамъ его, испрашивая помилованія.

„Встань, Визирь! сказалъ Султанъ: я прощаю тебѣ твое несчастіе и потерю солдатъ моихъ. Правда, я не ожидалъ того, чѣмъ Гобадданъ прекинулъ мудрость и силу Горамову; однако надѣюсь, что онъ не обманетъ уже въ другой разъ. Мы научились не ввѣряться его хитрости, и наши войска сильнѣе его и многочисленнѣе. Ваши трудные походы привели въ безсиліе ваши войска, и они теперь не могутъ выдержать сильнаго нападенія. Поведемъ ихъ, спустя нѣсколько дней, давъ отдохнуť имъ, чѣмъ они оправились, прошивъ непріятелей; будемъ стараться содержать

К 3

жать

жашъ ихъ всегда свѣжими, и въ
состояніи всегда сражаюсь хра-
бро съ непріятелями. Пошлемъ
подсмотрщиковъ во всѣ сторо-
ны, и усилимъ наши спражи.
Горамъ! нашимъ благоразуміемъ
воспюржесивовали мы надъ во-
шебниками, Улиною, Гаппю-
комъ, Оломандомъ и Тасна-
ромъ; Агабакъ и Дезра пали
подъ нашими ударами: но мо-
жемъ ли мы спрашиться сла-
бости безсильнаго Визиря, ве-
дущаго малочисленное войско
бунтовщиковъ въ горахъ цар-
ства Кассимирскаго? Будемъ
храбры и благоразумны, но и
будемъ побѣдителями сихъ на-
шихъ непріятелей; они разсы-
плются предъ нами, какъ раз-
сыпается восходящее солнце ноч-
ные мраки. „

Двѣ арміи, Султана Индій-
скаго и мнимаго Султана Кас-
си-

симирскаго, открыли свои посты одна передъ другою. Войска Ми-
снаровы видѣли, сколько они
превосходятъ числомъ непрі-
ятельскую армію; но сія пре-
восходность въ войнахъ не оп-
влекла Султана и Визиря отъ
того, чѣмъ не содержатъ ихъ
въ совершенномъ порядкѣ воин-
скаго ученія, и чѣмъ не при-
нятъ всѣхъ возможныхъ пред-
осторожностей въ случаѣ про-
тивныхъ обстоятельствъ.

Арміи, будучи въ виду одна
съ другою, наблюдали нѣсколько
времени взаимныя движенія, не
вступая въ сраженіе. Всякой
изъ полководцевъ искалъ благо-
пріятнаго случая къ нападенію.

Наконецъ Султанъ, увѣдомив-
шись, что зараза свирѣпствуетъ
между войсками Гобаддановыми
въ той части, которая распо-
ложена была по болотистымъ и

гниловоднымъ мѣстамъ, сдѣлавъ нападеніе на непріятеля, и всѣ свои силы сраженія обратилъ на ту сторону ополченія, гдѣ болѣзнь свирѣпствовала.

Надежда Султана обманула. Гобадданъ предводительствовалъ со всякою исправностію симъ крыломъ своей арміи съ избранныѣйшими воинами, кошорыхъ онъ расположилъ предъ разсѣвомъ на мѣсто больныхъ, а оныхъ оставилъ назади. Онъ храбро выдержалъ нападеніе Миснаровыхъ войскъ, и разбилъ оныя.

Войска праваго крыла Султанской арміи, побѣжденные непредвидимою силою, выступили изъ своихъ мѣстъ, что разрушило порядокъ нападенія и привело въ смятеніе столь великую армію, каковой до сихъ поръ не видано было.

Го-

Гобадданъ, предусматривая всѣ движенія, сохранялъ войска свои въ лучшемъ порядкѣ. Армія его, не столь многочисленная, умножалась; она вездѣ оспавалась побѣдительною. Избранныя войска обрашили въ бѣгство всѣхъ непріятелей.

Султанъ и Визирь его щещно спарались собрать свои войска и ипши съ ними прошивъ непріятелиа. Смяшеніе въ ономъ было велико и неисправимо; оно начало опступать, въ песчанья степи, раздѣляющія царство Кассимирское отъ областей Делійскихъ.

Султанъ, уступившій побѣду своему непріятелиу, спарался въ другой разъ привести въ порядокъ успрашенные свои войска. Когда Горамъ распоряжалъ пѣхошу, Миснаръ собиралъ конницу, и поставилъ, сколько

возможно было, въ лучшій порядкѣ сраженія.

Они были и шутѣ числомъ превосходиѣ, хотя и были разсыпаны въ началѣ сраженія. Они могли исправиться и вырваться, такъ сказать, изъ рукъ побѣду у непріятелей. Миснарѣ и Горамѣ уговаривали и дѣлали все то, что могло бы усовершенствовать ихъ возвратиться и ополчиться въ порядкѣ къ новому нападенію на армію Гобаданову, кою преслѣдовалъ ихъ очень слабо. Но всѣ ихъ усиленные уговариванія были тщетны. Они столько обѣщали были страхомъ, что на всѣ совѣты отвѣщивали, что лучше бросаѣ свое оружіе, нежели возвращаясь противъ непріятеля.

Миснарѣ и Горамѣ, опчаявшись вдохнуть въ войска свои хра-

храбросць и неуспрашимосць, какою были наполнены сами, принуждены были весли ихъ въ спеси, въ копорыхъ хопя и знали, что не нашедши никакихъ споловыхъ запасовъ, помрутъ всѣ отъ жажды и голода. Взоры Султановы, обращаемые на своего Визиря, были подобны взорамъ опца, видящаго пропаяженную руку смерти надъ главами дѣтей своихъ. Взоры Визиревы на Султана открывали тѣ же самыя движенія сердца.

Чрезъ два дни ихъ похода, въ копорые они всѣ оставшіеся запасы издержали, нашли нѣкоторыя небольшіе ручейки. Споль велика была жажда, жгущая солдатъ, что многіе по уполеніи оней умирали.

Солдаты ни о чемъ болѣе не помышляли, какъ о неизбѣжной смерти. Миснаръ, ихъ Султанъ

и

и отецъ, былъ погруженъ въ великую печаль и опчаяніе.

Къ умноженію его нещасія, подзорщики, посланные для наблюденія непріятельскихъ движеній, объявили, что Гобаданъ, давши отдохнуть войскамъ, вступилъ въ походъ и гонится за ними поспѣшно, чѣмъ постигнувши въ степяхъ, гдѣ вы имѣете во всемъ нужномъ недостатокъ, побийте всѣхъ на голову, а безъ того не возвращайтесь.

Султанъ возспеналъ въ сердцѣ своемъ при сей вѣдомости. Приведенныя въ опчаяніе войска его возстали противъ него и его Визиря. Бунтъ сдѣлался всеобщимъ. Миснаръ и Горамъ увидѣли себя плѣнниками посреди собственныхъ своихъ солдатъ, которые требовали ихъ крови въ воздаяніе за понесенныя

ныя ими нещасія въ защищеніе ихъ правъ и безопасности.

Начальникомъ бунта былъ Уроди, старинной непріятель вѣрнаго Горама. Онъ умѣлъ вдохнуть неустрашимую храбрость въ сердца всѣхъ солдатъ. Онъ отважился принять команду надъ собственными Сулпановыми стрѣльцами, чѣмъ опсѣчь головы Сулпану и Визирю его.

Миснаръ, будучи свидѣтелемъ необузданнаго бѣшенства войскъ своихъ, спалъ на колѣни, и возведши взоры свои на небо, просилъ помощи отъ великаго Алла и его пророка.

Стрѣльцы уже расположены были исполнить гибельныя повелѣнія дерзкаго Уроди, какъ вдругъ явилось на воспокъ великое сіяніе. Бывшіе съ той же стороны въ послѣднихъ рядахъ
арміи

арміи увидѣли женщину въ полномъ блескѣ свѣта, проходящую надъ песчаными степями.

Въ мгновеніе ока удержала она спремленіе собравшихся солдатъ къ тому мѣсту, гдѣ хотѣли совершить свое преступленіе, закалая въ своемъ бѣшенствѣ Султана и Визиря.

„Миснаръ! сказала богиня: вспань, и не спрашисъ сихъ гнусныхъ людей, подлыхъ орудіи волшебной силы. Я есмь духъ Макома, посланный Магомешомъ къ тебѣ на помощь; ибо человѣческія вспоможенія сдѣлались не сильны избавить тебя отъ твоихъ непріятелей.“

„Воспріими власть, принадлежащую тебѣ надъ твоими подданными. Да будутъ они послушны тебѣ, какъ ты самъ почтителенъ къ великому Аллу. Да падутъ они предъ Богомъ
не-

неба, и да будутъ свидѣтелями
наказанія, наносимаго презри-
телямъ закона, предписаннаго
его пророкомъ!„

„Но научись опселъ твоимъ
собственнымъ испытаніемъ, что
глупо полагаешь всю свою наде-
жду на силы и мудрость чело-
вѣческую, не ища помощи въ
покровительствѣ великаго Алла„

„Земля и прозябающая на
ней его суть. О Миснаръ! и
небо есть твореніе рукъ его.
Мудрый да не хвалился своею
мудростію, и безсильный да не
опочаивается въ своей слабости.
Возвышенныя горы кажутся
взору пріятными, но онѣ не
что иное суть, какъ плоскія
долины предъ лицемъ неба. Ал-
ла силенъ покрыть зеленостію
изсохшія вершины горъ, и осу-
шить пучныя долины. Равнымъ
образомъ, не смотря на свои
силы,

силы, Алла къ искушенію швоему попустилъ непріятелямъ твоимъ шоржеспвовать надъ твоими силами и благоразумною предосторожностію. Могъ бы онъ повелѣшь насъ подъ твоими ударами твоимъ буншовщикамъ, не смошря на слабостъ войскъ твоихъ, твою и Визиря твоего. Познай же теперь, что ты не что иное въ свѣтѣ, какъ орудіе въ рукахъ шго, кошорой власъ надъ всѣми имѣетъ.,

„О Алла! ты имѣешь силу, вскричалъ Миснаръ, ты можешь усмиришь великихъ земли, обезсилишь ихъ могущество и уничтожилъ всѣ ихъ предпріятія. Сильные и владыки земли не возстанутъ противъ тебя безъ достойнаго наказанія. „

Султанъ еще не окончилъ словъ своихъ, какъ увидѣлъ непріятельскую Гобадданову армию

мію въ горящихъ песчаныхъ
спепяхъ.

„Хотя могущество Алла
есть безконечно, перервалъ духъ,
однако онъ часто производитъ
великія дѣла чрезъ самыя малыя
вещи и слабѣйшія средства. Ве-
ликанъ и карло равны предъ
лицемъ его. Но я не хочу въ
словахъ терять времени, копо-
рое я долженъ употребить на
исполненіе его воли. Ты будешь
свидѣтелемъ власи его и силы.
Никто изъ солдатъ твоихъ да
не выйдетъ изъ лагеря, всякъ
да останется въ своемъ ряду,
и да будутъ обращены очи ихъ
къ тому мѣсту, куда шеству-
ють непріатели; они увидятъ
ихъ погибающихъ отъ ужасной
язвы. „

Едва духъ окончилъ рѣчь
свою, какъ вдругъ помрачилось
Часть IV. **А** **небо.**

небо. Густой и черной облакъ покрылъ Гобадданову армію.

Мраки продолжались нѣсколь-
ко часовъ, такъ что войска
Султановы не могли пости-
гнуть причины сего явленія.
Свѣтъ открывался постепен-
но. Очи всѣхъ обращены были
на станъ Гобаддановъ. Они уви-
дѣли, что весь онъ покрытъ
былъ безчисленнымъ множе-
ствомъ саранчи.

„Непріятели твои, Сул-
танъ, уже болѣе не существу-
ютъ, сказалъ Макома. Смотри
теперь на волшебницу Гиппа-
кюзану, принявшую видъ бун-
тующаго Уроди. „

„Слава и спребленія сего
проклятаго рода принадлежатъ
Индійскому Султану, сказалъ
Визирь Горамъ, преклонясь предъ
духомъ Макомы; а то я было
даскался сею славою, и щасли-
вымъ

вымъ бы себя почелъ, что могъ избавить свѣтъ отъ сихъ духовъ, злодѣшальныхъ человѣчеству. „

„ Слава, о которой вы говорили, опвѣщствовалъ духъ, уже отдана другому. Крылатое несѣкомое, навѣянное на спанѣ непріятелей духомъ гнѣва Аллы, вползло въ нѣдра Гиппакюзаны, и умертвило ее ядомъ своимъ. „

Визирь Горамъ принялъ съ смиреніемъ сіе обличеніе духа. Слова Макомы были слова истинны. Въ сіе время пришли возвѣстивъ Султану, что бунтовщикъ Уроди умеръ скоропоспѣжно, такъ что никто не можетъ дознать причины его смерти, и при смерти видъ его превратился въ видъ какой-то гнусной волшебницы.

„ О Миснаръ ! продолжалъ духъ : хотя непріатели ваши

изчезнувѣ погибли, но рука, погребшая ихъ въ сихъ степяхъ, не меньше нужна вамъ въ сихъ безводныхъ мѣстахъ для подкрѣпленія вашего. Почему Алла отворилъ здѣсь источники чистыхъ водъ, и сіи песчаныя долины доставяшъ вамъ всякое прохлажденіе, въ какомъ вы имѣшъ можете нужду для васъ и войскъ вашихъ. Къ совершенію благополучія Султанъ Зебенезеръ, освобожденный отъ очарованій жестокой Гиппакюзаны, ожидаетъ васъ съ Княжнокъ, своею дочерью. Они не знаютъ дѣйствовавшихъ въ вашу пользу. Я оставляю вашему благоумію рассказать имъ объ оныхъ, ежели вы сіе сдѣлаетъ за благо разсудите. „

Султанъ Миснаръ очень понялъ смыслъ таинственныхъ словъ духа Макомы. Но прежде

ноз-

позволенія войскамъ своимъ наслаждашся благодѣянїями Аллы, приказалъ онъ въ знакъ благодарности пастъ предъ безсмертнымъ Владѣтелемъ міра.

Онъ первой подавъ имъ примѣръ, копорому послѣдовала вся армія. По окончанїи поклоне- нїя Аллу войска хотѣли пастъ къ ногамъ ихъ Султана и просить прощенїя въ бунтѣ, но крошкїй Миснаръ сего не позволилъ имъ.

„Удивительно ли, что спа- да совращаются съ прямой до- роги, сказалъ онъ, когда самъ пасущій ихъ удаляется въ го- ры. Прїимемъ Аллу и его про- рока нашими предводителями и защитниками, тогда не будемъ мы имѣть причины спрашивъ- ся ни очарованій, ни гоненій отъ гордоепи, ни бѣшенства возмущеній.“

Л 3

По-

Покровительство **Алла**
 благополучно привело Миснара,
 его Визиря и всѣ войска, ко вра-
 тамъ города Делли. Зебенезеръ
 и Гемжунагъ тамъ ихъ уже до-
 жидались; они встрѣтили его
 при входѣ въ его палаты.

Миснаръ съ учтивостію
 подошелъ къ почтенному стари-
 ку. Зебенезеръ, увидя его, вскри-
 чалъ въ изумленіи: „О Маго-
 менъ! возможно ли это, чѣмъ
 Индійскій Султанъ и Принцъ
 Георгіанской былъ одинъ и
 тотъ же человекъ?„

При сихъ словахъ Княжна
 Гемжунагъ равно пришла въ уди-
 вленіе и смятеніе; она броси-
 лась къ ногамъ своего родите-
 ля, проливая слезы и испраши-
 вая прощенія въ озлобленіяхъ и
 бѣдствіяхъ, какія ея непослу-
 шаніе навлекло на него и на са-
 мое ее.

» 0

„О Султанъ, мой Свѣтлѣйшій и почитаемый другъ! сказалъ Миснаръ: все вами сказанное правда. Я былъ точно шопъ, копорой приходилъ къ вамъ подъ именемъ Принца Георгіанскаго. Простите мнѣ сіе мое переименованіе и обманъ. „

„Ахъ, Султанъ! какого пребуете вы отъ меня прощенія? ошвѣпспвовалъ Зебенезеръ. „

„Я имѣлъ весьма сильныя причины скрывать мое прямое имя, перервалъ Миснаръ. Опецъ мой Дабулкомбаръ, окруженный ласкашелями, совѣшовавшими ему располагать престоломъ своимъ въ пользу младшаго брата моего Агюбала, принялъ намѣреніе удалить меня, чшобъ я, не могши примѣпить распавляемыхъ ими для меня сѣпей, удобнѣе могъ попасъ въ оныя. Онъ объявилъ мнѣ свое желаніе

на мое путешествованіе, обольщаль
меня славою и совѣщоваль всту-
пить въ службу къ какому ни-
будь чужестранному Султану,
чтобъ оружіемъ отличивъ себя,
прославишь свое имя. Для сей-
шо причины принужденъ я былъ
скрывать мое достоинство и
принять на себя именованіе
Принца Георгіанскаго. „

„И такимъ образомъ пере-
одѣвшись, пришелъ я ко Двору
Кассимирскому, чтобъ предста-
вить вамъ мои услуги, кошо-
рыя принять вы, почтенный
Султанъ, не отказались. Алла
покровительствовалъ справедли-
вость принятаго вами оружія,
и употребилъ меня орудіемъ къ
побѣжденію вашихъ непріятель-
ей. Войска ваши, которыя
одни достойно заслуживали сла-
ву нашихъ успѣховъ, сдѣлали
мнѣ честь и приписали славу
по-

побѣды моей неушомимости; и такъ пріобрѣлъ я ваше благоволеніе и почитаніе.»,

„Я, услышавъ, какое награжденіе хопите вы мнѣ дасть за слабыя мои услуги, льстился честию шоль благороднаго союза; чрезмѣрно желалъ видѣть Княжну Гемжунагу, копорую крѣпко сперегли въ отдаленнѣйшемъ мѣстѣ отъ сераля, спрашась исполненія предсказанія древняго оракула, что нѣкоторой иносстранецъ похищитъ ее отъ ея родителей. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ сказывали, когда я говорилъ, что хочу ее видѣть. Однако одинъ изъ ея невольниковъ провелъ меня въ сераль, и я имѣлъ удовольствіе видѣть прекрасную Гемжунагу, и съ того времени сдѣлалась она обладательница моего сердца. Я пришелъ къ вамъ и просилъ

поспѣшить сопряженіемъ, столь мною желаемымъ, какъ увѣдомился, что Дабулкомбаръ, родитель мой, отходитъ отъ міра, чтобъ соединиться съ прокомъ въ жилищѣ избранныхъ его. Я отправился въ Делли въ той надеждѣ, что скоро возвращуся испрашивать мною обожаемую Княжну, уже не подъ видомъ неизвѣстнаго Принца, но подъ именемъ Свѣплѣйшаго Султана Индійскаго. Я скоро прибылъ, чтобъ получить послѣднее цѣлованіе Дабулкомбара, которой умеръ въ моихъ объятіяхъ.,

„Сынъ мой! сказалъ онъ мнѣ умирая: злые согласились на твою гибель. Поспѣши утвердить престолъ твой, и старайся избавить себя отъ всякихъ опасностей прежде, пока не вовлечешь съ собою и другихъ въ твои бѣдствія. „

„Я

„Я понялъ смыслъ словъ
 сихъ. Опдавши послѣдній долгъ
 Дабулкомбару, спарался о усми-
 реніи внутреннихъ возмущеній
 моего государства, прежде не-
 жели дашь знать о себѣ Султану
 Кассимирскому. Но Алла споль-
 нѣсно соединилъ вмѣстѣ наши
 жребіи, что не нужно повто-
 рять вамъ мои приключенія; я
 увѣренъ, что вы объ оныхъ
 уже совершенно знаете. Одна-
 ко Княжна Гемжунагъ про-
 снитъ мнѣ, что не открылъ
 той тайны, что она мнѣ сказы-
 вала, какъ похищена изъ дому
 своего родителя волшебною си-
 лою. Я не замедлилъ открытъ
 предъ нею мое сердце, когда
 услышалъ изъ собственныхъ устъ
 ея, что Принцъ Георгіанской,
 котораго она гнушалась, не
 имѣетъ щастливѣйшаго сопер-
 ника. „

„Свѣ-

„Свѣтлѣйшій Султанъ! сказала Княжна: щетно бы было, ежели бы я хотѣла скрывать чувствія, которыя уже всѣмъ видны, тогда, когда совершенно извѣстна о моемъ благополучіи. Позвольте мнѣ сказать вамъ чистосердечно, что я столько люблю Индійскаго Султана, сколько ненавижу Принца Георгіанскаго, котораго хопя и никогда не видывала. Сердце мое готово исполнить повелѣнія моего родителя. И теперь, узнавши великодушнаго Миснара, чувствую, что онъ получилъ уже руку подъ именемъ Принца Георгіанскаго.”

Ошвѣтивъ Гемжунаги исполнилъ радостію сердца обоихъ Султановъ. Горамъ, вѣрной Горамъ, не меньше былъ доволенъ, видя Государя своего и Княжну Кассимирскую готовыхъ взаим-

но

но наградишь несчастія, ими
другъ для друга понесенныя.

Весь Дворъ ожидалъ съ не-
терпѣливостію того дня, въ
которой совершится сей Цар-
ской бракъ. Добродѣтельной
старикъ Зебенезеръ благодарилъ
небо, что оно продолжило дни
жизни его до дня, въ которой
онъ видитъ дочь свою Султан-
шею Индійскою, а Миснара
щасливѣйшимъ изъ дѣтей вели-
каго Аллы.

Какъ духъ Макома окон-
чилъ свою повѣсть, то мудрый
Иракагемъ заключилъ собраніе
слѣдующими словами:

„Дѣти Аллы суть свобод-
ны; самое лучшее употребленіе
ихъ свободы есть ввѣрять
себя могуществу Владѣтеля
всѣхъ вещей; но не съ тѣмъ,
чтобъ сіе порученіе себя во
власть его дѣлало ихъ нечув-
ствитель-

спвишельными, распустными, лѣнивыми, слабыми и безразсудными; чшобъ имѣ пренебрегать испочники и помощь мудрости. Дарованный свыше разумѣ дѣлохотѣшленѣ и прозорливѣ; и когда мудрость соединяетсѣ съ вѣрою, то Алла дѣлаетъ ее побѣдительною надѣ всѣми прошивностями; а когда и попускаетъ испытывать имѣ оныя, то онѣ подаетъ имѣ силу и крѣпость къ понесенію съ шерпѣніемъ и безѣ роптанія посылаемые на нихѣ бѣдспвія. „

„Научишесѣ убо, воспитанники безсмертныхѣ духовѣ! научишесѣ никогда не забывать, сколько-то вы имѣете надобности вѣ помощи Аллы, не смотря на всѣ предосторожности и силу мудрости и испытанности. Тотѣ истинно мудрѣ, кто соединяетъ вѣру съ дѣлами своими;

ими; и пошѣ только одинѣ прямо благочестивѣ, котораго дѣла основываются на вѣрѣ. „

„Но наставленій духа Макомы и его собратій для шепершняго случая довольно. Вѣрные спражи сыновѣ человѣческихъ упражняютъ ихъ въ знаніяхъ, копорыя уважаются не безъ разсужденія на земли; въ знаніяхъ, копорыхъ мы изобрѣтапели, и копорыя мы впечатлѣли еще немногому числу избранныхъ и любимыхъ нами смертныхъ, копорые попеченіемъ нашимъ разпоргли узы неразумія и разсыпали густыя мраки невѣжества, въ копорыхъ погружена вселенная; люди, истинно почианія достойные, копорыхъ слава возсіяетъ во всѣхъ возрастахъ жизни; ибо всякой возрастъ соберетъ плоды трудовъ и наставленій, чрезъ
 кошо-

которыя вычищаются нравы и исправляется природа, и обогащается прекраснѣйшими открытіями знаній и художествъ. „

Какъ мудрый Иракагемъ окончилъ свои наставленія, то нижшіе духи вспали и опвели младыхъ учениковъ въ ихъ особенные покои, гдѣ ихъ наставляли въ наукахъ и полезныхъ знаніяхъ, какимъ не научающъ на земли, какъ съ великими и неусыпными трудами.

По сихъ упражненіяхъ все собраніе возвратилось въ обыкновенной залѣ, гдѣ Иракагемъ удивлялся веселому и крошечному виду сей добродѣтельной юности, которыхъ сердце и разумъ показывали всякую минушу новые опыты успѣховъ въ даваемыхъ имъ наставленіяхъ.

„Знаніе, сказалъ мудрый Иракагемъ, вычищаетъ нравы. Добро-

добродѣтель и вѣра одиѣ только могутъ вознести духъ ко благамъ безсмертнымъ. Пренебрегаешь первыя, еси утвердишь очи свои къ свѣту дня; презираешь послѣднія, еси хопѣшь пресмыкаться по землѣ, когда небо опверзшо для нашего пріятія. Мудрый и прозорливый человѣкъ употребляетъ знанія въ пользу добродѣтели; онъ составляетъ изъ нихъ двухъ нераздѣлимыхъ со товарищей. Адирамъ, благодѣтельный духъ! кажется, что вы хошите намъ предложитъ свои пріятнѣйшія наставленія; а мы хопимъ слышать, что вы будете разсказывать.

Адирамъ вспалъ, и началъ такимъ образомъ новую сказку, столь же нравоучительную, какъ и увеселительную.

САДАКЪ и КАЛАЗРАДА.

Сказка девятая

Слава и память Садака обитающѣ еще въ долину Эриванской, гдѣ онѣ извлекѣ лукѣ сильныхѣ и прогнаѣ непріятелей вѣрныхѣ на лѣдистыя горы хладнаго сѣвера.

Когда Амурашѣ ввелѣ на землю мирѣ, Садакѣ возвратился сѣ любезною своею Калазрадою въ домѣ своихѣ предковѣ, которой построенѣ былѣ на высокихѣ берегахѣ Босфора (узкое мѣсто подѣ Царяграда, гдѣ нынѣ стояшѣ Дарданеллы), на мѣстѣ, прекраснѣйшемѣ въ свѣтѣ.

Садакѣ, гордый и жестокосердый на войнѣ и въ сраженіяхѣ, сдѣлался тихимѣ и обходительнымѣ въ щасливомѣ своемѣ уединеніи, украшенномѣ всѣ-

всѣми пріятносціями невоздѣланной природы, и богатствами, искусствомъ собранными и расположенными въ нѣжнѣйшемъ вкусѣ.

Домъ Садаковъ стоялъ посреди великой и пространной долины, окруженной моремъ, съ которой видны были берега всей Европы. Высокой и густой лѣсъ закрывалъ заднее положеніе оной, и со всякой стороны косогоры, холмики и прекрасныя долинки разношою своею большую придавали пріятность мѣсту.

Сады были безпорядочны, но ихъ безпорядокъ и разбѣшанность дѣлали ихъ увеселительнѣйшими. Садакъ находилъ въ ихъ кустарникахъ гораздо превосходнѣйшія удовольствія и пріятности, нежели какими

наслаждаются гордые жишели
Двора Ошпоманскаго.

КЪ умноженію его благо-
получія въ семъ земномъ раю ,
его добродѣтельная и любезная
еупруга сдѣлала его оццемъ
многочисленнаго потомства.

Когда Садакъ и Калазрада
сизивали подѣ шѣнію густыхъ
елей , тогда дѣши ихъ рѣзвась
играли предѣ ними въ долинахъ
и кустарникахъ.

Военнолюбная душа Садакова
уже познавалась въ живности
сыновъ его и въ забавныхъ ихъ
между собою спорахъ , а при-
влекательная пріятность Калаз-
рады начертана была на челахъ
и въ глазахъ ея дочерей.

И такъ сія щастливая чета
владѣла величайшими сокровища-
ми земли , дѣшями , наслѣдни-
ками добродѣтели ихъ благо-
честивыхъ родителей.

Са-

Садакъ, которому тяжкіе военныя труды уединеніе его дѣлали пріятнѣйшимъ, рѣшился въ ономъ препроводить остающіеся дни своихъ, и посвятить все свои попеченія на воспитаніе дѣтей своихъ.

Калаэрада удержала красоту своей юности, которую и самая старость, казалось, уважала; все ея желанія относились къ Садаку, а Садакъ ссваивалъ все ея блаженство. Сердце ея услаждалось присутствіемъ Садака, и когда онъ оплучался, то она воздыхала о его отсутствіи. Любовь Садакова равнялась нѣжности Калаэрадиной; онъ находилъ ее всякой день прекраснѣйшею и любезнѣйшею; одна только Калаэрада занимала его мысли, она одна владела всеми его чувствами.

Время, ослабляющее и погашающее стремленіе сильной страсти, подавало новыя силы любви ихъ, и чѣмъ болѣе вкушали они чистѣйшее свое благополучіе, тѣмъ менѣе желали другаго большаго.

Садакъ не подавалъ сынамъ своимъ примѣра жизни иѣжной и праздной: онъ съ ними часто ѣздилъ на охоту и пріобучалъ ихъ къ оружію. Всякой день водилъ ихъ въ долины Резевскія, и младшій изъ четырехъ сыновъ его, едва только могшій носить лукъ, по примѣру братьевъ своихъ учился пускать стрѣлы въ мѣшу.

„Родитель мой! сказалъ старшій сынъ Коданъ, когда они упражнялись въ долинахъ въ разныхъ дѣйствіяхъ; родитель мой! какой густой дымъ восходитъ изъ лѣса, и какой огнен-

огненной вихрь поднимается въ воздухъ! „

Садакъ, испускавши тогда свѣду сильною рукою, оглянувшись топчасъ къ лѣсу, и увидѣвъ возвышающійся надъ вершинами великихъ деревъ пламень.

„ Не бойтесь ничего, „ дѣши мои, сказалъ онъ съ спокойнымъ видомъ: продолжайте ваши упражненія, пока я пойду по-смотреть, что тамъ такое дѣлается. Я оставляю съ вами четверыхъ невольниковъ, а прочіе пойдутъ со мною къ загорѣвшемуся лѣсу.

Садакъ не хотѣлъ испугать дѣшей своихъ, но приключившееся ему несчастіе уже было извѣстно и неизбежно. Домъ его былъ весь въ пламени, и онъ спѣшилъ изхитить свою любезную Калазраду и дщерей ея изъ нѣдръ пылающаго огня.

Садакъ предупредилъ послѣ-
шностію своихъ невольниковъ, и
первый прибѣжалъ къ дому. Онъ
былъ ошъ всѣхъ оставленъ; устра-
шенные его невольники разбѣ-
жались по лѣсу. Онъ приказалъ
ихъ собрать, и спросилъ съ по-
ропливостію, изхищены ли изъ
пламени Калазрада и ея дочери?

По печальному ихъ виду
онъ не сомнѣвался болѣе, что-
бы онъ не были еще въ падажахъ.
Онъ бросился въ средину огня,
кошорой его потчасъ окружилъ;
однако онъ пробрался до опда-
леннѣйшихъ покоевъ, въ кошо-
рыхъ жила Калазрада и ея лю-
безныя дочери.

„Калазрада, любезная моя
Калазрада! гдѣ ты? вскричалъ
онъ въ смущеніи. „

Калазрада не отвѣстствовала.
Садакъ поднялъ громкой голосъ,
крича съ большимъ напряже-
ніемъ:

Нісѣмъ : „Калазрада ! гдѣ ты ,
любезная моя Калазрада ? „

Но не слышно было Калаз-
радина голоса.

Садакъ , обливаясь слезами ,
искалъ любезную свою во всѣхъ
мѣстахъ Гарама. Онъ побѣждалъ
въ покои трехъ своихъ дочерей,
гдѣ нашелъ ихъ распроспершихъ
на земли съ ихъ невольницами ,
ожидающихъ всякую минушу
быть жертвами пламенемъ.

„Встаньте , дѣти мои ! ска-
залъ Садакъ : ободритесь при-
сутствіемъ отца вашего , при-
шедшаго избавить васъ отъ ог-
ня. Но гдѣ мать ваша , гдѣ лю-
безная моя Калазрада ? „

„Увы ! мы не знаемъ ниче-
го о ней , оповѣщивали онъ
умирающимъ голосомъ ; нѣкто-
рые невольники извлекли ее изъ
ея покоевъ , когда она спѣшила
прийти къ намъ на помощь. „

М 5

„Благо-

„Благословенъ да будетъ пророкъ! она теперь въ безопасности! вскричалъ Садакъ. Но вы, дѣти мои! пойдите ко мнѣ, сѣвшииye выпити изъ палашъ. Пойдите ко мнѣ, я васъ пронесу въ моихъ объятіяхъ сквозь пламень; окунитесь только въ воду, намочите всѣ одежды, чѣмъ онѣ намоченныя могли пропитаться огню.„

Проходя чрезъ бани женщинъ лица ихъ, омочились онѣ сами въ бассейнахъ (мѣсно для воды, выложенное камнемъ на подобіе прудка); также и всѣ ихъ невольницы послѣдовали примѣру ихъ господъ.

Садакъ, пришедши во внутренніе покои, которые были уже всѣ охвачены огнемъ, взялъ двухъ своихъ старшихъ дочерей въ свои объятія, и пронесъ ихъ сквозь пламя до самого лѣса. Не-
воль-

вольники и невольницы слѣдовали за ними. Садакъ, осматриваясь на всѣ стороны, и не видя младшей дочери, вскричалъ: „Гдѣ она? Пойду спасу отъ огня дочь мою, или самъ погибну съ нею!“,

Онъ пробѣжалъ въ третій разъ чрезъ пламя. Младшая изъ его дочерей была безъ чувства, какъ отецъ ее оставилъ. Онъ ее нашелъ почти уже мертвою.

Одна изъ его женщинъ оспалась съ нею, рѣшившись лучше умереть, нежели оставить младую свою госпожу свирѣпости огня.

Садакъ взялъ сіе любезное свое сокровище къ себѣ на руки, и приказалъ невольницѣ держать его плащъ, и слѣдовать за нимъ безъ устрашимости въ средину огня.

По щасію ихъ вѣтеръ поворошилъ въ другую сторону
накло-

наклоненіе пламени отъ палатъ,
такъ что сей великодушной
отецъ уже съ меньшею опасно-
стію прошелъ чрезъ огонь въ
сей разъ, нежели прежде.

И такъ Садакъ, спасши шрехъ
своихъ дочерей, спросилъ не-
вольниковъ, куда они опвели
любезную его Калаэраду? Никто
ничего не опвѣщсшвовалъ на его
вопросы.

Невольники собрались всѣ
около его, и онъ примѣшилъ,
что нѣмль четвертаго изъ шѣхъ,
жоторыхъ онъ оставилъ въ до-
линѣ съ сынами своими.

Огонь былъ столько силенъ,
что мало оставалось надежды
изхищсшь изъ онаго хопя ма-
лую часпицу бывшихъ въ домѣ
сокровищъ. Онъ оставилъ деся-
терыхъ только невольниковъ
для утешенія, ежели возможно
будетъ, огня, и для извлеченія
изъ

изъ онаго, что только могутъ;
а прочихъ послалъ искашь го-
спожу ихъ Калазраду и чешы-
рехъ ея невольниковъ въ различ-
ныхъ мѣстахъ сада и въ ближ-
нихъ селеніяхъ, около дома ле-
жащихъ. Другимъ шестерымъ
приказалъ отвести дочерей въ
долину Резебскую, и чтобъ сы-
скавши тамъ сыновей, удалишь-
ся въ ближнюю деревню. Онъ
приказалъ также пошедшимъ
искашь Калазраду, чтобъ, если-
ли ее найдутъ, привести въ
поже самое селеніе.

Распорядивши такимъ обра-
зомъ Садакъ, самъ пошелъ въ
чащу лѣса по тропинкамъ, мало
извѣстнымъ и почти непрохо-
димымъ, призывая любезную
свою Калазраду и похитив-
шихъ ее невольниковъ; но эхо
только повторяло слова его,
а Калазрадина голоса не слыш-
но было.

Отяг-

Оптягченный печалію и безпокойствомъ, шашался онъ, какъ заблудившійся, по лѣсамъ до самой ночи. Но видя, что всѣ его поиски были бесполезны, рѣшился возвратиться къ своему дому въ той надеждѣ, что невольники, можетъ быть, щасливѣе его въ исканіи любезной его Калазрады.

Огонь въ его присутствіи казался возрождаться и умножаясь свою свирѣпость. Невольники обѣжались къ нему, проливая слезы, что никакого свѣдѣнія не имѣютъ о госпожѣ своей. Садаясь, которой упрямъ онаго дня съ шолікимъ удовольствіемъ и восхищеніемъ взиралъ на разпещренные поля, окружающія домъ его предковъ, видѣлъ уже однѣ развалины и опустошеніе, наполняющія мѣста ужасомъ, которой еще болѣе умножалъ.

жался при свѣтѣ огня, пожи-
рающаго всѣ его сокровища.

Однако никакая потеря
столько его не трогала, какъ
потеря любезной своей Калаз-
рады. Онъ уже не сомнѣвался
болѣе, чѣмъ не былъ умыш-
ленно похищенъ другъ и сопо-
варищъ жизни его, и что тѣ
же похитившіе невольники за-
жгли домъ его, чѣмъ безъ нака-
занія скрыть виновное и злоб-
ное намѣреніе. Мысли сіи по-
грузили его въ глубочайшую за-
думчивость и печаль. Онъ за-
былъ всѣ свои другія несчастія,
а думалъ только о томъ, что
лишился обожаемой имъ Калаз-
рады, и съ прискорбіемъ вооб-
ражалъ, что она во власти,
какъ невольница, у своихъ по-
хищителей.

„О Алла! сказалъ Садакъ
въ страхѣ и воздыханіи: о Алла!
под-

подкрѣпи мою вѣру, научи меня познать и посредѣ сей ужа-
сеной ночи, что милосердіе швое
гораздо болѣе, нежели нещаспія,
насъ угнѣтающія, и что ты
самъ предопредѣляешь пути пра-
ведному къ бѣдствіямъ для иску-
шенія его добродѣтели. Смуща-
ются мысли мои, помрачаешься
разумъ, я пораженъ страхомъ!
Но очи твои проникаютъ во
глубину мраковъ, ты направ-
ляешь стопы твоихъ служише-
лей въ безднѣ опчаянія. Ты пра-
веденъ, по прости моей слабо-
сти, излей въ уязвленную низ-
посланными отъ тебя ударами
душу мою елей надежды, и
утверди въ оной спраждущее
сердце мое!»,

Алла услышалъ теплыя мо-
литвы своего служишеля. Серд-
це Садаково исполнилось свяшою
надеждою.

Не-

Невольники его выпаскали нѣсколько сокровищъ изъ пламени. Садакъ, скрывши ихъ въ безопасныя мѣста, пошелъ въ ближнее селеніе, къ своимъ дѣтямъ его ожидавшимъ. Онъ старался скрыть отъ нихъ печаль, раздражающую его сердце, и вмѣсто того, чтобъ съ ними оплакивать несчастія, всѣ силы употребилъ для утѣшенія ихъ о поперѣ нѣжной ихъ матери.

Друзья его пришли къ нему для такого же утѣшенія въ деревню, въ кошорой онъ былъ съ своимъ семействомъ. Родители Калазрады совѣтовали ему имѣть попеченіе о дѣтяхъ, а они между тѣмъ старались будущъ навѣдываться о любезной его супругѣ и сыскивать злыхъ его невольниковъ.

Садакъ принялъ съ благодарностію предложеніе Мепика, отъ
Часть IV. Н ца

ца Калазрадина, и обнявши нѣжно дѣтей своихъ и проснясь съ ними, пошелъ къ морю, гдѣ сѣдши на легкое судно, отправился въ Константинополь.

Амюрашъ, вошедъ въ Диванъ, сѣлъ на своемъ престолѣ. Садакъ палъ къ ногамъ его. „Встанъ, храброй солдатъ, сказалъ ему Амюрашъ. „

„Садакъ! продолжалъ Султанъ, слава о твоёмъ благополучіи разнеслася по всей землѣ. Не завиствующіе Оттоманскому престолу желаютъ бытъ столько же благополучны, какъ Садакъ въ своемъ мирномъ и пріятномъ уединеніи. Имѣешь ли чего болѣе желать Садакъ? Для чего пришелъ онъ съ прозьбою пасть къ ногамъ Монарха? „

„Солдатъ полагаетъ веселіе свое и радость въ благопріятныхъ взорахъ своего Государя, ошвѣш-

„Я обучалъ въ разныхъ упражненіяхъ чепырехъ сыновъ моихъ въ Резебской долигъ, сказалъ Садакъ; я показывалъ имъ по искусство, какое Государю ихъ наиболѣе пріятно и любезно, какъ огонь обнялъ наслѣдіе ошесѣ моихъ, и прежде нежели я могъ подать помощь любезной моей Калазрадѣ, чепверо невольниковъ уже ее похищили. Я приказалъ вездѣ искашь ее,

Н 2 не

но не могъ получить никакого о ней свѣдѣнія. Сіе-то, о Амюратъ! несчастіе привело меня пасть предъ славнѣйшимъ твоимъ престоломъ. „

„Храброй солдатъ! ошвѣстивовалъ Султанъ: я возвращу тебѣ нвое щастіе и имѣніе, и умножу ихъ, сколько могу. Гаснадаръ Баски запластитъ тебѣ твоей убытокъ вдвое. Даю тебѣ двадцать изъ моихъ невольниковъ; что касается до твоей жены, то умѣрь твои желанія; ты можешь искать вездѣ, гдѣ хочешь, иную новую Калазраду. „

Слова Амюратовы были какъ смертоносныя стрѣлы для сердца Садакова. Онъ воздыхая ошвѣстивовалъ: „Государь! прикажите лучше, чтобы правосудіе сыскало и наказало похитителей. Самое величайшее благо-

дѣ

дѣяніе, какое вы мнѣ оказать можете, есѣь возврапитъ мнѣ любезную мою Калазраду.»,

„Садакѣ! сказалъ Султанѣ: не сомнѣвайся, чѣобѣ Калазрада, копорая столько времени была во власти твоихѣ невольниковѣ, нынѣ не была довольна новымѣ своимѣ состояніемѣ. Вмѣсто того, чѣобѣ быть невольницею одного, она теперь сама госпожею чепырехѣ. Способна ли женщина и можетъ ли возмутить сердце воина? Жребій войны предаетъ ихѣ въ наши руки, и онѣ, перемѣняя господина, перемѣняютъ и спаси свои.»,

Какѣ дубѣ стараетъ отѣ молніи, такѣ сердце Садаково мучилось отѣ словѣ Амюраповыхѣ. Однако онѣ довольно имѣлъ силы и власти надѣ собою, чѣобѣ скрыть смущеніе души своей. Онѣ поклонился до

земли предъ Султаномъ и вышелъ изъ Дивана. Онъ обошелъ въ шотъ день Бизиспенъ и всѣ народныя мѣста и улицы, навѣдываясь о Калазрадѣ и чепырехъ невольникахъ; потомъ пришелъ въ ту сторону города, гдѣ были леванты, или водоносцы. Нигдѣ желаніе его не удовольствовано. Никто не видалъ Калазрады, ни чепырехъ невольниковъ, но ниже кто слышалъ о нихъ.

Сии неудачливыя предпріятія удвоили печаль его, однако не воспрепятствовали ему предпринять новые поиски. Онъ попеременно обходилъ противоположащіе берега Европы и Азіи. Два мѣсяца прошли въ сихъ бесполезныхъ исканіяхъ. Но и въ сіе время никакого свѣдѣнія получить не могъ, куда бы невольники его скрыли свою добычу. А

А между тѣмъ Калазрада претерпѣвала большія мученія и сносила жесточайшіе съ нею поступки. Учасіе ея плачевнѣе и сожалѣтельнѣе была, нежели Садакова.

Поутру въ день ея похищенія сидѣла она на софѣ, окруженная своими невольницами, какъ вдругъ услышала крикъ, что пожаръ и что домъ со всѣхъ сторонъ обхваченъ пламенемъ, и она вдругъ увидѣла, что въ прехъ мѣстахъ домъ уже загорѣлся.

Смятеніе было во всемъ селеніи. Калазрада не забыла дѣтей своихъ. Она спѣшила къ нимъ на помощь, какъ вдругъ схвачена была чепырьмя невольниками, которые тащили ее насильно изъ палатъ.

Они удалились съ добычею своею на берегъ моря, гдѣ не

Большое судно ихъ дожидалось, прикрытое высокими деревьями, копорыхъ густая тѣнь далеко простиралась надъ водами.

Невольники, приведши ее, опдали въ руки старому евнуху, копорой былъ на суднѣ, и копорой, накинувши ей на голову черное покрывало, угрожалъ бросить ее въ море, ежели она осмѣлилась кричать, или противиться.

Евнуховы угрозы были тщетны. Калазрада, не находя большаго нещасія, какъ лишиться Садака, наполняла воздухъ плачевными своими криками. Евнухъ, видя, что онъ ничего не успѣетъ своими угрозами, велѣлъ гребцамъ умножить свои силы и учащать веслами для удаленія какъ наискорѣе отъ берега.

Калазрада, заключенная на суднѣ, не знала, куда везутъ ее.

ее. Перебздѣ не былъ продолжителемъ; они шопчасъ при-
стали къ другому берегу; чеш-
веро черныхъ евнуховъ явились
при сходѣ съ судна, и обвер-
нувши прекрасную бѣглянку ши-
рокимъ шелковымъ ковромъ, по-
несли ее, не внимая и не смяг-
чаяся ея жалобными воплями.

Идучи нѣсколько времени,
они остановились и дали неща-
стной Калазрадѣ свободу оп-
дохнуть. Прискорбная красавица,
бросая около себя безпокойные
свои взоры, увидѣла, что она
въ саду, наполненномъ высоки-
ми кипарисными деревьями.

Она бросилась къ ногамъ од-
ного изъ своихъ похищителей,
которой казался быть началь-
никомъ другихъ; молила его
сжалиться надъ несчастною ма-
терью и бѣдною супругою, ко-
торую безчеловѣчно похищали

И ;

отъ

опѣ любезныхъ ея дѣтей и
нѣжнѣйшаго супруга.

Евнухи ничего ей не оп-
вѣспивовали. Начальствующій
прочими далъ знакъ, чѣтобъ
обвернуть Калазраду въ шелко-
вой коверъ и нести ее далѣе.

Опнесши нѣсколько, они
опять оспановились и дали ей
опдохнуть.

Жена Садакова сняла свое
покрывало. Невольники пропали.
Она была уже въ темной ком-
натѣ, въ которой окна запво-
рены были частыми желѣзными
рѣшетками.

Въ одномъ углу комнаты
на маленькомъ столикѣ стояла
чаша, наполненная варенымъ са-
рацинскимъ пшеномъ, и кружка
воды.

Калазрада побѣжала къ две-
рямъ, но невольники выходя
крѣпко за собою оныя заперли.
Ей

Ей не возможно было убѣжать, да она и не знала, гдѣ она. Предавшись печали, проливая источники слезъ, произносила она жалобы слѣдующими словами, прерываемыми тяжкими вздохами:

„Увы! для чего похищали меня чужбѣ обчуждѣннѣйшаго, кого я люблю болѣе всего на свѣтѣ? Садакъ! гдѣ былъ ты, о ты! свѣтъ очей моихъ! какъ рука пригласительная была на Калазрадѣ? Гдѣ была крѣпость и сила рукъ твоихъ, неустрашимость духа твоего, когда похищали твою Калазраду отъ любезныхъ друзей твоихъ? О вѣрный Садакъ! для чего я лишена свѣта очей твоихъ? Для чего лишена нѣжныхъ твоихъ взоровъ, которые вливали радость въ сердце мое? О Садакъ! не раздѣляли ли мы вмѣстѣ съ тобою

бою день и ночь, свѣтъ и тьму?
Еѣ обѣщаніяхъ Садака была я
безопасна отъ непогодъ и бурь
нещасія, и я, презирая все, жи-
ла въ спокойствіи и тишинѣ. „

„Ахъ Садакъ, Садакъ! услы-
ши гласъ Калазрады, прежде не-
жели подлой похищитель овла-
дѣетъ совершенно любезнымъ
твоимъ сокровищемъ. Любовь
моя къ тебѣ, Садакъ, была чи-
ста, какъ вода, низпадающая съ
небеси. Калазрадины мысли не
имѣли никогда другаго предме-
та, кромѣ тебя. Упрямъ радо-
валась я первымъ лучамъ солнца;
потому что они доставляли мнѣ
удовольствіе видѣть моего лю-
безнаго. Когда вспавалъ отъ сна
Садакъ, сердце мое воздыхало
отъ нѣжности. Когда водилъ
сыновъ своихъ на охоту, пла-
чевая охота! глаза мои сопро-
вождали ихъ до самаго лѣса и
мы-

мысли слѣдовали и въ самыя долины. Когда онъ возвращался, присутствіе его было для души моей какъ восхищительное согласіе небесныхъ хоровъ. Когда онъ улыбался, нѣжная его улыбка услаждала меня, какъ пріятной свѣтлѣ утра. Когда онъ говорилъ, нѣжной тонъ его голоса проходилъ до души моей, какъ небесная роса вливается въ нѣдра земли для ея уплодотворенія. Крошкое твое шествіе подобно было тихому движенію пальмовыхъ деревъ, распускающихъ на горахъ, когда въперокъ легко колеблетъ вѣтви ихъ. Увы! какой варваръ опшоргъ тебя изъ моихъ объятій! Ахъ, несчастная Калазрада! ты теперь какъ путешественникъ въ лѣсу среди свирѣпыхъ волковъ; ты какъ чужестранецъ, заблуждающій на удачу въ доли-

линахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. „

Калазрада многіе дни проводила въ слезахъ; она никого не видывала, кромѣ нѣмой старой невольницы, которая ей всякой день приносила для пищи нѣсколько варенаго пшена и кружку воды. Сколько мало пищи ни приносимо было, но для прѣкрасной жены Садакой, которая питалась однѣми только слезами и печалію, было очень много.

До сихъ поръ Калазрада не могла знать, какія были намѣренія ея похищителя и для чего онъ сшоль въ строгомъ содержаніи ее заключеніи. Не видя никого, приходящаго къ ней для умноженія ея печали, начала она терпѣливѣе сносить свое состояніе; но напоминаніе Садака и любезныхъ своихъ дѣшей

шей огорчало ее также, какъ и прежде.

Наконецъ увидѣла она одно-го изъ черныхъ невольниковъ, которые ее похищили. Онъ принесъ ей долгое зеленое плащье и желтую чалму. Увидя его, Калазрада отъ страха ушла во внутренность комнаты; невольникъ преслѣдовалъ ее свирѣпымъ своимъ взоромъ, нагналъ ее и схватилъ за руку.

Прекрасная Калазрада, почувствовавъ, что она ухвачена, наполнила комнату своими воплями. Слезы ея и стѣнанія ни мало не трогали наглаго невольника. Онъ сказалъ ей опредѣлительнымъ голосомъ, что онъ ее любитъ и имѣетъ намѣреніе сдѣлать ее своею наложницею.

При сихъ словахъ Калазрада удвоила свои крики. Невольникъ крѣпко держалъ ее въ своихъ объ-

объятіяхъ, какъ вдругъ вошли
 пятьдесятъ евнуховъ, кошорые
 схватили чернаго невольника, и
 освободили Калазраду отъ нечи-
 стыхъ объятій.

Жена Садакова удивилась
 сему чудному избавленію; но
 она новымъ поражена была ужа-
 сомъ, когда увидѣла подходя-
 щаго къ ней сильнаго Амюраша.

„Невольникъ сей, сказалъ
 Монархъ, да лишенъ будетъ
 жизни за нанесенную красотѣ
 обиду.“

Калазрада, слыша Сулпаново
 повелѣніе, бросилась къ ногамъ
 его, и обливаясь слезами, гово-
 рила ему:

„Государь! ты, кошораго
 Алла послалъ на землю бытъ
 покровищелемъ добродѣтели и
 испищелемъ порока; ты видишь
 у ногъ твоихъ жену раба тво-
 его Садака. Сильный Государь!
 ког-

когда Садакъ научалъ сыновъ своихъ ходишь по славнымъ стопамъ его предковъ, четверо изъ его невольниковъ зажгли его домъ, вбѣжали въ мою комнату, меня похищили и посадили на галеру, на которой покрыли меня толстымъ пологомъ и привезли въ сію ужасную мрачную пещеру, въ которой до сего дня была я одна, преданная печали и опчаянію. Но предъ нѣсколькими минутами сей нагой невольникъ, котораго я подозрѣваю быть звѣро-нравнымъ начальникомъ моихъ несчастій, вошелъ ко мнѣ въ бѣшенствѣ, чтобъ сдѣлать меня жертвою нечистой своей спраси. Щаслива я, что спражи моего Государя избавили меня отъ жестокой его злобы и нападенія! Одной испрашиваю у сильнаго Амюрана милоспи,

Часть IV. О чтобъ

чтобъ онъ позволилъ его невольницѣ возвратиться къ Садаку. Прикажи, Свѣтлѣйшій Государь! дасть мнѣ нѣсколько изъ твоихъ спражей, моихъ избавителей, для опведенія меня въ домъ Садака, раба твоего. „

Какъ Калаэрада переснала говорить, то Амюратъ далъ знакъ своимъ евнухамъ, чтобъ они вышли. Онъ взялъ прискорбную красавицу за руку и просилъ ее встать.

„Прекрасная Калаэрада! скажи ей: откровенное изъясненіе твоего приключенія мнѣ пріятно. Обладательница моего сердца! вы не въ домъ невольника, но въ садахъ Амюратова сераля. „

При сихъ словахъ Калаэрада перемѣнила цвѣтъ: блѣдность смерти пошемнила свѣтъ щекъ и губъ ея. Она обезпамятѣвъ
упа-

упала, какъ упадаетъ цвѣтъ, опорванный сильнымъ вѣтромъ отъ своего стебля.

Амюрашъ тотчасъ приказалъ помогать ей нѣкоторымъ изъ серальскихъ женщинъ. Едва, и то съ великимъ трудомъ, могли привести ее въ чувство. Но какъ скоро появился опять Амюрашъ, она въ большее впала безпамятство.

Однако, спустя нѣсколько часовъ, она пришла въ чувство. Тогда Амюрашъ говорилъ ей:

„Нѣтъ, любезная моя Кадзада, не возможно предъ владѣтелемъ земли припворять свои мысли, ни говорить противъ чувствованій его сердца. Припворство есть свойство и часть невольниковъ. Солнце не имѣетъ тѣни, и владѣтель Азіи не терпитъ припворства. Кадзада! я тебѣ не поущу дол-

тое время мучишься неизвѣстностію, и будешь какъ бы добычею страха и опечаленія. „

„И такъ знай, прекрасная и любезная Калазрада, что я поревновалъ рабу моему Садаку, которой щеславился пѣвѣ, что вкушаетъ большее удовольствіе, нежели Государь его; и для того принялъ намѣреніе умѣрить и умалить его щеславіе. „

„Янычары (пѣхопная гвардія Турецкаго Султана) гошovy были исполнить мои повелѣнія. Жизнь его стоила мнѣ одного только слова, но я рассудилъ, что смерть не накажетъ совершенно его надмѣнности; и такъ я его предославилъ на мученіе другаго рода. „

„Я далъ повелѣніе начальнику моихъ евнуховъ подкупить нѣкоторыхъ изъ невольниковъ Садаковыхъ, и подговорить ихъ, чтобы

чтобы они съ четырехъ сторонъ
 взгляли домъ его, похищали Ка-
 лаграду и привели въ мой се-
 раль, не имѣя тогда никакого
 другаго особеннаго противъ те-
 бя намѣренія. Нѣтъ, жена Са-
 дакова казалась мнѣ бытъ недо-
 стойною служишь увеселеніямъ
 и желаніямъ Амюрапа; но зная,
 что вы столько славились во
 владѣніи у Садака, составляв-
 шаго щастіе жизни вашей, рѣ-
 шился я на то, чтобы и вы
 раздѣляли съ нимъ его наказаніе;
 и для того заключилъ я васъ въ
 сіе мрачное жилище, и грубою
 пищею кормилъ чрезъ нѣсколько
 дней приказалъ. Я зналъ о пер-
 вомъ вашемъ опчяніи; зналъ,
 что вы, видя никѣмъ себя не
 безпокоюмую, начинали терпѣли-
 вѣ сносить свою участь. Тогда
 я приказалъ одному изъ вашихъ
 невольниковъ прийти къ вамъ

и принуждаю согласиться на его желанія. Но, сподобило великое ревнивое бѣшенство, что я почиталъ мщеніе мое быть несовершеннымъ, ежели не буду свидѣтелемъ стыда вашего и безчестія. Я потчасъ пошелъ за невольникомъ въ томъ намѣреніи, чтобы скрывшись наблюдать, что будетъ происходить между вами. Я пришелъ въ самую ту мину, какъ онъ вошелъ къ вамъ. Но, о любезная Калазрада! сколько я пораженъ былъ прелестями, которыми хотѣлъ жертвовать моему мщенію! „

„Увидѣвши такіа прелести, которыми никакое жестокое сердце прошившись не можетъ, каялся въ душѣ моей на смерть невольника, дерзнувшего помыслишь обезчестить обожаемую уже красавицу. Я далъ знакъ моимъ

имъ евнухамъ поймавъ сего на-
глаго пресшупника, и кровь его,
уже печа, оmyваетъ его дер-
зоспъ. „

„Но не все еще исполнено,
что Амюрапъ хочетъ сдѣлать
для обладашельницы своего серд-
ца. Калазрада почтеть себѣ за
щасіе, что Сулпанъ имѣлъ
мысли наказать высокобріе Са-
даково. Немногіе часы печали
вашей, о Калазрада! будутъ
вамъ испочникомъ величайшаго
блага, какого только полъ вашъ
желать можетъ. Вы побѣдили
и овладѣли сердцемъ Амюрапо-
вымъ. Слова его истинны. Я въ
помъ призываю свидѣтелемъ
Магомеша. Калазрада будетъ
любимою Сулпаншею Амюра-
ша. „

„Дуборъ! сказалъ Амюрапъ:
я вижу, что Калазрада не мо-
жетъ пропивишься восшоргу ра-

доспи, восхищающей ее отъ воображенія будущаго ея блаженства. Пока она въ семъ восхищеніи, вели ее перенести въ великолѣпнѣйшіе покои моего серая, гдѣ всѣ, которыхъ мы удостоиваемъ нашихъ благосклонностей, наслаждаются присутствіемъ и ласковостями своего Государя, и чтобъ всѣ оказывали ей почтеніе, должное Султаншѣ Монарха Азіи. „

Когда Дуборъ и прочіе евнухи старались исполнять Султановы повелѣнія, Амюратъ пошелъ въ баню, и одѣлся въ великолѣпнѣйшее Султанское платье.

Потомъ послалъ къ начальнику евнуховъ спросить, пришла ли въ чувство Калаэрада отъ восторга, въ какомъ онъ ее оставилъ?

На-

Начальникъ евнуховъ пришелъ къ Амюрату; печаль изображена была на лицѣ его. „Что такое сдѣлалось? сказалъ Амюратъ, видя печальной видъ своего невольника: или прекрасная Калазрада еще не опомнилась отъ перваго сильнаго воспора радости, которой почти лишилъ ее дыханія? „

„Владѣтель жизни моей! отвѣствовалъ Дуборъ: мы употребили всевозможныя средства для приведенія въ чувство прекрасную Калазраду; она еще лежитъ въ безпамятствѣ на софѣ, на которой вы ее оставили. „

„Ежели это такъ, прервалъ Амюратъ, то я самъ пойду въ ближній покой, изъ котораго могу видѣть, самъ будучи невидимъ, радость, какая возродится въ ея сердцѣ,
О ; какъ

какъ она, открывъ глаза, увидишь окружающее ее великолѣпіе. „

Амюретъ вошелъ въ ближній покой подлѣ той комнаты, въ которой была Калазрада, изъ котораго могъ онъ видѣть все ея движенія. Она, открывши глаза, смотрѣла съ негодованіемъ на богатство и великолѣпіе, ее окружавшія.

Нѣмые стояли по обѣимъ сторонамъ жены Садаковой, прекрасныя невольницы сидѣли на богатыхъ коврахъ и составляли два полукружія около софы; евнухи стояли поодаль съ оружіемъ, не смѣя поднять глазъ своихъ на Калазраду. Увидѣвши такое явленіе, вскричала она въ своемъ ошчаяніи: „ Садакъ, о Садакъ! прійди избавишь меня отъ сего ужаснаго великолѣпія! „

Въ

Въ таковомъ своемъ безпамятствѣ разорвала она и разбросала богатыя алмазные браслеты [зарукавья], которыя ей надѣли во время ея безчувствія, и разныя изъ драгоценныхъ камней цѣпцы, жемчугъ и прочія украшенія, бывшія на шеѣ и на грудяхъ ея. Попомъ, смотря на разбитые уборы съ негодованіемъ, сказала она: „Когда я имѣю еще сполько прелестей, чѣмъ привлечь сердца злыхъ неумоливыхъ и довести до нарушенія чести Садака, то я ихъ посвящу взаимной нашей вѣрности.“

Въ сіе самое время изодрала сама себѣ щеки, и прежде, нежели евнухи могли воспрепятствовать ей, она окровавила себѣ все лице, такъ что безобразіе ея казалось быть не излечимымъ.

Амю-

Амюратъ не могъ болѣе вытерпѣть такого своевольнаго свирѣпства; вошелъ въ покой и увидѣлъ жену Садакову всю покрытую собственною своею кровію.

„Невольники! сказалъ онъ евнухамъ: жизнь вашу вы будете отвѣтствовать за ваше нерадѣніе; вы лишили меня всего моего удовольствія. Видите вы сами, какъ любезная моя Калазрада обезображена. Амюратъ не насладился удовольствіемъ въ ея объятіяхъ! „...

„Но, примолвилъ онъ въ большемъ бѣшенствѣ, ежели ихъ нерадѣніе заслуживаетъ смерть, то какія мученія должны выдуманы быть для той, которая осмѣливается думать о любви къ невольнику тогда, когда великой и сильной Амюратъ удо-
сто-

опоишь ее ввести въ сераль своихъ услаждений! „

„Такъ, Свѣплѣйшій Государь, я заслуживаю смерть, сказала Калазрада, бросившись къ ногамъ Амюрашовымъ: я достойна смерти, кто совершитъ оную? Увы! кто можетъ принудить меня нарушить данную мною клятву? Или ---

„Невольница! перервалъ Амюрашъ, опходя отъ нее: не омарай одежду мою нечиспкою своею кровію, ни оглушай слуха моего воплями твоего непослушанія! Я оставляю себя здѣсь на три дни, чшобъ ты одумалась, и чшобъ исчезло твое опчаяніе и прискорбіе. Расположись принять меня въ свои объятія и получишь лобзанія мои, или видѣшь Садакову голову, помрачающую кровію своею солнце предъ окнами моего серая! „

Амю-

Амюрашъ оставилъ Калазраду, плавающую въ крови и слезахъ своихъ. Но при томъ далъ повелѣніе начальнику евнуховъ ни мало не отходить отъ нее, и приказать омыть лице и излечивать ея раны такъ, чѣмъ красота не понесла никакого безобразія.

Неутѣшная красавица отвергала всѣ вспоможенія. Погрузившись въ величайшую печаль свою, не вкушала она никакихъ сладкихъ пищъ, ей поспавляемыхъ. Дуборъ бросился къ ногамъ ея и просилъ подумать о слѣдствіяхъ, какія можетъ навлечь ея сопротивленіе.

Калазрада ничего не отвѣчала на его представленія; сердце ея перзалось настоящимъ несчастіемъ, воображая, что нѣтъ ужаснѣйшаго для нее, какъ быть жертвою Амюрашовой снраспи.

На

На другой день прискорбная Калазрада, сидя на той самой софѣ, размышляла о любезномъ своемъ Садакѣ. Она нечаянно увидѣла маленькую ппичку, лежащую около оконъ ея покоя, кошорыя были въ садѣ, и одно изъ нихъ было открыто. Въ окно влетѣла ппичка, сѣла на руки къ Калазрадѣ и пѣніемъ своимъ казалось хотѣла ушѣшать печальную красавицу.

Какъ ппичка окончала невинную свою пѣсенку, Калазрада, восхипившись ея ласкою, цѣловала ее, говоря:

„Любезная пѣвица воздуха! небо даровало тебѣ крылія вольности; ты летишь безъ препятствія, куда хочешь; ты свиваешь гнѣздо свое въ опдаденности отъ злобы чловѣковъ, и ппенцы твои покоются въ мѣ-

мѣстахъ, куда Амюрашъ летать
тебѣ не препятствуетъ. „

Жалобы Калазрадины прерваны были тихимъ голосомъ, кошорому она внимая, не воображала, чтобъ онъ происходилъ отъ ппички. Она явственно слышала сіи слова :

„ Прекрасная обладательница Садаковыхъ мыслей! не удивляйся, что говоритъ ппичка съ побою. Самыя слабѣйшія причины могутъ производить великія дѣйствія рукою сильнаго. Такимъ образомъ Алла употребилъ голубя орудіемъ для вдохновенія небесныхъ своихъ наставленій пророку Мекки. „

„ Калазрада завидуешь моей участи; потому что она судитъ обо мнѣ, какъ о дѣпищѣ вольности. Воображеніе ея представляетъ ей, что я летаю безпрестанно на крыліяхъ увеселе-

селенія. Она видитъ быстрое
летаніе мое въ пространствѣ
воздуха; она внимаетъ пѣнію
моему на вѣтвяхъ тѣнистыхъ
деревъ; но она не бываетъ сви-
дѣтелемъ въ лѣсахъ трудовъ
моихъ и непрерывныхъ спра-
ховъ и опасностей, какимъ под-
вергаетъ меня моя слабость.
Ежели легкія перья, возвыша-
ющія меня отъ земли, дѣлаютъ
меня по видимому выше чело-
вѣковъ, но тѣ же самые чело-
вѣки имѣютъ искусство дѣлать
ихъ для меня бесполезными, ко-
гда намѣряясь погубить меня;
я умираю въ разсѣвленныхъ ими
сѣняхъ. Но для меня довольно
знать, что я есмь твореніе
Аллы, котораго премудрость
предписала границы способно-
стямъ животныхъ.,,

„Теперь, Калазрада, кажется
вамъ, что я выпустила изъ
Часть IV. II сихъ

сихъ границъ; эшо произведено
вышесшественною силою, чшобъ
повинушся могуществу Адира-
мы, покровишельспвующей до-
бродѣшельной родъ Садаковъ.
Она говоришь языкомъ мо-
имъ, и упошребляешъ меня симъ
невиннымъ орудіемъ для ушѣ-
шенія Калазрады, не смотря на
силу ревниваго Амюрапа; вошъ
чшо она говоришь женѣ Сада-
ковой :

„Прискорбная красавица, не-
вольница подлаго припѣснишеля!
не спрашисъ бѣдспвій, испы-
тывающихъ добродѣшель; они
не сущъ испортившіеся плоды
порока. Злые никогда не воспор-
жествуюшъ. Жезлъ, на которой
они опираются, скоро прелом-
ляется. Облака, покрывающія по-
ля, дождемъ низпадаюшъ для
ихъ ушодотворенія; и когда
буря проходитъ, шншина бы-
ваетъ

ваешѣ пріяшнѣйшею. Славно для
сыновѣ вѣры сноситѣ съ терпѣ-
ніемѣ коловрашности, и про-
тивустоятъ съ швердостію
искушеніямѣ красовы и нѣжно-
сти ! ---»

Пшичка хотѣла далѣе про-
должанѣ наставленія Адирамы,
какѣ начальникѣ свнуховѣ во-
шелѣ къ нимѣ. Крылатая пѣ-
вица улешѣла въ окошко въ се-
ральской садѣ.

Дуборѣ, подошедши къ софѣ,
палѣ къ ногамѣ Калазрады.

„ Прекрасная Калаэрада! ска-
валѣ онѣ въ шрепешѣ, именемѣ
Элара, славнаго родишеля Сада-
кова, кошорому Дуборѣ долженѣ
жизнію : когда великой Эларѣ,
ошецѣ Садаковѣ, воинствовалѣ
подѣ знаменемѣ Магомеша на
границахѣ Славянскихѣ, и когда
жишели Саграбскіе бѣжали отѣ
его оружія : тогда вдова ошца

Ц а

мо•

моего и ея дочери были въ числѣ бѣглецовъ. Бѣдная мать моя, которая тогда кормила меня грудями, спрянула меня подъ свое плащье; а руками держала двухъ сестеръ моихъ, которые отъ младости едва могли итти за нею. Обременена будучи такою ношею и утѣсняема несчастіемъ, не могла она итти такъ скоро, какъ ея братья, которые, помышляя только о томъ, какъ бы самимъ спастись, не дѣлали ей никакой помощи, и не хотѣли пособить ей въ несеніи нужнаго для пропитанія.

Идана, мать моя, чувствуя, что бѣжать съ прочими для нее бесполезно и не возможно съ дѣтьми своими, къ бѣгству неспособными, но не хотѣя оставить ихъ бѣшенству непріятелей, шла съ ними на дорогъ, и когда я сосалъ ея груди, она съ

съ матернею нѣжностію лобызала двухъ дочерей своихъ. „

„Между тѣмъ, какъ она получала взаимныя ихъ невинныя лобзанія, увидѣла она передовыя войска Магометовой арміи. Двое янычаровъ поспѣшъ подбѣжали къ несчастной нашей махери. Лѣша помрачили уже красоту ея, но двѣ ея дочери обраптили на себя ихъ вниманіе. Либерака, старшая сестра, была красавица; она обливалася слезами, копорыя какъ жемчугъ капились по нѣжнымъ щекамъ ея; она была какъ роза, покрытая каплями зари. Гираба, младшая сестра, была въ прискорбіи, какъ и Либерака, но печаль не вапмѣвала ея прелешей. „

„Эша моя, сказалъ одинъ изъ янычаровъ, схвативши прекрасную Либераку; а я возьму

другую, примовилъ его товарищъ, хотя вырвать изъ рукъ у мащери любезную Гирабу.»,

„Идана, бѣдная мащъ моя, держада крѣпко за руки двухъ дочерей своихъ, призывая внутренно Хрисціанскаго Бога въ помощь. Янычары силились изшоргнуць изъ матернихъ рукъ свою добычу, но болѣе нашли сопротивленія отъ слабости женской, нежели ожидашь могли. Первой изъ нихъ, видя, что иначе не можешь получить Дибераку, извлекъ свою саблю и опшрубилъ руку несчастной Иданы, державшей оную дочь свою.»,

„Другой хищникъ, видя безчеловѣчной успѣхъ своего товарища, для обладанія Гирабы послѣдовалъ примѣру своего товарища, какъ Эларъ, командовавшій оными передовыми войсками, подоспѣлъ къ оному мѣсту

ему съ остальными солдатами. Видя такое жестокое предприятие янычара, ударилъ его мечемъ своимъ, и повергъ мертвого на дорогѣ. „

„Первый убѣжалъ, усправившись равной другаго участи. Эларъ сжалился надъ Иданою и дѣтьми ея. Онъ приставилъ къ ней спражу, приказавъ сыскасть искуснаго лѣкаря для перевязанія ея раны. „

„Но все было тщетно: Идана не воспользовалась великодушіемъ Элара. Ослабѣвши отъ изпеченія множества крови, умерла она въ объятіяхъ двухъ дочерей своихъ, прежде нежели могли подать ей помощь. „

„Либерака и Гираба, падши на лице матери своей Иданы, неуспѣшно оплакивали смерть ея. Невольницы, приставленные къ нимъ для служенія Эларомъ,

не могли уговорить ихъ принять предлагаемую имъ пищу. Они въ голодѣ препроводили три дни, пока продолжалось преслѣдованіе Турками Славяновъ. Никто не могъ отвлечь ихъ отъ мертваго тѣла добродѣтельной и нѣжной матери; а я сама была одною Эларовой невольницею. „

„Два сестры мои, Либерака и Гираба, ослабѣвшія отъ усталости и печали, скоро послѣдовали за Иданою въ мрачныя жилища смерти. Я остался одинъ на рукахъ Эларовой невольницы. Когда побѣдоносная армія возвратилась отъ преслѣдованія непріятелей, невольница принесла меня къ своему господину, и рассказала о смерти несчастной моей матери и сестеръ. „

„Эларъ, видя въ глазахъ моихъ нѣкошорую живность, по-лю-

любилъ меня; онъ приказалъ невольницѣ, моей кормилицѣ, представить меня Магомешу, что она и исполнила. Магомешъ велѣлъ меня воспитывать въ надеждѣ служенія въ его сералѣ. Первое познаніе было повѣствованіе, какое я вамъ шепегъ рассказывалъ о несчастныхъ приключеніяхъ матери и сестрѣ моихъ, копорыя описывала мнѣ моя кормилица.,,

„ Прекрасная Калаэрада! теперь вы, узнавши о моей жизни, сомнѣваясь не можете о моей привязанности къ Садаку, сыну перваго моего господина Элара, копорого великодушіе представило меня Магомешу, и копорой былъ первѣйшею причиною моего щастія, чести и выгоднѣйшаго мѣста, на копоромъ я нынѣ наслаждаюсь всѣми благими жизни по милости

сильнаго Амюрата. Но увы! долженъ ли я надѣялся, что Садакъ повѣришь моей искренности и къ нему нелесной привязанности, когда я по повѣдѣнію Амюрата подкупилъ Садаковыхъ невольницъ и побудилъ ихъ похищить любимую жену его, и привести въ сераль сильнаго Амюрата? „

„Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная и вѣрная Калазрада, незнаніе мое должно быть моимъ извиненіемъ. Воспитанный въ мѣспахъ сихъ, не зналъ я никогда другаго закона, кромѣ воли моего Государя, и я по сихъ поръ не думалъ и не вѣрилъ, чтобъ была на свѣтѣ женщина, которая бы могла столько щастлива быть, чтобъ овладѣть сердцемъ сильнаго Амюрата. „

„Но опчаяніе жены Садаковой, ея постоянство и великодуш-

душное презрѣніе, оказываемое
 ею къ величеству и славѣ, дол-
 женствующимъ быть цѣною не-
 вѣрности, даюшъ мнѣ чувство-
 вать, колико обидѣлъ я и огор-
 чилъ храброго и славнаго Сада-
 ка, и въ какую бездну неща-
 сній погрузилъ я добродѣтель-
 ную Калазраду. Увы! чѣмъ кон-
 чилась прошивность моя пове-
 дѣніямъ Амюраша? Смерть пред-
 ложена наказаніемъ моего непо-
 слушанія, а звѣрское сердце, же-
 сточѣе моего, споспѣшествовало
 безчеловѣчнымъ прошивъ васъ
 Амюрашовымъ намѣреніямъ.
 Нѣтъ никакого здѣсь мнѣ из-
 виненія. Я буду служить и со-
 хранять жену Садака, сына
 славнаго моего покровителя. Сіе
 только одно можетъ принято
 быть извиненіемъ. „

„Дуборъ! оповѣстивовала
 любезная Калазрада: со всѣхъ
 спо-

споронѣ повѣстѣ швоя кажется
быть подозрительною. Но естѣ-
ли вы имѣете чистосердечное
намѣреніе оказать мнѣ услуги,
какъ вы сами обѣщаетесь, то
отворише мнѣ двери сераля, и
опведише меня въ домъ Сада-
ка, обладателя мыслей моихъ.,,

„Какъ! перервалъ Дуборѣ:
Калазрада не знаетъ, сколько
спражей бодрствуютъ около и
внутри сераля? Кто можетъ
выйти изъ сихъ мѣстъ, не
бывъ примѣченнымъ и захвачен-
нымъ? Любезная обладательница
сердца Садакова! развѣ вы не
знаете, что безчисленное мно-
жество нѣмыхъ и евнуховъ без-
престанно обходятъ сіи мѣста,
и тысячи янычаровъ окружа-
ютъ сіи стѣны какъ со спо-
роны водъ, такъ и съ сухаго
пути. Нѣтъ, прекрасная плѣн-
ница! не возможно и думать
вып-

выпши отсюда безъ согласія и соизволенія того, кто васъ здѣсь содержишь. „

„Рабская и подлая душа! сказала Калазрада: все ли шуть утѣшеніе, какое ты принесъ къ уменьшенію моего прискорбія? Безчеловѣчной! свидѣтельствъ твоей клятвы и обѣщаній подтверждаюшь мое несчастіе. Нѣтъ, безъ сомнѣнія ты не Турокъ, но слабый опсупникъ, поспавляющій все свое удовольствіе въ мученіи несчастной, нежели въ поданіи ей возможной помощи. О Садакъ, Садакъ! для сего ли твоя великодушная родитель Эларъ пощадилъ пролить кровь Христіанина? Для того ли, чѣмъ онъ со временемъ былъ жесточайшимъ орудіемъ злости Амюрашовъ прошивъ тебя? Такими разсказами погашаешь онъ жалость

и

и великодушіе военнаго сердца,
и оправдываетъ безчеловѣчіе
тѣхъ, которые не щадятъ ни
пола, ни возраста. „

Дуборъ, начальникъ евну-
ховъ, ошвѣстивовалъ сими сло-
вами :

„ Должно ли укорять гор-
даго набѣдника, что онъ не
можетъ бѣжать на колесницѣ
безъ помощи земли, его нося-
щей? Можно ли знать вредное
растѣніе деревъ, непокрываю-
щихся сочными кислями ягодъ,
испочающихъ винныя капли?
Хотя Дуборъ не можетъ из-
влечь Калазраду изъ сихъ мѣстъ,
однако можетъ найти средства
воспрепятствовать Амюрашу
исполнить гнусныя свои пред-
пріятія и удовольствовать
схрасъ свою. „

„ Ахъ! ежели это правда,
перервала съ восхищеніемъ Кала-
зрада

вѣра. . . . вѣрной и великодушной Дуборѣ, то подозрѣнія мои несправедливы. Проспите моему прискорбію, угнѣтающему смущенную душу мою. Порокъ обитаетъ въ мѣстахъ сихъ, и душа обладателя оныхъ избавляетъ меня отъ страха, что невольники его не столько безчеловѣчны, какъ онъ самъ. Я съ благодарностію приѣмлю швое благодѣяніе, и я предаю себя мудрымъ вашимъ совѣтамъ. „

„ Самая большая слабость Амюрата, продолжалъ начальникъ евнуховъ, есть его высокомеріе и гордость; любовь его есть невольница гордости души его. „

„ О еслии такъ! сказала Калазрада, прервавши Дубора: я припшворюсь, чтобъ заслужить его презрѣніе. Я буду показываться подлою въ глазахъ его

гор-

гордости; я стану разгнѣвлять надмѣнную душу его: онѣ меня презришь и выгонишь изъ своего серала, какъ недостойное швореніе его вниманія.»

„Увы! перервалъ Дуборъ: вы еще не знаете совершенно злобы Амюраповой. Прекрасная Калазрада! таковой поступокъ побудишь его къ изобрѣшенію новыхъ наказаній для Садака, къ которому знаетъ онѣ, что сердце Калазрадино спраспно привязано. Нѣтъ, государыня моя! надобно употребить иную хитрость, ежели вы хотите избѣгнуть тѣхъ несчастій, которыхъ вы столько спрашиваетесь. Если увѣрится Амюрашъ, что вы столько любите Садака, то ничто не упушитъ гнѣва его. Можетъ быть, онѣ бы увеселяться спалъ однимъ созерцаніемъ нѣжнаго предмета,
имѣ

имѣ сполько обожаемаго. Но скоро возрастетъ въ сердцѣ его ревнивость къ прелестямъ, и несчастной Садакъ будетъ жертвою его мщенія. Нѣтъ, Калазрада! когда вы покажетесь бытъ согласною на исполненіе его желаній; когда онъ воспользуется своими благосклонностями: то ничто не уменьшитъ гнѣва его, наипаче когда узнаете, что вы любите еще Садака. Споль велико его самолюбіе: онъ желаетъ властвовать и надъ тайнѣйшими помышленіями подверженныхъ власти его. „

„О Дуборъ! сказала Калазрада: къ чему клонятся слова сіи? Небо! что мнѣ осталось дѣлать, какіе дашь мнѣ совѣты? „

„Не спрашитесь ничего, прекрасная Калазрада, сказалъ

Часть IV. Р на-

начальникъ евнуховъ : я хочу освободить васъ отъ воображаемыхъ вами по пустому страху. Среди пространнаго моря есть великій островъ, окруженный неприступными горами, и граничащій обманчивыми каменьями, тѣмъ болѣе опасными, чѣмъ они скрытнѣе. Внутри острова съ вершины высокой горы протекаетъ небольшой источникъ, въ водахъ котораго содержишься сила, вливающая забвеніе пьющимъ всего того, что съ ними случилось въ теченіе ихъ жизни. Но приступъ къ сему источнику столько труденъ, что никто еще до сихъ поръ не вкушалъ ни капли отъ сихъ водъ забвенія, хотя многія тысячи героевъ (славныхъ и сильныхъ мужей) покушались на сіе предпріятіе. »

» Вотъ

„Вотъ вамъ совѣтъ, даваемый мною : когда придетъ къ вамъ, любезная Калазрада, Амюрапъ, то примите его съ ласкою и покорностію; когда онъ будетъ васъ принуждать согласиться и уступить силъ любви его, то вы соглашайтесь съ нимъ, чтобъ онъ доспалъ вамъ воды изъ источника забвенія, чтобъ вы, забывши прежнюю вашу склонность къ Садаку, доспойною сдѣлались любви завоевателя всей вселенной.“

„Ахъ, Дуборъ, Дуборъ! опѣшествовала Калазрада: какъ могу притвориться я въ почтеніи моемъ къ Садаку? Я спрашусь и одной тѣни порока. О Садакъ, любимой душею моею! могу ли я быть любовницею мучителя моего и моего сердца? Сердце мое можетъ ли позабыть минуны нашего нѣжнѣйшаго сово-

купленія? Какъ можетъ оно нарушить свои кляшвы?»

„Добродѣтельная супруга Садакова! продолжалъ евнухъ: не представляйте себѣ воображаемыхъ предпріятій, для васъ по видимому нужныхъ. Предусматривайте вашъ жребій и жребій обладателя вашихъ мыслей, если вы отвергнете мои сіи совѣты. Не лучше ли показаться, что вы забыли Садака, нежели показать грубой видъ, которой можетъ огорчить любовь Амюратову?»

„О Дуборъ, Дуборъ! сказала Калазрада: нѣтъ несчастія, подобнаго тому, какое чувствуетъ мое невинное сердце, и все позволяетъ мнѣ избѣгнуть лобзаній неукропимаго Амюраша. Садакъ, любезной мой Садакъ, простишь мнѣ все то, что я
пред-

предприму для исполненія моихъ намѣреній.»,

„Прекрасная Калазрада! примолвилъ Дуборѣ, обращая къ ней слова свои: я не смѣю болѣе лежать у ногъ вашихъ, опасаясь, чтобъ Амюрашъ не приказалъ употребить всѣ средства для невиннаго ураненія вашего сердца тогда, когда совѣшую я вамъ принять его благосклонно въ прищворныхъ обѣщаніяхъ любимой его Султанши.»,

„Его Султанши! о Дуборѣ! проси мнѣ, что я выговорила сіе гнусное имя, сказала Калазрада; нѣтъ для меня опшрашительнѣ сего названія.»,

Начальникъ евнуховъ поклонился до земли, и вышелъ вонъ.

„Разговоры Дуборовы, сказала Калазрада сама въ себѣ, когда онъ вышелъ вонъ, не что иное сушь, какъ выдуманная

сказка для умноженія печали прискорбной души. Но какъ онъ не умѣлъ довести меня до преизбвенія моей рѣшимости, я бы положила на его вѣрность. Ежели бы его слова были истинны, то бы совѣщъ его былъ мнѣ полезенъ; но для меня еще хуже, что опложено на нѣкоторое время ожидающее меня несчастіе.,,

Мудрыя наставленія пничи Адирамовой и ласкныя упованія, данныя Дуборомъ Калазрадъ, сподлько утѣшили ея сердце, что она позволила подходить къ себѣ серальскимъ женщинамъ. Она начала вкушать и приносимую ей пищу; она надевала богатыя украшенія, которыя прежде разрывала и разбрасывала.

Вечеромъ третьяго дня серальскія невольницы пришли воз-
вѣ-

вѣспитъ ей о посѣщеніи Амю-
ратовомъ. Султанъ вошелъ въ
ея покой, и жена Садакова пала
предъ лицомъ его.

„Калазрада! сказалъ Амю-
ратъ: скажите мнѣ, не вставая
опѣ земли, положили ли вы раз-
личіе между любовію невольни-
ка и благосклонностію владѣте-
ля? Ежели вы хопите бытъ
щасливыми, то спѣшите ско-
рѣе въ мои объятія.“

„Свѣтило вѣрныхъ, силь-
ный владѣтель земли! отвѣп-
ствовала почтительно печаль-
ная Калазрада: раба ваша не
можетъ достойно возблагो-
дарить за преимущество, какого
вы удостоиваете предметъ, со-
всѣмъ недоспойной возрѣнія ва-
шего. Но, о Государь! не го-
ворите болѣе о почестяхъ и до-
стоинствахъ, на копорыя вы
меня повести хотите; побере-

гните мою слабость; страши-
тесь, чѣмъ ослѣпленное сими
споль высокими мыслями мое
воображеніе болѣе не смути-
лось, и чѣмъ великость во-
спорга, кошорому сердце мое
прошивишься не возможетъ, не
погрузила Калазраду въ ужасную
ночь вѣчности. „

„О премѣна, споль же чу-
десная и неожиданная! вскри-
чалъ въ радости Султанъ, и
тотчасъ бросился поднимать
Калазраду: какія пріятныя сло-
ва слышалъ я теперь! слова, драго-
цѣннѣйшія для меня всего мо-
его государства. Дай мнѣ еще
услышать сей восхищительной
голосъ, прекрасная Калазрада!
Уши мои да слышатъ его ты-
сячи разъ; пребудь ошъ сильна-
го Амюраша воздаянія, какого
только желаетъ сердце ваше. „

„Увы!

„Увы! увy! продолжала Калазрада: что я осмѣлюсь выговоришь предъ лицомъ Султана, моего Государя? Сильный Амюратъ возведетъ дочь хлѣбопашца на самой верхъ величества! Жена Садакова, мать многочисленнаго семейства, послѣдняя изъ бѣдныхъ жителей на берегахъ Босфорскихъ, будетъ любимицею Амюрата и Султаншею Опшоманскаго государства! Нѣтъ, Калазрада не льститъя сими преимуществами; она очень чувствуетъ свою низкость. Безумная Калазрада! Амюратъ смѣется своею глупостию, и кажется, что онъ хочетъ возвести себя столь высоко для того только, чтобъ послѣ низверженіе свое сдѣлать ужаснѣйшимъ. „

„Какъ черепаха, поднятая на высоту воздуха въ когтяхъ

сильнаго орла, упадеши съ большимъ стремленіемъ на каменистыя горы, тогда разбившись, бываетъ добычею гордой птицы: такъ и Калазрада будетъ почтена и украшена славою до тѣхъ поръ, пока угодно будетъ тѣмъ, которые шоржествуютъ надъ ея слабостію; а послѣ низведупъ ее въ первую ея бѣдность, которое состояніе будетъ ей тогда новымъ мученіемъ. „

„Я клямусь священной кровію пророка, текущею въ моихъ жилахъ, сказалъ Амюратъ; я исполню мое слово: Калазрада навсегда будетъ Султаншею моего сердца. „

„Но, перервала Калазрада, сильной Амюратъ не разгнѣвается, ежели раба его дерзнетъ выговорить свое прошеніе; онъ позволиши просить у него

него милоспи, касающейсѣ до
еѣ чеспи. „

„Калазрада! сказалъ Амю-
рапъ: будьте оспорожноу въ
вашихъ пребованіяхъ; ибо еже-
ли Садакъ еще владѣетъ ващи-
ми мыслями, и еспьли онъ пред-
метомъ пребуемой вами мило-
спи, шо огнь гнѣва моего па-
детъ на шеѣ и на него. „

„Имя возжигающаго нена-
виспъ въ сердцѣ Амюрапа еспъ
далеко отъ языка моего, онъ
вѣщспвовала Калазрада. Испре-
бите сѣи подозрѣніѣ, милоспи-
вый Государь! — Но, увь! я
не могу надѣѣтсѣ, чтобъ мое
прошеніе исполнено было; а
еспьли оно не исполницѣ, шо
я не могу бытъ щаспливою, ни
заслужитъ любви Сулпановой. „

„Нѣпъ, свѣплѣйшій и силь-
ный Амюрапъ, не надѣѣтсѣ вку-
сищъ совершеннаго удовольствіѣ
сѣ

съ тою, кою радость будетъ всегда напосланиемъ того несчастнаго, кою владѣлъ нѣкогда Калаэрадою. Какъ могу я оказать Государю моему достойную нѣжность благороднаго его жара, когда при-
 екорбной мой духъ будетъ опягченъ печальными мыслями прежняго моего состоянія? „

„Вы скоро избавитесь и истребите сіи печальныя мысли, перервалъ Амюрашъ; тысячи увеселеній будутъ окружать прекрасную Калаэраду; солнце и луна будутъ свидѣтелями вашего благополучія. Пляски, пѣнія, музыка, пиршества, игры, народныя празднованія и тайныя забавы, непрерывно имѣющія продолжаться, не дадутъ вамъ времени подумать о томъ, чѣмъ вы были прежде. Сердце ваше ка-
 кое

кое бы ни вообразило удовольствіе, оно тотчасъ исполнено будетъ. „

„ Владѣтель жизни моей! оповѣстивовала Калазрада: я не должна сомнѣваться о могуществѣ и власти вашей, ни о вашей ко мнѣ искренности. Вы для меня будете дѣлать празднованіе за празднованіемъ, увеселенія за увеселеніями, но не можете никогда воспрепятствовать душѣ моей, чтобы жестокое напоминаніе моей прошедшей низкости и моего недостоинства не разливалось по сердцу моему горести при всѣхъ моихъ удовольствіяхъ, вами обѣщаемыхъ, которыхъ пріятности не будутъ улаживать сердце мое. „

„ Чтобы доказать вамъ мою искренность, и сколько я желаю и стараюсь удовольствовать

вашъ

вашъ всѣ желанія Калазрады, сказалъ Амюрашъ, по видѣніе вы сами, что я готовъ выслушать твое прошеніе и согласишься на оное. Но я вамъ напоминаю: берегитесь прошенія вашего имѣшь предметомъ Садака. „

„Благодѣтельный Амюрашъ! сказала Калазрада: просшите моей дерзости, съ какою я буду говорилъ вамъ. „

„Откройте мнѣ желанія вашего сердца, перервалъ Султанъ; и ежели они согласны съ нашею любовію, я ихъ исполню, хопя бы они стоили всего моего государства. „

„Государь! сказала Калазрада: я слышала о нѣкоторомъ испочникѣ, котораго воды имѣють силу забвенія всего того, что прежде съ кѣмъ случилось. Сильный и свѣшлѣйшій Султанъ Азіи,

Азіи, которому нѣтъ ничего невозможнаго, да клянется мнѣ пророкомъ, что я вкушу опѣ водѣ сихъ прежде, нежели буду въ своихъ объятіяхъ. Когда воды забвенія испребяютъ память прошедшей моей жизни, тогда я совершенно буду невольницею Амюрапа и желаній его. „

„Скажите лучше обладательницею моего сердца, перервалъ съ восхищеніемъ Амюрапъ. Любезная моя Калазрада! я вижу, что вы меня любите, что вы хотите быть моею. Клянусь Магомешомъ, что удовольствую свои желанія. Я не буду болѣе говорить о любви моей до тѣхъ поръ, пока не увижу васъ вкусившую воды изъ источника забвенія, а вы представьте мнѣ знающаго, гдѣ текутъ сіи воды. „

Кала-

Калазрада бросилась къ когамъ Амюрапа и сказала: „Государь! вы исполняете радостію рабу вашу. Вы, извлекиши меня изъ низкости, обновляете жизнь мою. Пошлявши память прошедшаго, я буду стараться нравиться свѣшавшему Султану Азіи, не бывъ возмущаема на-поминаніемъ прежняго моего со-сшоянія. „

„Встаньте, прекрасная Калазрада, сказалъ Амюрапъ, восхищенный радостію и любовію; но, примолвилъ онъ, смотря на нее съ нѣжностію, что я сдѣлалъ? Я опложилъ благополучіе мое на нѣсколько дней. --- Въ томъ клялся я Магометомъ; теперь долженъ я стараться скорѣе исполнишь желанія Калазрады. „

Конецъ четвертой части.

MAR 10 1942

